

Александр Мащенко

Из Крыма вокруг света

Симферополь
2023

УДК 070.16 (7) : (477.75)
ББК 76.00 (2 Рос — 6 Кры)
М 387

Мащенко Александр Петрович.

М 387 Из Крыма вокруг света / Мащенко Александр Петрович — Симферополь, Издательский дом КФУ, 2023. — 272 с.: илл.

ISBN 978-5-6049316-7-7

Книга представляет собой сборник путевых очерков, написанных известным крымским журналистом Александром Мащенко во время его путешествий по миру на протяжении последней четверти века.

Испания, Италия, Греция, Германия, Швейцария, Польша, Турция, Соединенные Штаты Америки, Куба, Бразилия, Аргентина, Китай, Индия, Филиппины, Иордания, Танзания и, конечно, «много России»: Камчатка и Байкал, Соловецкие острова и Валаам, Великий Новгород и Псков, Волга и Дон, Кавказские горы и Пушкинские – тоже горы. А также много всего другого.

Вместе с автором читатель взберется на крышу Африки, чтобы попробовать на вкус снега Килиманджаро, поговорит с Зевсом на вершине Олимпа, спрячется с Одиссеем в чреве Троянского коня, поднимет флаг Крыма на высшей точке Острова свободы, на Великой китайской стене и на вершине действующего вулкана на Камчатке, подхватит вирус Зика в Бразилии, соберет камни на Ближнем Востоке и разбросает их на Дальнем; выучит китайскую грамоту в Пекине и арабскую в Аммане и переживет множество других приключений.

В книге нет ни одного очерка о путешествиях по Крыму и в то же время они все – о Крыме. Это тексты о путешествиях крымчанина по миру. Читая их, можно многое понять не только о странах, по которым путешествовал автор, но и о Крыме, в котором он живет. Часть очерков писалась в годы, когда полуостров еще входил в состав Украины, а часть – уже после воссоединения с Россией, но в каждом из них отражается «наш Крым».

УДК 070.16 (7) : (477.75)
ББК 76.00 (2 Рос — 6 Кры)

ISBN 978-5-6049316-7-7

© Мащенко А.П., 2023
© Издательский дом КФУ, 2023

Ваньке

Что гонит нас за тридевять земель,
За трижды восемь рек, озёр, морей
От дома, где уютную постель
Для нас устроил ортопед Морфей?
Банально – тяга к перемене мест,
Инстинкт бежать из замкнутого круга,
Стремление поставить жирный крест
И вместо росписи отправить другу;
Обнять мою красавицу-страну
И выпить за неё из старой фляги,
И передать медведю-шатуну
Камчатскому привет от Аю-Дага;
Взобраться на курящийся вулкан,
Минздрав забыл предупредить о риске,
И разглядеть с вершины океан,
Отметившись в заветном белом списке.

Содержание

От автора	6
Зима Господня	7
На Матку Боску надейся, а сам не плошай	11
Русские каникулы	20
Однажды в Америке	24
Слава Богу и «Святой Марии»: по следам Белой армии	39
Дивный остров Валаам: из чертовой пасти к Богу за пазуху	48
Осоловеть!	52
На пупе Земли	57
На родине Великого Александра	61
Святые метеоры, или Между небом и землей	65
Афины – город контрастов, или На руинах демократии	69
Ход троянским конем	73
«Крымское время» на Олимпе	76
Принцы и нищие Мраморного моря	79
Салоники без сала	82
На семи холмах Рима	85
Вернуться живым	88
Германия до 18 и старше	91
Берлин будущего и прошлого	94
53 градуса по Леннону	98
Химия Каталонии	101
Анатомия Испании	105
Философия корриды	109
На углу у индийской мамочки	113
В гашишном «раю»	117
Страна картофельных рвов	121

На экваторе белых сосисок	125
На крыше Африки	128
Блеск и нищета черного континента	131
Чёрные дни, или Африканизация Украины	138
Корни российской жизни: что общего между Крымом и Байкалом?	142
Санкт-Петербург: ищите женщину	145
Вирус Зико: по Рио из Крыма не в белых штанах	149
Абхазия на крымских ладонях	159
Крым или Кавказ?	163
Ближний Восток: время собирать камни	166
Куба – полвека в блокаде	172
Каждый россиянин должен хотя бы раз в жизни побывать в Бородине	180
Ежегодно в русскую сказку попадают миллионы туристов со всего мира	185
Русские Филиппины	189
Китайская грамота	196
Камчатка наша: с полуострова пляжей на полуостров вулканов	204
Пароль доступа к Русскому миру: 06061799	210
На троих с классиками	217
Как я измерил Россию	220
За героями Достоевского: из Петербурга в Скотопригоньевск	224
Славянская азбука тихого Дона	230
Крымский Дон: параллели и меридианы Русского мира	235

От автора

Я взбирался на крышу Африки, чтобы попробовать на вкус снега Килиманджаро, и пил пиво на экваторе белых сосисок в Германии; искал львов, носорогов, слонов, бегемотов и... себя в затерянном мире Нгоронгоро; подхватил вирус Зико – то ли на Маракане, то ли на Копакабане, то ли в фавелах Сантуса, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро; собирал камни на Ближнем Востоке и разбрасывал их на Дальнем; изучал китайскую грамоту в Пекине и арабскую в Аммане; шел по следам русских в Индии и на Филиппинах; разговаривал с Зевсом на вершине Олимпа и прятался с Одиссеем в чреве Троянского коня; поднимал флаг Крыма на высшей точке Острова свободы и на Великой китайской стене.

Однажды в Америке я показывал тамошним журналистам на политической карте мира Украину, в состав которой тогда входил Крым – сами найти не могли; и объяснял, что сила не в деньгах, а в правде, а потом жил в доме у отставного офицера ЦРУ, заделавшегося на заслуженном отдыхе фермером в жаркой Алабаме.

В Афинах я видел руины демократии, а в Риме – руины империи. В Испании изучал анатомию Кастилии, химию Каталонии и философию корриды. Я не пошел ко дну в Венеции и не сошел с ума во Флоренции, отломал кусок той самой знаменитой стены в Берлине и сфотографировался с битлами в Гамбурге. Я хлестал огненную воду с индейцами и курил траву на углу у индийской мамочки.

Я измерил Россию с запада на восток. Взбирался на камчатские вулканы, чтобы заглянуть в преисподнюю; спасался из Чертовой пасти и прятался за пазухой у Господа Бога на Валааме; копал корень русской жизни в тайге Хамар-Дабана; пил на Байкале и из Байкала; осоловел на Соловках, шел на яхте за Русской армией Врангеля, терял и находил пароль доступа к Русскому миру в Пушкинских горах, крался за Родионом Раскольниковым по Санкт-Петербургу и за Алексеем Карамазовым – по Скотопригоньевску.

Путевые очерки обо всех этих и многих других приключениях на протяжении двадцати с лишним лет публиковались в разных газетах и журналах, а теперь я собрал их под одной обложкой, специально не изменив ни слова, хотя, конечно, на некоторые события и явления я сейчас смотрю немного иначе.

Однако пусть все будет так, как было.

Здесь нет ни одного очерка о путешествиях по Крыму и в то же время они все – о Крыме. Это тексты о путешествиях крымчанина по миру. Мне кажется, читая их, можно кое-что понять не только о странах, по которым я путешествовал, но и о Крыме, в котором я живу.

Часть очерков писалась в годы, когда полуостров еще входил в состав Украины, а часть – уже после воссоединения с Россией, но в каждом из них отражается «наш Крым».

Во всех этих путешествиях – и до, и после – со мной был Ванька.

Зима Господня

август 2008

В полутора часах пути от Москвы лежит другой (лучший?) мир. Попасть туда нетрудно. Электрички от Ярославского вокзала отходят на север – северо-восток каждые двадцать-тридцать минут. Спустя полчаса, когда поезд минует окрестности столицы, вагоны пустеют и за окнами появляется снежок, который почему-то не хочет лежать в златоглавой. Зима господня.

– Следующая станция – Радонеж, – неразборчиво, жуя слова, объявляет машинист, и сердце замирает.

– Радонеж! Русь! Настоящая! Посконная! Сермяжная! Кондовая! Безо всяких, понимаешь, пропорциональных и мажоритарных фантазий, коими совсем забили баки москвичам.

Прилепляешься лбом ко грязному окошку и жадно впитываешь уползающий из-под колес убогий русский пейзаж. Низкое серое небо и измученные, изогнутые ветрами осины...

Электричка замедляет ход, и сквозь скрип тормозных колодок не перестающий жевать машинист бормочет: конечная станция – Сергиев Посад.

– Приехали.

Несмотря на свою всероссийскую известность, Посад кое в чем по-прежнему остается заштатным советским городишком – Загорском.

Три часа пополудни. На городок уже начинают опускаться быстрые зимние сумерки. Мороз крепчает, сжимая ледяными стальными пальцами голову. Хочется выпить.

В железной привокзальной забегаловке, какие, кажется, были выстроены в эпоху развитого социализма у каждой железнодорожной станции от Бреста до Владивостока, опять шемит сердце.словно лет десять (двадцать-тридцать) долой с плеч.словно и не было ничего: перестройки, ускорения, пуши, путей, войн, «локальных конфликтов». «Соображают», стоя за плохо протертыми столами, те же, что и встарь, мужики. И та же тетка, облокотившись на стойку (хотя тогда и слова-то такого никто не знал), бессмысленно глядит сквозь стену куда-то в мутную ярославскую даль.

Закусивши холодным пирожком с кислой капустой сто граммов местной, посадской, водки, идешь мимо памятника старому русскому меценату Савве Мамонтову по главной городской улице назад, к Москве. Снег медленно кружится и припорошивает голову, но тепло уже разлилось по телу, и мороз только приятно щиплет щеки и нос.

Наконец открываются купола Троице-Сергиевой лавры. Внизу, первой, богомольца встречает часовенка, воздвигнутая прямо над колодцем, вымо-

ленным у Господа шесть веков назад преподобным Сергием Радонежским. Говорят, его студеная, зубы ломит, вода исцеляет от всяких хворей. Черпай себе алюминиевой кружкой из оцинкованного ведра и пей, сколько хочется, на здоровье.

А выше, на холме, раскинулась за толстыми древними крепостными стенами лавра. Шестьсот лет назад здесь росли дремучие великорусские леса.

Обитель находилась в таком дремучем лесу, что к ней едва можно было пробраться по узкой, едва заметной тропинке. Долго бродил Сергей по лесам, прежде чем полюбились ему это место, в десяти верстах от Радонежа, удаленное от жилищ и путей человеческих.

Теперь от дремучих великорусских лесов осталось несколько вековых монастырских елей, облубованных черными, как деготь, воронами. У монастырских ворот собирают пожертвования – тоже в черных, как деготь, рясах – монахи, чернецы. На руках и головах у иноков сидят ручные голуби – божьи птицы, символизирующие Дух Святой.

Сергия Радонежского почитают отцом великорусского монашества. Именно отсюда, из Сергиевого Посада, началось распространение православия и монастырей в средней и северной Руси.

Однажды во время молитвы Сергей услышал голос, звавший его по имени. Он отворил окно и увидел множество прекрасных птиц.

– Сергей! – говорил голос. – Так умножится число учеников твоих.

Птицы изображали достойных учеников великого наставника. Кто-то из них до гроба оставался в обители Сергия, другие стали основателями монастырей вокруг Москвы, третьи ушли в непроходимые дебри крайнего севера и оттуда светили своими дивными подвигами.

Отсюда же, из Сергиевого Посада, началось когда-то возрождение Русской земли.

Когда Дмитрий Донской собрал свое войско для битвы с монголо-татарами, он, прежде чем пуститься в поход, пришел к преподобному Сергию и спросил:

– Идти ли мне против сильного и грозного врага?

Сергий совершил молитву, благословил великого князя и сказал ему:

– Бог правды дарует тебе победу и сохранит тебя для вечной славы, а многим из сподвижников твоих готовы венцы мученические.

Вместе с Дмитрием Донским отправились на Куликово поле два русских инока-богатыря из Сергиевой обители: Ослябя и Пересвет. 8 сентября 1830 года Дмитрий Донской наголову разбил полчища Мамай. Монголо-татарскому игу был нанесен первый сокрушительный удар.

Щелкает затвор фотоаппарата, монахи мелко и часто крестятся, приговаривая: «Упаси, Господи!»

Сумерки становятся гуще. Низкие косые лучи заходящего солнца падают на снег, отражаются и освещают монастырские церкви мягким вечерним светом. Светло-серое, почти белое от снежных туч небо склоняется над укрытой белым покрывалом землей.

В Троицком храме кто-то из приезжих спрашивает у монаха:

– Сколько стоят свечки?

– Сколько дадите, – отвечает ему инок.

Человек приходит в замешательство и, чуть-чуть оправившись, спрашивает опять:

– И сколько можно взять?

Монах невозмутим:

– А сколько возьмете.

Богомolec озадаченно отходит в сторону, роется в карманах и опускает в ящичек для пожертвований какую-то купюру.

Однако не только голуби жили в окрестностях монастыря в старину. Часто рыскали у кельи Сергия стаи голодных волков. А однажды пустынник увидел перед своею хижиною медведя и, примечая, что он голоден, сжалился над ним, вынес кусок хлеба и предложил ему пустынный обед на пне. Зверь любил Сергия и часто приходил за угощением. А пустынник делил с ним хлеб, иногда отдавая и последний кусок.

В другой раз не случилось в монастыре хорошего сукна для одежды, и никто из братии не хотел брать единственный оставшийся кусок дурного сукна. Тогда игумен Сергей взял это сукно себе, сшил из него рясу и не снимал ее до тех пор, пока она не распалась от гнилости.

Сильно и сладко пахнет ладаном. В полумраке, под пение хора, вьется по храму длинная цепь жаждущих приложиться к мощам преподобного Сергия.

Без четверти пять сухой ломкий воздух пронизывают первые удары колокола. Звенят к вечерне. Темп монастырской жизни ускоряется. Убыстряют шаги монахи и миряне. Вдруг к первому колоколу присоединяются второй, третий, четвертый... Густой перезвон окутывает лавру и становится все настойчивее. Пространство между храмами чернеет, заполняется спешащими на службу монахами и вдруг, с последним ударом, внезапно пустеет. Пять часов вечера.

Еще добираться до первопрестольной. У монастырских ворот богомольцев окружает местная ребятня. У них бизнес.

– Дяденька, дай денежку! Мы за вас помолимся и свечку поставим!

Вы достаете из кармана мелочь, суετε ее кому-то из пацанов, но они не отдают:

– Дай денежку, дяденька!

– Иди, мальчик, Бог подаст!..

В конце концов рой мальчишек недовольно (мало заработали) мчится назад к лавре, и уже почти от самых монастырских ворот до вас доносится дружное:

– У, черт бородатый!

В 1408 году, уже после смерти Радонежского, ханские полчища разорили и сожгли обитель. Возродил ее на том же месте преподобный Никон. Когда исполнилось тридцать лет после кончины Сергия, Никон приступил к строительству каменного храма в честь Святой Троицы. 5 июля 1422 года он вынес из земли мощи святого. Не только тело чудотворца оказалось нетленным, но и одежда его оставалась невредимой, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. С тех пор мощи святого и пребывают в Троицком храме Сергиевой обители.

Электричка медленно ползет к Москве. За окном, в густой, черной, как деготь, ночи ползут задом наперед убогие русские пейзажи. Куда-то исчезает снежок, опять заполняются вагоны, начинают мелькать огоньки столичной иллюминации, и в душу врываются пропорциональные и мажоритарные фантазии.

Голосуй – не голосуй...

Россия опять взыскует Спасителя. Только на этот раз Его одежды примеряют к себе Зюганов, Шойгу (недаром, видно, служил главным русским спасателем) и Ко.

Господи, помилуй нас, неразумных!

«Крымское время». 06.01.2000. – №2 (869)

На Матку Боску надейся, а сам не плошай

декабрь 2000

Прошу бардзо

Посетил я давеча окраины Российской империи (в границах 1914 года). Не Финляндию, нет. Польшу. Ныне – доложу я вам – настала там совсем другая, не русская жизнь.

Рассказывают, что чопорные немцы побаиваются ехать в Польшу по соображениям личной безопасности. Думаю, что в таком случае на Украине их должен охватывать совершеннейший ужас. Потому что для украинца Варшава или Гданьск – города, во всяком случае на первый взгляд, абсолютно безопасные. Немцы пугают, а нам не страшно.

Самые употребительные слова в Польше: пан, пани, прошу бардзо (пожалуйста) и дзенкую (спасибо). Патологически воспитанные пешеходы и автомобилисты и не думают передвигаться на красный свет даже поздней ночью.

Типичная картинка. Ночь. Улица. Перекресток. На светофоре – красный свет. Ни одной машины и ни одного полицейского окрест. Поздние прохожие стоят как вкопанные в ожидании, пока загорится зеленый.

За неделю, в продолжение которой я переходил польские улицы, единственный раз автомобиль въехал на зебру, когда не ней были пешеходы, потом опомнился и сдал назад. На машине были... российские номера. Забылся человек, я его понимаю.

Ни в Варшаве, ни в Гданьске (в других городах не был) заблудиться невозможно ни днем, ни ночью. Ночь, впрочем, в тех местах понятие относительное, потому что... горят фонари. К тому же не только подписаны все улицы, но и висят повсюду указатели: что, где и в сколько метрах от вас находится.

Бжезинский и Матка Боска

Збигнев Бжезинский, пользующийся у поляков почти непререкаемым авторитетом, как-то пошутил: «Есть два пути выхода Польши из кризиса. Первый, реальный, состоит в том, что Дева Мария спустится на землю и сделает все сама. Второй – фантастический – заключается в том, что все сделают сами поляки».

Однако похоже, что пока полякам удастся обходиться без прямого вмешательства Матки Боски.

Сегодня нет смысла ехать в Польшу за покупками. Товары в тамошних магазинах (магазинах) те же, что и у нас. Только дороже. Сегодня есть смысл ехать

в Польшу, чтобы посмотреть, как посткоммунистическая страна из кожи вон лезет в Европу и как ей это удается.

Спад производства, неизбежно связанный с переходом от централизованной экономики к рыночной, Польша преодолела в 1991-1992 годах. С тех пор ежегодно ВВП Польши растет на 5-7 процентов и ныне на 25 процентов выше того, что был на излете социализма.

В последние десять лет Запад инвестировал в Польшу сорок миллиардов американских долларов. Полностью в иностранных руках находится польское автомобилестроение. Иноземцам же принадлежит большинство польских банков.

Все печатные СМИ находятся в частных руках. Будет приватизирован и ВПК, исключая предприятия, производящие взрывчатку и легкое вооружение.

При этом никто не боится иностранного капитала. К примеру, та же польская пресса принадлежит главным образом немецкому, голландскому, норвежскому капиталу. Причем поляки не только этого не боятся, но, наоборот, уверены, что зарубежный капитал дает польской прессе... свободу, потому что он меньше связан с польскими политическими и бизнесовыми группировками. Медиамагнатов, равных российским или даже украинским, в Польше нет. Здесь СМИ в гораздо большей степени бизнес, чем инструмент политического влияния.

Тем не менее наши левые имеют полное право кричать, что Польшу с потрохами купил международный империализм. Мы – не продаемся. Прежде всего потому, что никто не покупает.

В Польше живет 38 миллионов человек, в то же время в стране зарегистрировано два миллиона фирм. Так что подавляющее большинство поляков работает в частном секторе.

Средняя пенсия составляет около ста пятидесяти долларов. Средняя зарплата, уже с вычетом налогов – около 300 долларов, депутаты сейма получают 2000 долларов, директора крупных фирм – 3-4 тысячи долларов. Впрочем, очень высокая квартплата – пенсию, например, съедает без остатка.

Новый средний класс в Польше – это бизнесмены, профессиональные менеджеры, интеллигенты. Они в последние годы живут все лучше. Очень выросло значение образования как фактора, влияющего на карьеру. Если при социализме все зарабатывали примерно поровну, то сегодня хорошее образование дает шанс получить высокооплачиваемую работу. В связи с этим число студентов в последние десять лет увеличилось втрое. Самыми престижными продолжают быть крупнейшие государственные вузы, образование в которых остается бесплатным, а рядом с ними существует множество платных, однако более доступных частных учебных заведений.

В то же время в последние годы растет и число бедных. Как утверждают социологи, на демократических реформах очень сильно потеряла где-то четверть польских граждан. Однако и среди беднейших слоев каждая четвертая семья имеет подержанную машину.

Проблемой номер один остается в Польше безработица, достигающая по официальным данным 25 процентов. Особенно трудно найти работу в селе. Поэтому, как и у нас, люди тянутся к крупным городам и промышленным центрам.

Проблема номер два – сельское хозяйство. Годами оно было ориентировано на экспорт своей продукции в Россию и, в меньшей степени, на Украину. Ныне этот рынок практически утрачен.

Конкуренция есть конкуренция. Я, к примеру, искал игрушку для сына и вынужден был купить «made in China».

Кажется, не все хорошо и с экологией. По крайней мере Висла – национальный символ – весьма напоминает помойку. Когда я по наивности спросил, есть ли на Висле пляжи, поляки рассмеялись: там и рыбу ловить опасно – несъедобна. Кстати, и воду, поступающую в варшавский водопровод из главной польской реки, несмотря на всю очистку, поляки используют только в технических целях.

Когда рядовым полякам начинают в очередной раз говорить о реформах, им становится нехорошо. Между тем польский истеблишмент убежден, что стране нужны новые реформы, многие из которых будут не менее болезненными, чем реформы начала девяностых. Поэтому, говорят польские политики, нужно стиснуть зубы, затянуть пояса, меньше потреблять и больше вкладывать. Как они будут убеждать своего избирателя, который очень скромно жил все последние десять лет, надеясь на наступление светлого капиталистического будущего, а теперь должен опять ограничивать себя, – их проблемы. Я думаю, что убедят. Хотя будущие парламентские выборы, по всем прогнозам, выиграю левые, ныне немного уступающие в сейме «Солидарности».

Сегодня у посткоммунистического Союза левых демократов около пятидесяти процентов поддержки, а у легендарной «Солидарности» – всего восемнадцать. Однако от прихода к власти СЛД никто не ждет никаких политических потрясений. СЛД вместе с Крестьянской партией уже управляли Польшей в 1993 – 1997 годах и коммунизм не реанимировали.

Просто их левые и наши левые – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Когда на варшавские улицы вышли люди с требованиями снизить цены на жилье, увеличить пенсии и т.д. (типичные левые лозунги), СЛД сказал: есть только один выход убрать этих людей с улиц.

Догадаетесь, какой? Оказывается, дальнейшее увеличение экономического роста. Короче, работать надо, а не митинговать. Вы представляете, чтобы так отреагировал кто-то из наших левых? Я – нет.

К тому же, несмотря на все проблемы, поляки уверены, что им больше удалось, чем не удалось. Демократия и рынок, говорят они, выглядят не так хорошо, как мы думали, живя при социализме, но все-таки это лучше, чем социализм.

Матка Боска и Папа Римский

Если без Девы Марии поляки пока обходятся, то непогрешимый Кароль Войтыла (он же – Папа Римский Иоанн Павел II) – дорогой гость на исторической родине и во всех смыслах культовая для Польши фигура. Стены многочисленных костелов и административных учреждений украшены золочеными мемориальными табличками, указывающими, что здание освящено Иоанном Павлом II или что здесь просто ступал его нога.

С другой стороны, отношение к костелу – одна из главных линий, разделяющих польское общество. Хотя религиозность поляков традиционно остается очень высокой (согласно данным социологов, 95 процентов поляков утверждают, что они верующие, а 50 процентов заявляют, что посещают костел как минимум раз в неделю), рейтинг доверия к костелу упал в последние десять лет с восьмидесяти процентов до пятидесяти. До сих пор большинство спорных вопросов решалось в пользу костела. Самое известное решение такого рода – это, конечно, закон об ограничениях на аборт, вынуждающий несогласных совершать нетуристические вояжи в Голландию, на Украину и в другие страны.

Распространение «альтернативного образа жизни», полагают специалисты, с каждым годом будет становиться все более серьезной проблемой для костела. Даже несмотря на Иоанна Павла II.

Впрочем, есть в Польше две вещи, которые, кажется, святее самого Папы. Это... НАТО и ЕС, Кстати, и польские священники, и Иоанн Павел II поддерживают вступление Польши в НАТО и ее стремление в ЕС.

НАТОлогия

Когда мы встречались с вице-министром иностранных дел Польши, на столах стояли польский сок, польская же минералка и кока-кола. Вице-министрпил колу. Это совпадение можно считать невольной иллюстрацией приоритетов польской иностранной политики. Американцы сейчас ходят у поляков в лучших друзьях.

А над дворцом президента Квасьневского рядом с польским национальным флагом развеивается знамя Североатлантического альянса.

Маленькая Польша, думают поляки, не может самостоятельно обеспечить свою безопасность. Да и американское военное присутствие в Европе, полагают наши западные соседи, гарантирует, что ни Россия, ни Германия не получат здесь абсолютного преимущества.

Путь Польши в НАТО был извилистым. Стране пришлось преодолевать и внутреннее сопротивление части общества, и давление России, выступавшей против расширения НАТО на восток, да и дискуссию внутри самого альянса.

Приняв в марте 1998 года Польшу в свои ряды, НАТО поставило ей жесткие условия, которые Польша отчасти уже выполнила, отчасти продолжает выполнять. Прежде всего эти требования касаются финансового участия в Североатлантическом альянсе, присоединения Польши к интегрированной системе

командования, стандартов вооружения и т.д. В этом смысле НАТО напоминает строгого экзаменатора, а Польша – студента, от волнения и старания высунувшего кончик языка.

Теперь большинство поляков спит и видит рядом с НАТОвским флагом выющийся на ветру прапор ЕС.

Yes EC

Отчасти мечта поляков о ЕС уже реализована в... здании Министерства иностранных дел. В польском МИДе рядом с национальным флагом и флагом НАТО висит и знамя Евросоюза, членом которого Польша пока не является. Западноевропейские дипломаты, поднимаясь по МИДовским ступенькам, привыкают к мысли о том, что им таки придется принять Польшу в свои ряды.

Стремление Польши сначала в НАТО, а теперь в ЕС – это стремление бедной (не в сравнении с Украиной, конечно) европейской страны в элитный клуб, членство в котором означает доступ к огромным деньгам на модернизацию страны.

Присоединение к ЕС рекламируется в Польше как возвращение в Европу. Для поляков Североатлантический альянс и Евросоюз – это символы современной западной цивилизации. А в детских магазинах в Польше продается игра «Вокруг Европы», поле которой раскрашено с использованием символики ЕС, так детей приучают к тому, что, когда они подрастут, им предстоит жить в Евросоюзе.

Согласно опросам общественного мнения, сегодня вступление страны в ЕС поддерживают 57 процентов поляков. За – истеблишмент, молодежь, интеллигенция, люди свободных профессий, бизнесмены. Против – прежде всего хлеборобы, которые боятся оказаться неконкурентоспособными перед мощным и дотационным западноевропейским фермером. Еще один аргумент противников интеграции Польши в ЕС – утрата в этом случае страной части суверенитета и потеря национальной самоидентификации.

Впрочем, куда большие проблемы Польше приходится решать на «внешнем фронте». Социологические исследования показывают, что против принятия Польши в ЕС высказывается общественность Франции, Германии, Австрии. «Настоящие» европейцы считают, что расширение Евросоюза – это не главное. Гораздо важнее, полагают они, проблемы безработицы, экологии, организованной преступности.

Поэтому небогатая Польша тратит большие деньги на промоушн, пропаганду Польши на Западе. Реализация похожей пропагандистской программы при вступлении Польши в НАТО дала результаты. теперь поляки надеются, что их пиарщики снова не подведут. Только в 2001 году МИД хочет выбить на промоушн Польши в Западной Европе 4-5 миллионов долларов.

Для того, чтобы Польша стала членом Евросоюза, соответствующий договор должны ратифицировать парламенты всех пятнадцати стран – членов ЕС.

Добиться этого будет очень непросто, потому что, похоже, бедных польских родственников не очень-то ждут за обильным европейским столом.

Польша очень хотела бы стать членом ЕС уже 1 января 2003 года, но из-за противодействия Франции и Германии эта святая для поляков дата отменяется. В одной из газет в связи с такой перспективой был заголовок: «Шок для Польши». Сегодня в качестве альтернативного срока называется, к примеру, 2006 год.

За счет ЕС Польша надеется решить многие свои экономические проблемы, прежде всего – модернизировать сельское хозяйство. В свою очередь Евросоюз, понятное дело, не очень хочет пускать на свой сельскохозяйственный рынок конкурента, да при этом еще и помогать ему дотациями.

Кроме того, ЕС – это шанс для поляков уехать на заработки в Европу. Естественно, многим европейцам такая перспектива не улыбается, поэтому еще несколько лет немало поляков будут работать на Западе нелегально – как украинцы в Польше.

В целом же можно по-разному относиться к НАТО, ЕС и Польше, однако нельзя не отдать должное этой стране за то, что она видит цель и настойчиво, шаг за шагом, движется к ней.

На границе тучи ходят хмуро

На польско-украинской границе сегодня действует безвизовый режим. Таким образом процедура пересечения польской границы украинскими гражданами максимально упрощена. Однако если не произойдет ничего непредвиденного и в ближайшие несколько лет Польша станет членом Европейского Союза, то на украинско-польской границе грядут неизбежные (и не самые приятные для Украины) изменения. Став членом ЕС, Польша будет вынуждена ввести с нашей страной визовый режим. В то же время откроются западные границы Польши и прежде всего – германская. При этом справедливости ради следует указать, что Польша решила, что сделает этот шаг только накануне своего вступления в ЕС. В отличие, к примеру, от также рвущихся в Евросоюз Чехии и Словакии, которые ввели визовый режим с Россией, Украиной и Белоруссией заранее.

Обижаться тут, собственно, не на что. Понятное дело, ЕС Польше дороже Украины. Хотя бы потому, что богаче.

Украине – труба?

Уже упоминавшийся Збигнев Бжезинский убежден: не так важно, в каком году Польша вступит в ЕС, гораздо важнее для Польши, чтобы Украина оставалась независимой. По мысли Бжезинского, Украина должна (вместо Польши) стать «санитарным кордоном» между Европой и Россией. Именно поэтому приближение Украины к европейским структурам и НАТО – один из главных приоритетов современной польской иностранной политики.

О том, насколько внимательно относятся к своему ближайшему восточному соседу в Польше, говорит хотя бы то, что как минимум один раз в неделю в самой влиятельной польской газете «Газета Выборча» можно найти большую статью о Украине.

О стремлении Польши к хорошим отношениям с Украиной косвенно свидетельствует и парк Шевченко в Варшаве, существующий в общем-то вопреки сложному отношению самого украинского классика к Польше и ляхам.

Особенно близка Польше Западная Украина, долгое время входившая в состав Речи Посполитой. Очень трепетно относятся поляки ко Львову. Многие этнические украинцы являются сегодня польскими гражданами и живут в приграничных районах. Другая их часть была вскоре после окончания Второй мировой войны, в рамках депортационной акции «Висла» переселена с восточных окраин Польши на западную – на земли, брошенные немцами.

Статуса депортированного народа у польских украинцев нет, да и в голову, кажется, никому не приходит требовать одного, но по мере сил власти стараются украинцам помогать. Там, где компактно живут украинцы, в начальной школе даже изучают украинский язык, проводят культурные украинские фестивали. Главный украинский фестиваль в Западной Польше – ежегодная Бытовская ватра, на которую съезжаются украинцы со всего польского северо-запада.

Впрочем, немало депортированных украинцев и ассимилировались, на что, собственно, и была направлена проводившаяся по всем канонам НКВД «Висла».

На экономических отношениях с Украиной (да и с Россией) сильно сказался экономический и финансовый кризис 1998 года. Прежде отрицательный торговый баланс Польши (она гораздо больше импортирует, чем экспортирует) отчасти компенсировался интенсивной торговлей с Украиной, Россией, Беларуссией, однако после финансового кризиса этот «восточный базар» фактически исчез.

Тем не менее кое-какие экономические интересы на Украине у Польши остаются. К примеру, достаточно серьезно рассматривается проект об открытии транспортного коридора Балтийское море – Черное море между городами-побратимами Одессой и Гданьском. Пытаются сотрудничать с Украиной и польские судостроители. Зато украинским танкам после вступления Польши в НАТО дорога на Варшаву заказана.

Но больше всего Украину интересует сейчас, согласится ли Польша на то, чтобы Россия строила через ее территорию обходной, мимо Украины, газопровод. Как уверяет большинство польских политиков, они против этого, дабы не ущемлять интересы партнера. Однако Квасьневский колеблется и, похоже, все-таки даст России добро. Любопытнее же всего, что и поляки, и украинцы в этих своих уверениях о недопустимости ущемления прав партнеров стыдливо умалчивают о том, почему Россия решила на реализацию этого проекта. Воруя ведь...

Другие проблемы в польско-украинских отношениях связаны с украинскими нелегалами, которые приезжают в Польшу на заработки, а также с потоком нелегальных мигрантов, пробирающихся из Азии, России и Украины в Западную Европу через Польшу.

Тайное оружие России

Мир не так уж сильно изменился с вступлением Польши в НАТО. Просто ослабевшая Россия вынуждена была отдать часть стран, находившихся под ее влиянием и входивших в Варшавский договор, Америке. Изменились контуры разлома, сфер влияния, но стратегические противники остались прежними.

Американское господство беспокоит поляков гораздо меньше, чем возможная зависимость от своих могучих европейских соседей: России и Германии. От России они теперь защищены натовскими ракетами, а от Германии... союзным договором. К тому же, говорят поляки, Россия, в отличие от Америки, еще никого не сделала богатым.

С Россией у Польши большие счеты.

В 1815 году Варшава досталась победителю Наполеона Александру I. Русские власти бежали из Варшавы в 1915 году. Таким образом Царство Польское находилось под властью Российской короны в продолжение ста лет. С тех времен в Варшаве и других польских городах осталось много мест, связанных с русской историей. К примеру, дворец, ныне являющийся резиденцией президента Квасьневского, сто лет занимал представитель российской администрации в Польше. Последний российский император Николай II бывал в Варшаве однажды, зато, рассказывают, куда чаще посещал Беловеж, что ныне находится на восточной границе Польши. До 1915 года принадлежала российской царской фамилии и усадьба «Лазенки» в Варшаве.

Польше – некогда все-таки солидной европейской державе – с таким историческим зигзагом мириться, конечно, нелегко. Тем более, что многие поляки убеждены, что и в 1945 – 1985 годах, в пору Польской Народной Республики, Польша, являясь вассалом СССР, также была лишена суверенитета. Особенно раздражает это сторонников «Великой Польши» (это которая от Балтийского моря до Черного), коих, правда, немного. В основном это юная поросль, естественно, не имеющая никакой реальной власти и никакого представительства в парламенте.

Впрочем, полякам следует, наверное, помнить и о том, какую роль в истории России сыграл, скажем, природный поляк Феликс Эдмундович Дзержинский, едва ли не в одиночку отомстивший империи за столетнюю оккупацию.

Среди поляков, произведших неизгладимое впечатление на Россию, Украину и весь Советский Союз, с Феликсом Эдмундовичем может сравниться разве... Барбара Брыльска, очередное банно-новогоднее вторжение которой в наши квартиры грядет вот-вот.

О том, насколько ревниво относятся поляки к вопросам возможного ущемления своего суверенитета (особенно – Россией), говорит характерный газетный заголовок к визиту в Польшу Иванова – министра иностранных дел России. На первой полосе «Газеты Выборчи» было жирно, огромными буквами, написано: «Равноправные».

У России, впрочем, есть средство влияния серьезнее, чем ракеты. Это... Достоевский, Толстой и Чехов, не сходящие с афиш польских театров.

Пропал дом

Поляки говорят, что Украина отстала от Польши так же, как Польша от Западной Европы. Слава богу, в Западной Европе я не был. Иначе возвращаться на родину было бы уж совсем тяжело.

В Киеве в кассах не оказалось купейных билетов, и в Крым пришлось ехать на боковой верхней полке плацкартного вагона. В одном углу группа уже молодых украинцев затянула бандеровские песни. В другом – молодые комсомольцы пели: «Веселей, ребята, выпало нам...» На ум само собой пришел бессмертный профессор Преображенский:

– Ну, теперь, стало быть, пошло! Пропал калабуховский дом! Придется уезжать, но куда, спрашивается? Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении, и так далее...

«Крымское время». –

№230 (1097). – 8 декабря 2000 года;

№235 (1102). – 15 декабря 2000 года.

Русские каникулы

май 2002

Симферополь – Москва – Великий Новгород – Москва – Волгоград – Москва – Ярославль – Москва – Симферополь

До отправления поезда «Симферополь – Москва» оставалось минут пятнадцать. У вагона суетились вечнозагорелые люди с лицами «кавказской национальности». Ими двигала забота о бледных, измученных весенним авитаминозом москвичках. Когда все третьи полки были забиты коробками из-под бананов, поезд тронулся.

Я залез на верхнюю полку, напротив меня расположился мужик лет пятидесяти пяти. Он ехал в Москву за пенсией, и я побился с ним об заклад, что витамины без труда преодолют границы, воздвигнутые между двумя братскими державами после беловежского сговора.

Как и следовало ожидать, таможенники отнеслись к грузу витаминов с пониманием, и урожай ранних крымских овощей добрался до столицы нашей бывшей родины без видимых постороннему глазу проблем.

Ступив на священный российский асфальт, я уже хотел было пустить скупую мужскую слезу, но сдержался и, поселившись в гостинице «Россия», отправился прошвырнуться по столице. Вечером, найдя Москву мало изменившейся за время моего двухлетнего отсутствия, я лег в постель с твердым намерением как следует выспаться после путешествия.

Минут через десять меня разбудил телефонный звонок.

– С девушкой не желаете отдохнуть? – спросил голос на том конце провода.

– Так кто ж не хочет? – ответил я спросонья. – Токмо не при валюте я сегодня, не при валюте.

– У-у-у, – меркантильно протянула девушка и повесила трубку.

Я снова улегся в кровать, но вскоре выяснилось, что моя скромная персона вызывает здесь потрясающий интерес у женского пола. Так что уснуть мне удалось лишь после того, как я известил о своей прискорбной неплатежеспособности всех конкурирующих между собой дам полусвета. Понятное дело, всю ночь мне снились неудовлетворенные, жаждущие продажной любви девушки.

На следующей неделе московские профессора учили меня правильно писать газетные статьи, а в перерывах между занятиями я бродил по улицам, бульварам и кладбищам первопрестольной. На Новодевичьем меня остановили две явно неместные благообразные старушки, отчаявшиеся отыскать прах Михаи-

ла Булгакова. Я показал им непритязательный камень. При виде его старушки всплеснули руками, ахнули и запричитали, возмущаясь эдакой неблагодарностью потомков. Старушки полагали, что автор «Собачьего сердца» достоин более помпезного монумента. Пришлось объяснить, что на Новодевичьем есть правило: чем хуже писал покойник, тем крупнее буквы, напоминающие живым о его писательской профессии. А на могиле Антона Павловича Чехова, к примеру, и вовсе нет упоминания о его скромных литературных занятиях. После этого старушки успокоились, а я отправился в ближайший продмаг, дабы промочить горло бутылочкой «Клинского».

Поллитры пива показалось мало, и я решил усугубить это дело. На лужайке у самого Кремля, будто это был какой-то американский Белый дом, пила и курила свободная московская молодежь. Дым стоял, можно сказать, коромыслом.

– Во, блин, дают, – подумал я, – прям Америка-Европа, – и тоже присел на травку с банкой «Балтики №7». Запрокинул голову на кремлевские звезды, глотнул пивка, достал филипп-моррисину, прикурил и окинул взглядом Александровский сад. По зеленому газону прямо ко мне приближался мент верхом на каурум битюге. Лужайки пустели на глазах. Я посмотрел на кавалериста, открыл рот...

– Не спорь с милиционером, – опередил меня всадник.

Я облегченно вздохнул: Э-нет, Россия, Родина, – поднялся с травы и, от греха подальше, двинулся в гостиницу. В номере звонил телефон. Трубку я не взял. Кроме старых знакомых девушек, побеспокоить меня никто не мог.

В телевизоре рассказывали о том, как московские скины готовятся учинить массовые беспорядки по случаю грядущего дня рождения Адольфа Гитлера-Шикльгрубера.

Именины фюрера приходились на субботу. Этот святой для фашистов день я решил провести подальше от Москвы и, взяв курс на северо-запад, поехал на Ленинградский вокзал. Через два часа грохочущий поезд потащил меня в Великий Новгород.

Господин Новгород встретил меня притихшим и светлым. Я купил на железнодорожном вокзале карту города, сориентировался на местности и, кивнув тезде Александру Невскому, отправился напрямиком в кремль-детинец. В столь ранний, около шести утра, час в детинце не было не токмо детей, но и взрослых. Я в гордом одиночестве направился прогуляться вдоль древнерусских кирпично-коричневых стен и вскоре в растерянности и недоумении уткнулся в стену... Цоя. Опешив, я вышел из кремля. Прямо передо мной тихо катил свои воды из Ильмень-озера Волхов. Я присел на скамейку. На скамейке кто-то вырезал ножиком слово из телевизора: «скины». Встретить живых фашистов-недобитков мне так и не сподобилось. Осмотрев единственную в мире церковь, в которой сохранились фрески кисти Феофана Грека, я взобрался на башню Кокуй и долго лицезрел с ее верхотуры град Святого Александра, потом слез вниз и поехал к истокам Волхова, куда новгородцы стащили из окрестных сел

настоящую кондовую Россию: деревянные домишки и церкви Руси. У двух-трех избушек сидели на крылечках, заколачивая деньги, ряженные бабульки. Пахло сеном. За прудом, на горизонте, белели стены старинного Юрьева монастыря...

На другой день утром я уже был в Москве, а вечером в Лужниках играли «Спартак» и ЦСКА. О том, что приближается вечер большого футбола, всяк мог легко догадаться по толпам поддатых мужиков, на автопилоте двигавшихся к главной спортивной арене страны. Их нестройные колонны бдительно стерегли полчища ментов со щитами и дубинками вместо мечей. Мужики орали дурными голосами народные песни и стихотворения, щедро оснащенные эмоционально окрашенной лексикой. Ближе всего к истине оказались те, кто вопил: «Спартак» – параша, победа будет наша». 0:3. Вдрызг огорченных спартаковских болельщиков до поздней ночи собирали по столичным пивнушкам.

Я же после футбола зашел на заплеванный поколением пехт Арбат взглянуть краем глаза на Россию бутафорскую. Там ко мне всю дорогу грязно приставали немытые и давно не расчесывавшиеся уличные музыканты. Я отвечал им то же, что и российским путанам: «Не при валюте я сегодня, не при валюте».

А через три дня меня увезли в Волгоград. Девяностометровая, что будет метров на сорок повыше пресловутой американской статуи Свободы, Родина-мать приветствовала меня с каменным лицом и мечом. В прежние годы город на Волге был знаменит кровопролитной Сталинградской битвой, ныне же у Жукова, Чуйкова, Павлова и Паулюса появился достойный конкурент в лице предпоследнего героя нашумевшего телевизионного шоу ОРТ и «1+1» Вани Любименко. Тем не менее местные чиновники по-прежнему немножко помешаны на войне и военно-патриотическом воспитании молодежи, а ветераны так даже мечтают вернуть Волгограду раскрученный на крови сталинградский бренд. В противовес им творческие интеллигенты хотят, чтобы город назывался Царицыным. Кто кого переспорит, не знаю. Я почтительно выслушал аргументы обеих сторон и уже хотел было прокатиться по могучей русской реке Волге на катере, да попал в окружение местных журналистов, которые страшно интересовались межнациональными отношениями в Крыму. Интерес их был легко объясним тревожной близостью Кавказа. Ничего не попишешь, пришлось немного задержаться и рассказать коллегам все, что я думаю о деятельности в Крыму меджлиса крымско-татарского народа. Мысли, понятно, были невеселые. Чтобы отвлечься, я спустился на набережную и купил билет на катер. Сидя на юте с бутылкой «Волжского» и всматриваясь в заволжские дали, я вдруг понял, что самое большое впечатление в Волгограде на меня произвела не Родина-мать, не мемориал на Мамаевом кургане и не панорама Сталинградской битвы, а вот эта самая река да еще полуразрушенный кирпично-красный

дом, оставшийся стоять в таком виде со времен войны. Волга и дом были настоящими, а Родина-мать – парадной.

Вернувшись в Москву, я отправился посетить еще один старинный город на Волге.

На гербе Ярославля, как на гербе путинского «Единства», изображен русский медведь, коего, я так думаю, уже давно и с огнем и без оного не отыскать в окрестных лесах. За весьма умеренную плату посмотреть на ярославского медведя можно разве в тамошнем белокаменном кремле. А сделав еще несколько шагов и поднявшись на галерею того же кремля, того же дикого зверя, посаженного на железную цепь в клетке, можно лицезреть и вовсе даром. Тем не менее желающие заплатить десятку, чтобы полюбоваться на несчастное животное, находятяся, ибо доверчивости русского человека, как известно, предела нет.

Поглядев на такое дело, я вспомнил про хитрых прижимистых хохлов и про то, что пора собираться к месту постоянного жительства. Из медвежьей России мой путь, через таможни и границы, лежал в Новороссию и дальше – в Крым.

В гордом столичном граде Симферополе я вышел из вагона и заглянул в ближайший продмаг, чтобы промочить горло... пакетом местного кефира. Запрокинул голову на нашу вокзальную «крымлевскую» звезду. Как писал апостол Павел жителям Коринфа, «звезда от звезды разнствует во славе».

«Крымское время».

№93 (1449). – 23.05.2002

Однажды в Америке

сентябрь-октябрь 2004

Я не Серджионе Леоне, и мои скромные заметки – не гангстерский голливудский эпос. Просто однажды мне довелось побывать в Америке.

Тяжело дыша, я пер вверх по лестнице две сумки с барахлом. У меня дома не работает лифт, а я живу на шестом этаже.

Любопытная соседка-старушка поглядела на меня и участливо так спросила: «Ты это откуда, сынок?»

«С того света, мать», – проворчал я.

Соседка быстро-быстро перекрестилась и засемила вниз.

Как почти у всех соотечественников, возвращающихся из цивилизованного зарубежного далека в родную Отчизну, настроение было хреновым.

Аэропорт в Борисполе, железнодорожный вокзал в Киеве, севастопольский поезд, симферопольская маршрутка, многоэтажка без лифта.

Родину не выбирают.

Для меня Америка была легендой.

Христофор Колумб.

Марк Твен и Фенимор Купер, которыми я зачитывался в детстве, и Джек Лондон с Эрнестом Хемингуэем, пришедшие им на смену в юности. Том Сойер и Гекельберри Финн, Чингачгук-Большой Змей и Зверобой-Соколиный Глаз.

Блюз, джаз, рок-н-ролл. Лохматые хиппи в рваных джинсах. «Make love not war». Элвис Пресли, Джим Моррисон, Джанис Джоплин – музыка, которую я когда-то слушал.

Фрэнсис Форд Coppola, Милош Forman и Оливер Стоун. «Великолепная семерка», «Взвод», «Апокалипсис сегодня» и «Полет над гнездом кукушки» – фильмы, которые я люблю до сих пор.

Салуны. Ковбои. Индейцы. Негры, то есть, прошу прощения, афроамериканцы. Полковник Кольт, который сделал людей равными. «Кадиллаки», «Линкольны» и «Бьюики». «Marlboro», «Lewi», «Lee», «Wrangler», «Jack Daniels».

«Нью-Йорк Рейнджерс», «Чикаго Блэк Хоукс» и «Детройт Ред Вингз», «Лос-Анджелес Лейкерс» и «Бостон Селтикс». Карим Абдул Джаббар, Мэджик Джонсон, Ларри Берд, Майкл Джордан и Шакил О'Нил. Мохаммед Али и Майк Тайсон.

Боюсь кого-нибудь забыть.

Миссисипи с притоком Миссури. Статуя Свободы. Небоскребы. Лас-Вегас и Лос-Анджелес.

Коктейль из этих мифологических людей, вещей и понятий и был моей Америкой.

Далеко не все, но кое-что из вышеперечисленного мне довелось увидеть своими глазами благодаря Конгрессу США и программе «Открытый мир», в которой я принимал участие. Огромное спасибо за возможность увидеть Штаты американским радам в Вашингтоне и Киеве, университету Алабамы, информационному пресс-центру в Симферополе и Irex-PROmedia в Киеве.

Зрелище, я вам доложу, еще то.

Конечно, для того чтобы рассмотреть Америку, нужны, наверное, годы и годы, а не десять дней, но тут уж, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Перелеты по маршруту Киев – Франкфурт – Вашингтон, а потом Вашингтон – Атланта – Хантсвилл прошли под знаком пристального внимания к нашим скромным персонам службы безопасности.

Шутить с американскими секьюрити нам не рекомендовали. Сказали: один француз недавно пошутил и... отправился назад в Европу, не увидев Америки. После одиннадцатого сентября 2001 года в американских аэропортах шуток не понимают. К тому же, с одной стороны, накануне нашего прилета отможенные чечены завалили две российские «ТУшки», а с другой – приближалось одиннадцатое сентября 2004 года.

Нас ошупывали металлодетектором, обыскивали, заставляли снимать башмаки – а не спрятано ли чего в каблуках? Бог миловал, террористов среди делегатов «Открытого мира» не оказалось.

Я побывал в столице Соединенных Штатов Вашингтоне, столице Олимпийских игр 1996 года Атланта и нескольких городах и городках Алабамы – Хантсвилле, Декатуре и Бирмингеме.

Первый вечер за Атлантическим океаном прошел так, как он и должен был пройти.

Мы бродили по пустынному ночному Вашингтону.

– Центр американской столицы абсолютно безопасен, – сообщили нам, – а в, говоря по-нашему, «спальные» негритянские районы лучше не соваться.

Перефразируя управдома из «Бриллиантовой руки», Вашингтон – город контрастов.

В центре американской столицы почти нет жилых домов. Кругом одни офисы. Под открытым небом душно, как в бане. Комары напоминают о том, что город стоит на болотистых берегах реки Потомак. Плюс тридцать градусов по Цельсию были бы пустяками, если бы не сумасшедшая, больше девяноста процентов, влажность. Минут десять прогулки по ночному Вашингтону – и майку, надетую на голое тело, можно выжимать.

Южане решили проблему климата технологично. Они создали микроклимат. Вашингтонцы живут под кондиционерами. Дома – кондиционеры. В машинах – кондиционеры. В офисах – кондиционеры. Под открытым небом американцы сегодня проводят всего несколько минут в день.

А вот как люди выживали тут в стародавние времена, я не знаю.

Реднэкс – так иногда называют южан северяне-янки.

Реднэкс – значит «красные шеи». Красные от загара. Загорать южане давно бросили, а прозвище прилипло как банный лист.

Ночь-полночь в Вашингтоне.

Редкие автомобили прилежно стоят на перекрестках в ожидании зеленого света. На скамейках под деревьями мирно дремлют черные как смоль бомжи – афроамериканцы. Таких раньше показывали в программе «Время» в качестве иллюстрации их нравов. Вокруг Белого дома торчат шлагбаумы и полицейские машины.

Хочется промочить горло, а магазины давно закрыты.

Делать нечего, придется выпить в какой-нибудь столичной забегаловке. Один «дриньк» – шесть баксов.

Огромный негр рядится о цене с белой проституткой.

В голове шумит от Америки и «Jack Daniels». А дома разгар рабочего дня – семь часов разницы во времени с Киевом и Крымом.

Мы в Джорджтауне.

Это старый престижный вашингтонский район, застроенный игрушечными пряничными домиками с невероятным количеством баров и ресторанов. Такой аналог московского Арбата или киевского Андреевского спуска. Где-то тут рядом живут Билл Клинтон и Джон Керри – бывший и, может быть, будущий президент Америки.

Джорджтаун, похоже, единственное место в Вашингтоне, где есть настоящая ночная жизнь. Клинтон и Керри тут ни при чем. Виноваты бары, рестораны и... соседний университет. Студенты во всех странах не прочь погулять и покуролесить.

На каждом перекрестке – негры-попрошайки.

Афроамериканцы – большая проблема.

Нет, никакой дискриминации негров в Америке нет. Напротив, среди них есть приличные люди. Кондолизу Райс знают все. Вице-президент CNN, с которым мы встречались потом в Атланте, тоже чистый афроамериканец. Душа-человек. Но из песни слова не выкинешь, говорят, что сорок процентов негров не заканчивают средней школы. Не потому, что они тупые. Нет. Просто окружение – большинство афроамериканцев живут, как сказали бы у нас, в «поселках компактного проживания» – не приветствует тяги к знаниям.

Где взять деньги, если у тебя нет профессии?

Ну вы все видели американские фильмы.

Соединенные Штаты Америки – свободная демократическая страна, но вот вам один анекдот, который ходит среди неполиткорректных американцев.

Негр, мексиканец и белый американец нашли бутылку с джином.

– Коль так вышло, – говорит джинн, – каждый из вас может загадать по одному желанию.

– Сделай так, чтобы Африка стала такой же богатой и процветающей страной, как Америка, и чтобы мы, афроамериканцы, все до одного вернулись на нашу историческую родину – пожелал негр.

– Сделай так, чтобы Мексика стала такой же богатой и процветающей страной, как Америка, и чтобы мы, мексиканцы, все до одного вернулись на нашу историческую родину, – пожелал мексиканец.

Белый американец выслушал их речи и спрашивает у джинна:

– Ты правда исполнишь два предыдущих желания?

– Конечно, – отвечает джинн.

– И все негры и мексиканцы на самом деле уедут из Соединенных Штатов?

– Конечно, – отвечает джинн.

– Тогда мне, пожалуйста, просто колу.

Белый дом в дни нашего визита в Вашингтон был закрыт, Пентагон не разрешают фотографировать даже издали, а на лужайке перед Капитолием мы таки порезвились несколько минут.

Кстати, о Капитолии. Вашингтон – нетипичный американский город. Там нет ни одного небоскреба. Причина сего феномена в том, что ни одно здание в городе не может быть выше Капитолия – снесут к чертовой матери.

А еще в американской столице невообразимое количество мемориалов и памятников. Впечатление, что их тут ставят всем кому заблагорассудится. Индийцу Ганди, украинцу Шевченко (не футболисту), русскому Пушкину, чеху Масарику, еврей Эйнштейну (туристы любят фотографироваться у него на коленях), героям американских войн: за независимость и Гражданской, Вашингтону, Линкольну, Джефферсону и прочим президентам. Особая слабость واشингтонцев – бронзовые генералы на лошадях.

Есть среди столичных американских монументов и свои рекордсмены. Мемориал Джорджа Вашингтона – самый высокий каменный памятник в мире. Когда-то на его сооружение ушло 28 тысяч баксов, собранных по доллару с брата. Внутри мемориала был устроен паровой лифт, по которому за пятнадцать минут можно было подняться к самой вершине монумента. Путешествие на этом чуде тогдашней техники считалось делом рискованным и достойным исключительно мужчин. Женщинам и детям, желающим поглазеть на столицу с высоты птичьего полета, приходилось карабкаться вверх по ступенькам. С тех давних пор эмансипация достигла в Америке невиданных успехов, и такая лифтовая дискриминация более невозможна.

Американки уже давно забрались в космос и всерьез претендуют на управление государственной машиной.

В этой связи короткий анекдот, а может, и случай из жизни.

Незадолго до избрания Клинтона президентом США Билл и Хилари заехали заправиться на бензоколонку. Заправщиком оказался бывший бойфренд Хилари, которого она не видела уже много лет.

– Ну что, ты счастлива, что вышла за меня, а не за этого типа, ведь я буду президентом Америки? – спросил Билл у Хилари.

– Если бы я вышла замуж за этого типа, то президентом Америки стал бы он, – парировала госпожа Клинтон.

Остап Сулейман Берта Мария Бендер-Бей был прав.

Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения, особенно если ты не на Украине, а в Америке.

Больше того, автомобиль в Америке – вещь самой-самой первой необходимости. Без него там в буквальном смысле как без ног. Общественного транспорта в стране по сути нет. В больших городах еще есть метро и нерегулярно передвигающиеся автобусы, а провинциальная одноэтажная Америка вся на своих четырех колесах. Пешеходы отсутствуют как класс. Однажды ты вдруг замечаешь, что на дорогах чего-то не хватает. Принимаешься соображать, чего именно, и понимаешь: не хватает тротуаров.

У нас в семнадцатом году ликвидировали как класс буржуазию. Американцы как класс ликвидировали пешеходов. Лично мне такая политика, прошу прощения за тавтологию, по душе больше большевистской.

Если, не дай бог, исчезнет бензин, Штаты мгновенно парализует. Так что, я уверен, в Кувейте и Ираке американские рейнджеры воевали и воюют не только за демократию. Нефть для американцев важна так же, как вода и воздух.

В последние годы лучше всего в Соединенных Штатах продаются «Тойоты» и «Форды». Кроме них, по ровным, как бильярдный стол, дорогам колесят другие «японцы» и «американцы». Европейских автомобилей немного. «Мерседесы» и «БМВ» – это машины богатых бизнесменов.

Вещь второй необходимости в Америке – это дом.

Как всем хорошо известно, американцы предпочитают жить за городом в собственных домах. Жилые многоэтажные скворечники, как у нас, популярностью там не пользуются.

Вещь третьей (что ни в коем случае не означает – последней) необходимости в Америке – образование.

В Хантсвилле нас принимал университет Алабамы, в котором учится больше семи тысяч студентов на пяти факультетах: гуманитарном, технологическом, медицинском, естественных наук и бизнеса.

Хантсвилл – город, работающий на космос. Тут расположен космический центр NASA, поэтому и в местном университете самый сильный и самый престижный факультет – технологический.

Годовой бюджет университета составляет 110 миллионов долларов. Плата за обучение для жителей штата Алабама – около четырех тысяч долларов в год, для жителей других штатов США и иностранцев – около девяти тысяч. Это немного, если сравнить с университетами Принстона, Йеля или Оксфорда, где один год обучения стоит тридцать тысяч баксов и больше.

Вещь... восемнадцатой необходимости в Америке – это одежда. Большинство американцев одеты как попало и во что попало.

Бывший минчанин Александр Пальчиков, уже тринадцать лет живущий в Америке, убеждал меня в том, в чем я и так, в общем, уверен:

– Вы не на то тратите деньги, – говорил он. – Живете черт знает где, ездите черт знает на чем и тратите денег на тряпки больше, чем многие американцы.

Отдельно несколько слов об американских ценах.

У нас таких цен нет.

Они зарабатывают в десять раз больше, а стоит у них все, ну или почти все, вдвое дешевле. Например... Например, фирменные джинсы «Lewi» или «Lee» можно купить на распродаже баксов за десять, футболку – бакса за три, спортивный костюм или кроссовки «Reebok» – за тридцать. И так далее и тому подобное. Бытовая, видео- и аудиотехника, автомобили, даже дома – все дешевле, чем у нас на Украине. Отличную, двух или трех лет машину хорошей марки, говорят знающие люди, можно купить в кредит тысячи за три долларов.

Такое ощущение, что американцы просто не знают, куда девать всю эту тьму тьмушю вещей, производящихся для Америки не в Америке.

Редко на чем можно нынче узреть магическую когда-то фразу: «Made in USA».

Из всего барахла, которое я притащил из-за океана, «Made in USA» написано только на одной... вешалке. Все производится на «американских фабриках» и «из американских материалов» в Мексике, Гондурасе, Никарагуа, Вьетнаме и, конечно, Китае.

Китайцы – молодцы, что и говорить.

Магазины игрушек в Америке, например, кроме размеров, ничем не отличаются от магазинов игрушек на Украине и в России.

Все сделано в Китае.

От лишних товаров американцы стремятся избавиться, устраивая перманентные распродажи и спихивая ненужные вещи в конце концов хоть за пару долларов – и на том «thank you very much».

Вообще американские магазины сначала вызывают, нет, не то чтобы шок, времена шока от магазинов, слава богу, прошли, но интерес, а потом от американских магазинов начинает тошнить. Американские магазины готовы сожрать потенциального покупателя с потрохами и кошельком. Они везде, они огромны, в них есть все, и все дешевле, чем у нас. Рядом с такими магазинами нужно научиться жить, иначе не хватит никаких, даже американских, денег.

Минимальная зарплата в Штатах, если человек работает легально – 5,15 доллара в час, то бишь 41,2 доллара в день или что-то около 11 тысяч долларов в год.

Имейте, правда, в виду, что это, так сказать, грязные – не в смысле, конечно, мафиозные, деньги. С них еще нужно уплатить налоги.

Прожить на 11 тысяч грязных долларов в год в Америке трудно.

Другой пример. Начинаящий журналист в скромной провинциальной городской газете зарабатывает тысяч двадцать пять долларов в год. Опытный

репортер там же – тысяч сорок пять – пятьдесят. Зарплата топ-журналистов ведущих телекомпаний верхнего предела не имеет.

Американское телевидение – очень-очень большой бизнес.

Львиную долю эфирного времени занимают развлекательные шоу, голливудские фильмы, скандальные светские новости и реклама.

– Каналом ABC владеет Микки Маус, – шутят иногда американские репортеры, имея в виду, что хозяином этого крупнейшего телевизионного монстра стала компания Уолта Диснея.

В свое время Дисней строжайше запретил проносить на территорию Диснейленда любые газеты. Уолт хотел отделить созданный им мир фантазии от реального мира, о котором писала пресса. Сегодня mass-media сами постепенно становятся миром выдумки.

Это, увы, касается не только Америки, но и Украины. Просто полистайте газеты или приглядитесь получше к телеку. На экранах по обе стороны океана все больше шоу и все меньше серьезных новостей. Почтеннейшая публика предпочитает видеть светские скандалы, а не аналитические программы. По неумолимому закону рынка она их и получает.

– Моя жена была телевизионным продюсером, – рассказывал нам много лет работающий в Америке британский журналист Саймон Маркс. – Четырнадцать месяцев подряд ей говорили: каждый день ты должна тридцать минут эфира посвящать Монике Левински. Так продолжалось до тех пор, пока однажды моя жена не пришла домой и не сказала: «Все, я больше не могу». Теперь она занимается акупунктурой.

А с другой стороны, может быть, абсолютное большинство людей и не должно интересоваться политикой?

Наши люди – из тех, кто долго прожил в Америке, – говорят, что на самом деле американцам нет дела ни до кого, кроме самих себя, а их вечное «How are you?» – лишь форма заученной вежливости, за которой нет никакого содержания. Я ничего такого не заметил, хотя не исключаю, что это и правда.

По крайней мере, тому есть некоторые косвенные подтверждения.

Больше половины американских сенаторов живут без паспортов. Это значит, что они никогда не покидали пределов Соединенных Штатов – у них за океаном паспорт нужен только для закордонных поездок, а внутри страны для идентификации личности достаточно простых водительских прав.

Среди рядовых американцев процент тех, кто никогда не бывал в других странах, наверняка еще больше, чем среди сенаторов. Пуще того, говорят, что огромное количество американцев никогда не пересекали даже границы штата, где они родились.

Похоже, им и правда нет дела ни до кого другого, кроме самих себя.

О существовании где-то там на другом конце света какой-то Украины многие из американцев просто не знают. России в этом смысле есть чем гордиться

– она американцам, конечно, известна, ибо они очень долго считали ее своим главным врагом.

В редакции «Хантсвилл Таймс» я спросил у редакторов, когда они в последний раз упоминали на страницах своей газеты об Украине. Редакторы удивились, наморщили лбы и честно признались, что не помнят. Может быть, сказали, не упоминали вообще никогда.

Ничего обидного для Украины в сем факте я, впрочем, не усматриваю. У нас не та страна, чтобы находиться в центре всемирного внимания. Мы не Америка, не Россия и не Китай. Лучше пусть о нас молчат, чем кричат, как об Ираке – в связи с войной. Или как раньше кричали о Сербии или ЮАР или...

Так повелось, что в последние годы, если тобой заинтересуется Америка, жди беды. Как это было в Сербии, Косово, Афганистане или Ираке.

Американский рефлекс:

– Hi! – механически осклабится от уха до уха похожий на пластмассового клоуна американец. – How are you? – и только его и видели.

Русский рефлекс:

– Куда лезешь, козел? – механически скорчит страшную рожу напоминающий огра русский.

В обоих случаях – ничего личного.

Улыбаясь, американец не испытывает к вам никакой симпатии. Русский, кроя вас матом, не чувствует к вам никакой ненависти. Просто приятнее видеть ни к чему не обязывающие улыбки, чем ничем не угрожающие рожи.

Мы все не раз и не два слышали номера Михаила Задорнова.

Спору нет, американцы, говоря по-нашему, не без придури. Другое дело – Задорнов об этом предпочитает не упоминать – что мы им по части этой самой придури дадим фору в сто очков вперед.

В каждом штате, да что штате, в каждом американском городке свои законы.

В кафе до половины одиннадцатого утра нельзя съесть ничего, кроме «комплексного завтрака». Так что если тебе, положим, охота гамбургер, а он не входит в завтрак, то изволь сидеть и ждать, пока часы не пробьют 10.30. Кошмар, но большинство американцев так привыкли к этому безумному правилу, что воспринимают его как нечто само собой разумеющееся.

Кто помнит времена Союза, помнит и правило, по которому в советских магазинах спиртное можно было купить только после одиннадцати часов утра. Сколько анекдотов, песен и рассказов были у нас посвящены этому казусу, а американцы, оказывается, зашли на этом пути дальше, а точнее говоря – позже нашего. У них на Алабамшине ни в одном баре не выпьешь ничего крепче колы до самого полудня.

Крепкие алкогольные напитки в Алабаме можно купить только в специализированных «штучных» магазинах, которые к тому же еще и закрыты по воскресеньям.

В супермаркетах только пиво, «сухарь» и коктейли.

Однажды воскресным вечером мы долго бродили по супермаркету в поисках, чем бы промочить горло. Выбрали в конце концов пару-тройку упаковок коктейлей и пива, выстояли очередь к кассе.

– К сожалению, – улыбаясь, сообщила нам кассир, – я не могу вам продать даже этого.

– Why? – вспомнил я остатки своего школьного английского.

– Сегодня воскресенье, – невозмутимо ответствовала продавщица.

После такого прискорбного известия с нами случилась легкая истерика, и, поразмыслив, мы «приговорили» мои крымские сувениры – коктебельский коньяк и виктановскую водку на бруньках.

– Все равно, – рассудили мы, – дарить их тут некому: нынешние американцы все меньше пьют и все больше работают.

Много работать, много зарабатывать и много покупать – классические ценности современного американца.

Американцы не только мало пьют, но и почти не курят. Эти люди, надо отдать им должное, умеют добиваться поставленных целей. Лет двадцать тому назад Америка дымила как паровоз, а теперь в стране уже почти никто не курит. Сработала антитабачная реклама, жесткие ограничения на курение в помещениях и общественных местах и прочие меры. Мест для курения так мало, что пока отыщешь, где подыметь, уже и курить не хочется.

Сигареты и алкоголь молодые люди могут купить только по паспорту или удостоверению личности. Сигареты – с восемнадцати лет, алкоголь – с двадцати одного года. Если кого поймают за продажей сигарет и пива несовершеннолетним, тут же лишат лицензии, так что желающих рисковать находится немного. Все проще пареной репы, но ведь действует, черт возьми!

Все, о чем я тут пишу, ни в коем случае не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Это всего-навсего мои субъективные ощущения и умозаключения. Я пишу о том, что успел заметить, рассмотреть, распробовать и разнюхать.

Америка пахнет поп-корном, колкой и ароматизатором воздуха. От последнего без привычки сначала даже делается немного нехорошо, а потом ничего, привыкаешь.

На вкус...

На вкус Америка очень разная.

У Америки может быть простоватый привкус фастфуда и острый привкус чалупо, изысканный вкус суши и отдающий папье-маше вкус местной картошки.

Еда в Штатах хуже, чем у нас на родине. Точнее, в Штатах много почти несъедобной еды, которую, к моему и моих соотечественников ужасу, американцы с удовольствием поглощают.

Например, то, что американцы выдают за хлеб, – это не хлеб. Это я не знаю, что такое, но есть его нельзя. Из чего делают этот, с позволения сказать, про-

дукт – тайна. Вы видели хлеб, который не черствеет? Я видел – в Америке. И если бы речь шла только о хлебе. Их огурцы, помидоры и картошка по вкусу напоминают бумагу – много лет назад я как-то в школе на спор съел двойной тетрадный лист в клеточку, так что знаю, о чем пишу.

Терпеть не могу фастфуд – все эти гамбургеры, хотдоги и прочие чизбургеры, но у нас они по сравнению с американскими – это просто пир желудка. В общем, все, что имеет в своем составе хлеб и овощи, в Америке на самом деле мало пригодно в пищу.

Это, однако, не значит, что там у них за океаном нечего есть. Мясо, рыба, яйца, фрукты не хуже, чем у нас. Очень много китайских и мексиканских забегаловок, в которых можно вкусно и задешево есть столько, сколько в тебя влезают. Мексиканские бурритос, халапинья, чалупо или японские суши – пальчики оближешь. Просто нужно знать места.

Общее впечатление: американцы очень много едят – при том, что американцы, конечно, бывают разные. Недаром на их улицах так много не просто толстых, а очень толстых людей. Говорят, несколько лет назад Америка объявила гражданскую войну ожирению. Что из этого выйдет, будет видно. Но по улицам бегает очень много людей. Бегут, правда, вдоль магистралей и даже по ним. Дышат выхлопными газами, зато не курят. Лопают гамбургеры, зато запивают их диетической колодой.

Спорт в Америке очень престижен и очень популярен – и не только активный, но и телевизионный. На ТВ больше всего рекламных денег собирают понедельничные трансляции баталий по американскому футболу. На этой народной американской забаве мне побывать не довелось, сезон еще не начался, зато я сходил на бейсбол. Зрелище для европейца скучное и малопонятное, но в Америке это, как ни крути, часть национальной культуры.

Питчеры, кетчеры, ининги – во всей этой мудреной бейсбольной грамоте европейцу разобраться так же трудно, как американцу в офсайдах, корнерах и хавбеках. Хотя времена постепенно меняются. В свободное время на лужайках уже не только лупят битами по маленькому бейсбольному мячику, но и гоняют ногами настоящий большой футбольный мяч.

Американцы очень много едят и еще больше пьют... разных безалкогольных напитков. Американский автомобиль должен быть непременно оборудован специальными подставками для стаканов с прохладительными напитками, иначе его, этот автомобиль, просто никто не купит.

Иногда кажется, что родина Снежной королевы – не Лапландия, а Америка. Тут все или почти все напитки – со льдом. Лед в больших целлофановых пакетах у них на каждом шагу и на каждом углу. Где-то – даром, где-то – за доллар.

Если вы хотите, чтобы вам принесли напиток без горы льда, нужно специально подчеркнуть: без льда. И ведь никто не простуживается. В Штатах не просто пьют чай со льдом. В Штатах многие просто не подозревают, что этот напиток вообще-то следует пить горячим.

Ну и, наконец, что еще у них в Америке плохого, так это запутаннейшая система мер и весов. Мили и футы вместо километров и метров, фунты вместо килограммов, Фаренгейт вместо Цельсия, сто десять вольт вместо двухсот двадцати в розетках. Европейцы во всей этой галиматье не могут разобраться годами, а американцы, напротив, паникуют при упоминании о метрах и килограммах.

Американцы не показались мне умнее украинцев или русских. Нет, дело, кажется, всего-навсего в том, что они вышколеннее. В Америке есть правила, которые нужно выполнять. На Украине и в России все наоборот. У нас есть правила, которые нужно обходить.

Американский парадокс: на улицах нет ни урн, ни мусора. Секрет, как очень многое в Штатах, прост: бросил обертку или бычок – заплатил сто баксов. Желających раскошеляться нет.

У каждого американца есть так называемое личное пространство: шестьдесят сантиметров. Ближе они друг к другу не приближаются. Если вдруг кто-то проходит мимо вас на «опасном расстоянии», вы непременно услышите «простите». Зато никто не наступает один другому на ноги и не толкает в спину.

Таких примеров можно привести десятки, а если пожить в Штатах подольше, то, наверное, и сотни. Есть правила, которые делают жизнь людей там комфортной.

У нас перед редакцией на обочине убитой симферопольской дороги торчит огромный дорожный знак «пешеходный переход». Я ни разу в жизни не видел, чтобы кто-то из водителей перед ним не то, чтобы остановился, а просто притормозил. В Америке это немыслимо. Если на трассе нарисована зебра, значит, пешеход может переходить дорогу, не глядя по сторонам.

Как говорил Володя Шарапов, если переступить закон один раз, потом другой, то это не закон будет, а кистень. Что мы и имеем тут у нас, в нашей богоспасаемой Отчизне.

– Кто-нибудь из вас изучал историю Америки? – спросил у нас лектор.

В ответ поднялось несколько рук:

– Ну да, в курсе всемирной истории.

– Тогда большинство из вас знает об истории Америки больше, чем сами американцы, – честно признался наш собеседник. – Американцы не интересуются ни историей, ни географией. У них есть интуитивное чувство своей истории.

Я, признаться, не знаю, что такое «интуитивное чувство своей истории», но американскому лектору, наверное, виднее. Видимо, исходя из этого интуитивного чувства, Америке и свойственно преувеличивать свою роль в истории человечества. Среди прочего об этом свидетельствует... библиотека конгресса США – одна из крупнейших библиотек в мире. Ее своды украшают скульптуры, изображающие страны, которые дали миру что-то ценное. Греки дали миру философию. Арабы – физику. Американцы, оказывается, – науку. Русские, не

говоря об украинцах, не упоминаются. Такие у людей представления о мире, и ничего тут не попишешь.

В Вашингтоне один американский профессор прочел нам лекцию «Создай себя заново в Америке».

– Тебе не нравится место, где ты живешь? – вопрошал он. – Переезжай!

– Тебе надоела лысина? – Купи себе новые волосы!

– Тебя беспокоит плоская грудь? – Купи себе другую!

– Играй, занимай деньги, будь молодым!

Одно меня смутило в профессорской формуле: дважды повторяющееся слово «купи». На ум сразу пришло культовое русское кино «Брат-2».

Видели?

Тогда наверняка помните программный монолог Данилы Багрова:

– Вот скажи мне, американец, в чем сила?.. Разве в деньгах?.. Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда, тот и сильней!

Вашингтонский профессор «Брата-2» наверняка не видел, а рассуждал точно по фильму. Да вот беда, у американцев не только много денег, но и немало правды. Огромные пропасти разделяют Украину и Америку, и Атлантический океан – не самая глубокая из них. Я голову дам на отсечение, что так, как живут они там, мы тут жить не будем никогда. Америка обогнала нас не на сто лет и не на двести, Америка обогнала нас навсегда.

И все же есть у нас с американцами и кое-что общее.

Америка – страна эмигрантов. Даже сейчас там тридцать миллионов граждан, которые родились за пределами Соединенных Штатов, и среди них немало этнических украинцев. В ходе последней переписи населения один миллион американских граждан указали, что по происхождению они являются украинцами.

И Америка, и Украина живут сейчас в условиях предвыборной президентской гонки – кандидаты, как говорят в народе, «гонят» друг на друга по полной программе.

Демократы-американцы, например, буквально наводнили страну сувенирами – карикатурами на Буша. Футболки, значки, брелоки на все лады высмеивают действующего президента самой могучей страны в мире. Лучшей иллюстрации американской свободы не придумаешь, статуя в Нью-Йорке – это так, помпезный символ. По крайней мере, у нас за нечто подобное американским предвыборным сувенирам, я думаю, можно угодить за решетку. В аэропортах через магазинчик – туалетная бумага с изображением Белого дома. Я хотел купить, знаю, кому можно подарить, но семь долларов за рулон – это чересчур. Тоже, между прочим, иллюстрация американизма и американских ценностей. Хочешь подтереться Белым домом? Ради бога! Гони семь баксов!

И Америка, и Украина сегодня разделены надвое. Сторонники Буша против сторонников Керри. Приверженцы Януковича против приверженцев Ющенко

– украинская диаспора в Америке, тут нечего обманываться, почти поголовно желала бы видеть новым президентом Украины лидера «нашистов». У американцев, пожалуй, это разделение интеллигентнее, тоньше и без истерик, но все равно чувствуется. Разделены были и наша делегация, и даже та американская семья, в которой мы прожили несколько дней. Рэй Кофи будет голосовать за Буша, его жена Джерри – за Керри, и дело тут, я уверен, не в невольной рифме. Просто Рэй считает, что Америка должна продолжать войну в Ираке, а Джерри – категорически против.

Мне кажется, читателям будет любопытно узнать немного о тех американцах, которые принимали нас у себя дома. Сразу скажу: никакого материального стимула у них к этому не было, да он им, скорее всего, и ни к чему.

Живи Рэй Кофи лет двести назад, он был бы плантатором-конфедератом, а так он – простой американский фермер. Рэю принадлежат восемьсот гектаров земли, половину из которых он засекает кукурузой, а половину – хлопком, несколько домов и усадьба с собственным небольшим озером. Не бедствует человек, одним словом. Ему и его жене было просто интересно познакомиться с жителями далекой и загадочной Украины – осколка бывшего «великого и могучего», с которым столько лет враждовала их родина, тем более, что Рэй не всегда был мирным фермером.

– В меня стреляли в четырех странах, с меня хватит, – обронил он, когда мы сидели на берегу его озера в Алабаме.

Мы вопросительно посмотрели на Рэя, и один из моих товарищей осторожно попросил назвать эти четыре страны.

– Корея, Вьетнам, Таиланд и Лаос, – флегматично перечислил господин Кофи.

– И какой период жизни вам самому больше нравится? Военный или фермерский?

– Нынешний, когда я фермер, – коротко ответил ветеран четырех войн.

– Почему?

– Работая на правительство, я даже не видел, как растут мои дети, – объяснил Рэй.

– Какой-нибудь из американских фильмов о Вьетнаме дает правдивое представление о той войне? – спросил я.

– Это всего лишь кино, – едва заметно улыбнулся Рэй. – Я не видел ни одного фильма, который бы передавал то, что происходило во Вьетнаме.

Прежде чем вернуться в родную Алабаму и заняться мирным сельскохозяйственным трудом, Рэй закончил военную академию, а потом служил в американской армии и работал в ЦРУ. А его жена Джерри в те же годы работала репортером в Таиланде. Именно она, между прочим, была первой журналисткой, кому удалось взять интервью у короля Таиланда, – в тех местах царственные особы все равно что живые боги.

Вернувшись в Алабаму, Рэй и Джерри превратились в вегетарианцев: перестали есть мясо, рыбу, яйца, молоко, масло, сыр. Рэй бросил курить и попивать

свой любимый шотландский виски. Они создали себя заново в Америке, если вспоминать тему лекции профессора из Вашингтона. Сейчас супругам Кофи за шестьдесят, и они в блестящей форме. Джерри, например, каждое утро пробегает пару миль в специальных тяжелых ботинках, а Рэй с тремя наемными работниками отлично справляется с обработкой своих восьмисот гектаров земли.

У Джерри при этом еще хватает сил на общественную деятельность. Несколько лет назад она устроила большую демонстрацию протеста у одного из супермаркетов, где продавались генетически модифицированные продукты.

Дело дошло до того, что Джерри на несколько часов уперли за решетку.

– В газетах потом появились заметки: «Две бабушки угодили в тюрьму», – рассказывала нам Джерри.

– Мы вас отпустим, только пообещайте, что не будете приближаться к этому супермаркету, – сказали мне полицейские, – рассказывала Джерри. А я отвечаю:

– Не могу этого обещать.

– Почему?

– Потому что там стоит моя машина.

Однажды Рэй и Джерри повезли нас в американский дом для престарелых. Рэй говорит редко, но по существу. Тут он опять выдал:

– Америка – это страна, в которой выбрасывают все: старую мебель, старые машины, старых людей.

Тем не менее в сравнении с нашими американский дом для престарелых – это настоящий санаторий с удобными чистыми двухместными комнатами, телевизорами, просторными холлами и вежливым персоналом.

Соединенные Штаты, по крайней мере, внешне, очень религиозная страна.

В Алабаме около девяноста процентов населения – верующие. По воскресеньям церкви заполнены прихожанами. Тут, конечно, традиция. но и вера, наверное, тоже.

Церковь на самом деле серьезно влияет на уклад провинциальной американской жизни. Вспомните хотя бы тот же запрет на продажу спиртного по воскресеньям – люди ведь за него проголосовали. Большинство американского населения – протестанты разного толка, есть католики, иудеи, негры-мусульмане и немного всех остальных, вплоть до идолопоклонников и тех, кто молится инопланетянам.

Читайте на долларах: «In God We Trust».

Американцев не слишком-то любят по нашу сторону океана: что в Западной Европе, что на Украине, что в России. Они, конечно, другие, со своими привычками и закидонами. Да и не нуждается, собственно, Америка в нашей любви: она самодостаточна – презрение американцев к географии проистекает, по-моему, как раз не от тупости и нелюбознательности, а именно от самодостаточности.

Америку не нужно любить. Америку нужно уважать – за то, как там живут простые люди.

Ну и один анекдот напоследок, чтобы сгладить пафос двух предыдущих предложений.

У психоаналитика.

Пациент:

– Доктор, она постоянно достает нас своими поучениями, учит жизни, вмешивается во все наши дела... И замочить бы ее – так нет, она ведь нам деньги дает. Что делать, доктор?

Доктор:

– Не волнуйтесь, у многих бывают такие конфликты с тещами.

Пациент:

– Доктор, какая теща, это я про Америку!!!

«Крымское время».

№ 171 (2015), 17.09.2004;

№ 176 (2020), 24.09.2004;

№ 181 (2025), 01.10.2004;

№186 (2030), 08.10.2004.

Слава Богу и «Святой Марии»: по следам Белой армии

декабрь 2005

Я читал лекцию по теории журналистики.

Мой рассказ прервал звонок мобильного телефона.

– Да, Владимир Владимирович.

Аудитория грохнула от смеха.

– Да, Владимир Владимирович, – по аудитории опять прокатился смех.

Звонил, конечно, не президент России Путин из Москвы, звонил президент «Морского собрания» Стефановский из Севастополя.

Владимир Владимирович собирал экспедицию, которая должна была через несколько дней на яхте «Святая Мария» отправиться из Севастополя в поход Памяти по пути, которым прошли в 1920 году корабли Черноморского флота, эвакуировавшие из Крыма сто пятьдесят тысяч человек.

Отказаться от этого предложения было невозможно.

– Вы – авантюристы, – сказал приятель, узнав о наших намерениях отправиться на яхте через зимнее Черное море.

Утром пятнадцатого ноября мы стояли на Графской пристани. Ровно восемьдесят пять лет назад – день в день – отсюда ушли последние русские корабли, увозя в изгнание сто пятьдесят тысяч соотечественников, бежавших от большевиков.

Приказ об эвакуации Крыма вышел 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1920 года.

«Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда, – обратился генерал Врангель к соотечественникам. – В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности. По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, членов гражданского ведомства с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье».

Чтобы позволить всем погрузиться на суда, еще 1 (14) ноября армия защищала окрестности Севастополя по линии фортификаций 1855 года: генерал Скалон – северную часть, от моря до линии железной дороги; генерал Кутепов – от железной дороги до вокзала и дальше к морю. Флоту был дан приказ погрузить эти последние заставы к полудню и выйти на рейд.

2 (15) ноября Врангель удостоверился, что на суда грузятся последние заставы. Только после этого на Графской пристани появилась его высокая фигура в серой офицерской шинели и фуражке корниловского полка. Почти у самого берега он повернулся к северу, в направлении Москвы, и, сняв фуражку, перекрестился и низко поклонился родине в последний раз. В 14 часов 40 минут катер верховного главнокомандующего отчалил от пристани.

Эвакуация закончилась. На долгие годы от графов в Севастополе осталась одна пристань.

В два-три дня флот, без паники и беспорядков, сумел спасти почти сто пятьдесят тысяч человек, которых при вступлении красных наверняка ждал расстрел. И в этом смысле эвакуацию 1920 года следует признать одной из самых успешных операций Черноморского флота за все века его существования.

И верховный главнокомандующий Русской армией генерал Врангель, и главнокомандующий Черноморским флотом адмирал Кедров в первую очередь думали о людях. Если бы эта традиция получила свое продолжение, у нас наверняка не было бы таких ужасных, в десятки тысяч человек, потерь в Великую Отечественную войну во время эвакуации (а точнее – псевдоэвакуации) Приморской армии и жителей Севастополя с мыса Херсонес. Тогда, летом 1942 года, командование фактически бросило своих солдат и офицеров на произвол судьбы.

В ночь на 1 июля после доклада адмирала Октябрьского о том, что все возможности для обороны города исчерпаны, по приказу Москвы с мыса Херсонес на подводных лодках и нескольких транспортных самолетах были вывезены только высшие командиры и комиссары: генерал Петров со штабом, командиры дивизий, командование флота, партийное руководство и чины НКВД – всего 498 человек, а также около трех тонн документов и ценностей. Той же ночью отплыли и все имевшиеся под рукой исправные плавсредства – на них тоже сажали по спискам, они доставили в кавказские порты 304 человека. Эти генералы и были «эвакуированными войсками», а партийные бонзы и их родственники – «населением».

Врангель, как когда-то Суворов и другие выдающиеся русские офицеры, воевал не числом, а умением. Советские военачальники, увы, чаще всего действовали наоборот: не умением, а числом. Однако это, пожалуй тема уже немало других заметок.

В ноябре 1920 года из Крыма ушли 120 судов, среди которых были не только военные корабли Черноморского флота, но и транспорты, пассажирские и торговые пароходы, баржи и даже плавучий маяк на буксире.

Нам предстояло повторить их путь на яхте.

И я, и мой коллега фотокорреспондент Алексей Васильев – люди сухопутные. До сих пор никому из нас на яхте путешествовать не приходилось. Не скрою, когда я увидел фотографию «Святой Марии» в интернете, мне стало немного не по себе. «Живьем» она показалась мне еще более утлым суденышком.

– Действительно авантюра, – мысленно согласился я с приятелем, но отступить было уже поздно.

Сейчас, после возвращения, я беру эти мысли назад. Наша яхта оказалась надежным судном. В прошлом году «Святая Мария» ходила в Индийский океан – на Мальдивские острова, так что капитана Виктора Бантыша и боцмана Александра Разгонова переходом через Черное море было не удивить. Вместе с ними экипаж яхты на этот раз составляли двое молодых матросов – Михаил Геворкян и Сергей Мирошников.

Не впервой ходить за море и бывшему офицеру-подводнику Владимиру Стефановскому. Наконец, кроме него и ваших покорных слуг, на борту «Святой Марии» находились еще пятеро членов экспедиции – Борис и Александр Беляевы, Игорь и Вячеслав Кайро и Анатолий Таныгин. Итого, вместе с экипажем двенадцать человек. До чертовой дюжины не хватило одного...

Нас провожали из Севастополя всем миром: десятка полтора журналистов, полсотни горожан, полсотни участников памятных мероприятий, посвященных восьмидесятипятилетию окончания Гражданской войны, предводители крымского дворянства, духовой оркестр Черноморского флота, казаки, делегация севастопольской организации «Нашей Украины» – именно ее представители купили топливо для экспедиции «Морского собрания» – у других, как сие ни прискорбно, средств на это не нашлось.

– Мне стыдно признаваться, что идея похода Памяти пришла в голову не президенту России или Украины, не главнокомандующему Черноморским флотом или главнокомандующему ВМС Украины, а простым севастопольцам, – рассказывал Стефановский. – По-хорошему, в этот поход должна была отправиться не группа энтузиастов, за свои деньги арендовавшая яхту, а корабль Черноморского флота с главнокомандующим на борту, ведь восемьдесят пять лет назад отсюда, из Севастополя уходил в изгнание его коллега.

Помните старую присказку: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Незнание истории, неуважение к своему прошлому всегда оборачиваются новыми бедами. Прошлогодние президентские выборы поставили нашу страну – теперь уже, правда, не Россию, а Украину – на грань новой гражданской войны. А впереди у нас – выборы в парламент и местные советы, которые, по мнению многих экспертов, обещают быть еще более ожесточенными. Разрушить мир – легко, а на то, чтобы его восстановить, порой не хватает и восьмидесяти пяти лет.

Однако вернемся на «Святую Марию».

Судьба как минимум трижды взывала к нашему благоразумию.

Сначала у Алексея порвался ремень на его огромной сумке. Потом у меня остановились часы. И наконец, выяснилось, что «Святая Мария» на три метра длиннее какой-то прописанной в украинских морских законах нормы, и капитану яхты вместе с начальником экспедиции пришлось долго «разруливать» эту ситуацию с Портнадзором, чтобы нас выпустили из Севастополя. В телевизионных новостях уже давно прошли репортажи о том, что «Святая Мария» отправилась в поход, а мы все еще стояли у причала рядом с Графской пристанью. На море опустился туман и посыпался мелкий морозящий дождь со снегом.

Однако мы все-таки не убоялись этих предостережений судьбы, найдя каждому из них рациональное объяснение. Сумку надо было меньше набивать всячиной. В часах селах батарейка. Закон есть закон.

И вообще, долой мракобесие!

Иконки святого апостола Андрея Первозванного, которыми нас снабдил в дорогу одноименный фонд, заняли свои места в нашей каюте, и мы положились на волю Господа Бога, Андрея Первозванного, святой Марии, «Святой Марии» и ее капитана!

Морякам без Бога и его святых никуда. Недаром кают-компанию «Святой Марии» украшают иконы Божьей Матери и умученного большевиками государя-императора Николая II, а рубку – лик Николая Угодника.

Их заступничеством мы, в общем, и уцелели, по крайней мере, по сию минуту.

Не для телекамер а по-настоящему «Святая Мария» вышла из Севастополя только в одиннадцать часов по киевскому (оно же – стамбульское) времени.

Планировалось, что переход через Черное море до Босфора займет у нас часов 55, однако в дело вмешалась погода: встречный ветер и волны в три-четыре балла. Яхту раскачивало так, что «мама, не горюй!»

Мы заболели к утру среды. Мутило. Алексей запасся в дорогу таблетками от морской болезни, но, по-моему, они не действовали. Лучший способ, как и при всех прочих болезнях, – просто принять горизонтальное положение. Минут через 15-20 после этого организм успокаивается, и, в принципе, можно жить дальше. А вот на ногах, да еще ближе к баку или корме, нас минут за 5-10 раскачивало так, что комок подступал к горлу.

Поэтому и мы, и другие участники экспедиции старались вставать с коек как можно реже, Васильева можно было поднять на ноги, только позвав его завтракать, обедать или ужинать. При мысли о еде наш фотокорреспондент мужественно спускался в кают-компанию и балансировал на уходящем из-под ног полу с тарелкой борща в руках.

Из-за порядочного волнения мы шли со скоростью два с половиной-три узла. В переводе на сухопутный язык это означает: четыре-пять километров в час.

«Сегодня, 17 ноября 2005 года, яхта «Святая Мария» продолжает двигаться из Севастополя в Константинополь. По законам жанра, тут следовало бы ука-

зять наши географические координаты, однако мы по причине своей морской малограмотности можем лишь констатировать: со всех четырех сторон нашу яхту окружает вода. Скорее всего, мы как раз где-то посреди Черного моря.

Надеемся, спасти нас не придется. Если вы отыщете эту бутылку и прочтете эту записку, свяжитесь с нами по адресу: alexander@time.strace.net, и мы, может быть, расскажем вам, чем закончилось наше путешествие по зимнему Черному морю.

Журналисты газеты «Крымское время» Александр Машенко и Алексей Васильев. 17.11.2005. «Святая Мария», Черное море, водка «Вдала» выпита 15.11.2005 в день старта экспедиции».

Вам, господа читатели, повезло куда больше, чем тем, кто когда-нибудь отыщет бутылку с нашим посланием у берегов Украины, России, Турции Грузии, Болгарии или Румынии – куда унесет ее по воле ветров.

Ну, вообще-то бросать бутылку с запиской в море, по правде говоря, было рано, ибо «Святая Мария», натужно гудя, продолжала медленно, но верно приближать нас к спасительному турецкому берегу.

Уже несколько суток спустя, вернувшись домой, мы прочли сообщения информагентств о том, что в те же дни, когда наша «Святая Мария» бороздила Черное и Мраморное моря, в соседнем Средиземном море потерпела крушение другая украинская яхта – «Эрика», на борту которой находились семь человек.

Нам повезло куда больше. В ночь на пятницу, 18 ноября, Черное море успокоилось, и качка почти исчезла. «Святая Мария» пошла со скоростью семь узлов, а мы выбрались из наших кают, чтобы почтить память русских моряков, погибших в этих водах восемьдесят пять лет назад.

Первым мемориальным мероприятием в рамках нашей экспедиции стало возложение венка у входа в Босфор, на месте гибели в 1920 году русского эсминца «Живой». Следующий венок лег на воду на месте гибели подводной лодки «Морж». «Морж» с сорока двумя членами экипажа на борту погиб с 4 по 6 мая (точная дата неизвестна) 1916 года. То была, кстати говоря, единственная боевая потеря подводного русского флота. Позже, в советские годы, на Черном море по различным причинам погибли еще 28 русских подводных лодок, однако это уже немного другая история.

«Святая Мария» вошла в Босфор 18 ноября в 14 часов 15 минут по стамбульско-киевскому времени. На двух берегах, европейском и азиатском, раскинулся византийский Константинополь – русский Царьград – турецкий Стамбул. Город, сыгравший в истории России роль, сопоставимую, пожалуй, только с ролями, доставшимися Москве, Санкт-Петербургу да Киеву.

Мечта о Царьграде зародилась в русских умах много веков назад.

В начале XVI века псковский старец Филофей сформулировал одну из главных русских идей: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать».

Освободить Второй Рим от мусульман призывали разные русские философы, писатели и политики. Сто пятьдесят лет назад мой любимый писатель

Федор Михайлович Достоевский объявил на весь мир: «Рано ли, поздно ли, а Константинополь должен быть наш!»

Извечная русская мечта едва не сбылась в конце XIX века.

В январе 1878 года русские войска генерала Скобелева стояли уже в предместьях Царьграда, который, несомненно, пал бы под ударами русского оружия, если бы не вмешательство просвещенных европейских держав.

До Царьграда оставалось рукой подать – несчастных двенадцать километров!

«Смею думать, – писал Скобелев своему командованию, – что в настоящую минуту между нами и Константинополем нет серьезных преград... Это признают наши враги... Заключаю: при большей энергии со стороны нашего посла господствующее влияние должно по силе вещей принадлежать России, и весьма прискорбно, что столь могучий фактор, как присутствие в Адрианопле действующей армии и возможность... и теперь еще занять с бою столицу Турции... слишком мало принимается в расчет нашей дипломатией».

Увы, после вмешательства Англии и Австро-Венгрии, угрожавших России войной, если она решится взять Царьград, император Александр II принял решение подписать в Сан-Стефано под Константинополем мирный договор с Турцией. Так Россия упустила самый реальный шанс взять Царьград.

Миновав Босфор, «Святая Мария» прошла бухту Мода при входе в Мраморное море – именно там встали в 1920 году русские корабли в ожидании решения своей судьбы, которая опять, как в 1878 году судьба Константинополя, оказалась в руках европейских держав.

Великобритания заняла «полностью нейтральную позицию», и вся ответственность за судьбу беженцев легла на французов. В конце концов, после переговоров с балканскими странами, добровольческая армия высадилась в Галлиполи (ныне – турецкий город Гелиболу), донские казаки – в Чатальдже, в окрестностях Константинополя, кубанцы – на греческом острове Лемнос. Турция, Сербия, Болгария, Румыния и Греция согласились принять гражданское население, а флот отправился в Бизерту.

Наша яхта нашла себе пристанище на яхтенной стоянке «Атакей-Марина» среди сотен других яхт из Европы, Америки и Австралии. Мы ожидали таможенной и пограничной проверки, однако ни той, ни другой службе, казалось, не было до нас никакого дела. Прибежал какой-то турок, помог пришвартоваться, и мы, ступив на турецкую землю, отправились бродить по вечернему городу.

На следующий день, в субботу, 19 ноября, члены экспедиции отправились в российское генеральное консульство в Стамбуле, чтобы возложить венок к памятнику русским морякам, погибшим в этих водах в годы Первой мировой войны.

Генеральный консул Александр Кривенко принял нашу делегацию в Бююкдере – на даче консульства у самого берега Босфора. Бююкдере – старейшая

российская территория в Стамбуле, ее купили для российского посольства еще в начале XIX века.

Позже, после того как в 1923 году Кемаль Ататюрк перенес столицу Турции вглубь страны – в провинциальную заштатную Анкару, за государственной администрацией нехотя переехали и послы, а в Стамбуле открылось генеральное консульство.

Российский посол и сейчас периодически наезжает в Стамбул. От его домика в Бююкдере открывается прекрасная – и для художников, и для разведчиков – панорама Босфора. Во время оно тут сидели наблюдатели и считали проходящие через пролив корабли, а теперь отсюда просто открывается замечательный вид.

В Бююкдере огромный парк, в котором среди пальм и других южных деревьев по традиции испокон веков растет береза – символ России. В верхней части парка похоронены пятеро русских моряков, по одной из версий погибших как раз на той подводной лодке «Морж», о которой я уже рассказывал в этих заметках.

Судя по приему, оказанному нам в российском генконсульстве – в сущности иностранном дипломатическом учреждении – слово Севастополь еще вызывает в душе российских дипломатов мысли о России.

На осмотр царьградских достопримечательностей у нас остался один воскресный день. Пытаться объять необъятное было бессмысленно, и мы остановили свой выбор на Святой Софии, Голубой мечети и археологическом музее.

Огромная приземистая Святая София построена за четыре с половиной века до принятия Киевской Русью христианства. Завоевав в 1453 году Константинополь, турки так и не решились разрушить этот величественный храм, лишь «украсив» его минаретами. А потом – тысячу лет спустя – построили рядом свою знаменитую Голубую Мечеть – видимо, надеясь перецеголять византийцев в роскоши и великолепии.

В отличие от Софии и Голубой мечети, которые кишат туристами дни напролет, стамбульский археологический музей – прибежище менее многочисленной и более интеллигентной публики.

Основанный в середине XIX века, дабы было где хранить бесчисленные археологические находки, стамбульский музей – один из крупнейших археологических музеев мира.

Тут экспонируются древности Шумера, Ассирии, Древней Аравии, Египта, Вавилона, Анталии и Восточного Средиземноморья от доисторических времен. Гордость музея – саркофаг Александра Македонского, хотя, в общем, доподлинно неизвестно, был ли он в действительности последним пристанищем великого полководца.

Ну и, конечно, отдельная экспозиция посвящена легендарной Трое. Тут же, у входа в один из залов, стоит бутафорский троянский конь, у которого охотно фотографируются посетители музея.

Однако пора возвращаться из древнего мира в современный.

Для большей части наших соотечественников современный Стамбул – это город, где можно по дешевке закупить шмотья, а потом продать его на наших рынках. Новейшая экономика Турции в значительной степени ориентирована на страны бывшего СССР. Это касается и легкой промышленности, и сельского хозяйства, и индустрии туризма и отдыха. Анталию так вообще за глаза считают еще одним субъектом Российской Федерации.

Из Турции в бывший Союз везут вещи, а из бывшего Союза в Турцию – деньги и женщин. В Стамбуле пруд пруди проституток из бывшего СССР. Пальму первенства тут держит Молдавия, далее, как ни странно это может для кого-то звучать, идут Азербайджан и Грузия. За ними – Украина и Россия.

Все воскресенье моросил противный босфорский дождь. Поскользнувшись на какой-то стамбульской улице, я уже хотел выругаться на манер Геши: «Шьрот побьери», однако все-таки устоял на ногах.

Помните «Бриллиантовую руку»?

– У вас завтра лекция. Тема: «Нью-Йорк – город контрастов».

– Но я не был в Нью-Йорке.

– А где же вы были?

– В Стамбуле.

– Хорошо, пусть будет «Стамбул – город контрастов». Объявление перепишем.

Насколько мы успели заметить за пару дней, Стамбул действительно город контрастов. Крупнейший город Европы с населением в пятнадцать – семнадцать миллионов человек, если, конечно, Стамбул – это Европа, пусть Турция и стремится в Евросоюз.

Люди тут живут очень по-разному – во всяком случае, если ориентироваться на то, где они живут. Вот лачуги, которые трудно себе представить даже в старом Симферополе, а вот дома, каждый из которых наверняка стоит много больше миллиона условных единиц.

Вот азиатские базары, где надо отчаянно торговаться, что бы ты ни покупал, а вот европейские магазины знаменитых на весь мир фирм.

Самое светское из исламских государств и самая исламская из демократий.

На юге и юго-западе в роскошных отелях отдыхают богачи, а на юго-востоке идет война с курдами.

Увы, выяснилось, что ни до Бизерты, ни до Лемноса нашей «Святой Марии» на этот раз не дойти. Во-первых, штормит, а во-вторых, не хватит соляра. Как заметил начальник экспедиции Владимир Стефановский, на этом топливе мы, пожалуй, и могли бы дойти до Бизерты, однако после этого нам пришлось бы... остаться там в качестве изгнанников навсегда. А мы все-таки верим в то, что на Родине все еще наладится, и поэтому собираемся в обратную дорогу. Надеемся, по возвращении нас не расстреляют, как белогвардейцев восемьдесят пять лет назад.

Между тем десятки тысяч наших соотечественников из России, Украины и Крыма предпочли остаться жить в Турции, и не только в 1920 году, но и в самые последние годы. Новый исход русских из Крыма, не такой стремительный, как восемьдесят пять лет назад, однако от этого не менее трагичный, продолжается уже четырнадцатый год.

И все-таки нашу экспедицию следует признать успешной. Как сформулировал Стефановский, ее главной целью было пробить носом яхты стену молчания вокруг трагического пласта русской истории. Надеемся, по крайней мере, в какой-то степени нам это удалось.

Поход памяти ни в коем случае не завершен. Уже в этом году «Морское собрание» Севастополя намерено установить на лоцманской башне в Бизерте мемориальную доску, посвященную восьмидесятипятилетию Русского исхода. А затем Владимир Стефановский хочет восстановить в Галлиполи памятник русским солдатам и офицерам.

Ну а нам, повторюсь, пора было ложиться на обратный курс. Или отдавать концы. Над Мариной завывал злой северный ветер. По всему выходило, что домой придется идти в шторм. Нам оставалось выпить запасенной еще в Крыму водки, понадежнее закрепить иконы святого Андрея Первозванного и положить на волю Бога, мастерство капитана и опыт начальника экспедиции.

«Крымское время»

№136 (2226), 1 декабря 2005 года;

№139 (2229), 8 декабря 2005 года.

Дивный остров Валаам: из чертовой пасти к Богу за пазуху

июль 2007

Побывать на знаменитых русских островах мне хотелось давно, с конца восьмидесятых годов прошлого века. И вот, почти двадцать лет спустя, я наконец отправился туда, где в это время года не бывает ночи, – на Русский Север. Первая часть этих заметок будет посвящена дивному (как поется в известной песне) острову Валаам, что лежит посреди Ладожского озера.

Мой путь на святой остров лежал через маленький, тысяч в двадцать населения, город Сердоболь на берегу Ладожского озера. Сердоболь – это старое русское название городка. Сейчас же он носит финское имя Сортавала. В переводе с финского Сортавала означает «власть черта». Так что, можно сказать, я из чертовой пасти попал прямо к Богу за пазуху. К Богу за пазуху – это, конечно, на Валаам, освященный столетиями подвижнической жизни православных монахов.

Согласно преданию, еще в первом веке святой апостол Андрей Первозванный, просвещая скифские и славянские земли, прошел сначала через наш Крым, а затем посетил Киев, Великий Новгород и Валаам, где разрушил языческие капища местных племен и воздвиг на диких скалах каменный крест. А затем, спустя девять веков, еще до крещения Руси, на остров пришли «из восточных стран» и первые иноки – преподобные Сергей и Герман Валаамские Чудотворцы, повторив путь апостола Андрея. Именно их трудами и молитвами и было положено начало обители во имя Преображения Господня.

«Серафим» на подводных крыльях – ничего не попишешь, прогресс добрался и до древнейших монастырей – отошел от Сортавалы. «Свистнул и отвалил, двинулся ежедневным путем среди мелких заливов Ладоги. Берега холмисты и красивы, дики. Леса да скалы, слои гранита и луды, выпирающие под косым углом, заросшие мхами. «Серафим» лавировал между этими берегами, придерживаясь вех, опасаясь камней и мелей. И лишь понемногу стал расширяться выход, открылась тусклая синева озера с повисшими как бы на стеклянной подстилке двумя-тремя островами.

...Налево, за бескрайной далью, к океану, некогда святой Трифон основал обитель у самого моря – монастырь святого Трифона Печенгского. Справа, в нескольких десятках верст, остров Коневец. В веке четырнадцатом святой Арсений прибыл туда в лодке, путешествуя с Афона, и привез чудотворную икону, поселился, учредил монастырь. Прямо же перед нами, очень далеко, но уже белея собором, сам знаменитый Валаам.

Возраст всего этого – сотни лет. Корень – Россия».

Это не мои слова.

Так начинается очерк русского писателя Бориса Зайцева о его поездке на Валаам в 1935 году – в финский период истории острова. С тех пор тут, в этих местах, изменилось все и ничего. Другая, нет, даже третья страна – не Финляндия, не СССР, а, как встарь, Россия. Катера на подводных крыльях. Монахи с мобильными телефонами. И тот же заштатный городишко Сердоболь, та же Ладога, тот же дивный остров. Возраст всего этого даже не сотни, а тысячи лет, а корень – да, Россия.

Туристы и паломники высыпали на прогулочную палубу. «Серафим» на подводных крыльях держит курс на церковку на крохотном островке у входа в залив. Это Никольский скит. Нечто вроде сторожевого поста Валаама. Расположенный в северной части Ладожского озера Валаамский архипелаг насчитывает около 50 островов общей площадью 36 квадратных километров, три четверти которых приходится на долю самого большого из них – Валаама. До Сортавалы от Валаама – 42 километра, до Санкт-Петербурга – более 220.

Пройдя мимо Никольского скита, «Серафим» входит в узкий залив и причаливает к пристани главного острова. Вернее, даже не к самой пристани, а к большому круизному теплоходу, занявшему это место раньше нас. Внушительное количество туристов и паломников на Валааме – примета новейшего времени, в котором переплелись возрождение православия, возвращение истории и... мода. А впрочем, «мода на Бога» лучше, чем «мода на черта». Новое время, новая судьба. Туристы, и среди них множество иностранцев. Это не плохо и не страшно: «да светит миру».

Расцвет Валаамского монастыря пришелся на золотой XIX век русской истории. А век XX, наоборот, стал для обители катастрофическим.

С 1811 по 1917 год Валаамский архипелаг входил в состав Финляндского княжества и, в результате, после революции оказался на территории «независимой Финляндии». Впрочем, это было скорее хорошо, чем плохо. Таким образом обитель спаслась от участи, уготованной большевиками прочим русским монастырям, и вплоть до 1940 года оставалась последним уголком Святой Руси.

В феврале 1940 года, когда подходила к концу советско-финская война, и Валаам должен был отойти к Советскому Союзу, монахи, спасаясь от гонений безбожной власти, вынуждены были эвакуироваться в Финляндию. В усадьбе Папинниemi, в 100 километрах от города Куопио, они основали действующий и по сей день Ново-Валаамский монастырь.

На острове же в опустевших зданиях разместили сначала школу боцманов и юнг, а затем дом инвалидов. Так впервые почти за тысячелетнюю историю Валаама на нем появились светские жители. Остаются они на острове и поныне...

Православная история Валаама возобновилась только полвека спустя, в декабре 1989 года. Первые «постсоветские монахи» вступили на берег острова в день памяти святого апостола Андрея Первозванного. А в 1991 году Спа-

со-Преображенскому Валаамскому монастырю был дарован статус ставропигиального, то есть находящегося в непосредственном подчинении Патриарху Московскому и всея Руси. Произошло это, наверное, сразу по двум причинам. Во-первых, ввиду особого места, которое занимает обитель в истории русского православия. Во-вторых, ввиду особого отношения к монастырю Алексея II. У Патриарха с Валаамским монастырем связаны детские и юношеские воспоминания. Родители будущего Патриарха совершали паломничества на Валаам, посещали там прославленных святой жизнью старцев и монахов-подвижников. С монахом Валаамского монастыря Иувианом отрок Алексей Ридигер состоял в переписке. Эти впечатления, как не раз признавался Алексей II, во многом и определили его будущую жизнь и утвердили его в намерении идти по пути служения Церкви.

Став Патриархом, Алексей II не раз приезжал на Валаам и, наконец, построил на острове свою резиденцию. Однако не только высшее духовное, но и высшее светское лицо России по-особенному относится к Валааму. На следующий день после нашей поездки на острове ждали... президента России Владимира Путина. Владимир Владимирович, если так можно выразиться, сосед Алексея II. Его резиденция стоит на Валааме рядом с резиденцией Патриарха.

Вообще, надо сказать, остров посреди Ладожского озера издревле был притягательным не только для искавших спасения монахов, но и для сильных мира сего. Свидетельством тому хотя визит на Валаам Александра I. Государь посетил монастырь 10 августа 1819 года. Посетил с одним единственным камердинером, как обыкновенный паломник. Император, победитель Наполеона, властелин России и Европы в виде штатского человека с камердинером приехал на остров, как можно догадываться, в поисках душевного мира. Ему, взошедшему на престол после злодейского убийства отца – императора Павла I, – этот мир был нужен пуще, чем победа над Наполеоном. Известная легенда говорит, что шесть с небольшим лет спустя, поздней осенью 1825 года, Александр I не умер, а ушел в заволжские леса под именем старца Федора Кузьмича. Историки эту легенду опровергают, однако даже если так, даже если Александр не ушел, бросив трон, искать спасения, то он мог бы уйти. Все пребывание императора на Валааме – это как бы первый шаг, первый опыт новой жизни, жизни без короны и скипетра.

А другой Александр – Александр II Освободитель – посетил Валаам 28 июня 1858 года вместе с семьей и детьми. В память этого события на острове и до сих пор стоит так называемая Царская часовня. Да, ну а теперь в России правят не императоры, а президенты, однако традиция высочайшего внимания к знаменитому монастырю продолжается. В 1991 году Валаам посещал Борис Ельцин. А в последние годы туда, как уже говорилось, регулярно ездит Владимир Путин. Причем некоторые коренные жители архипелага всерьез уверены, что именно сюда Владимир Владимирович переберется жить после окончания второго срока своего президентства. Конечно, едва ли это так, но искус посе-

литься на Валааме у президента есть. Чтобы убедиться в этом, надо просто подняться на вершину острова и оглядеться вокруг...

Говорят, Валаам – один из красивейших островов мира. Не знаю, не бывал на многих других островах. Но то, что Валаам красив, это факт. Да и нужны ли эти сравнения? Кстати говоря, монахи полагают, что земная, материальная красота острова является своеобразным отзвуком красоты неземной, духовной. Ибо, конечно, для православных людей Валаам немислим без его древней иноческой обители, которая на протяжении веков являлась духовным центром Православной Руси и по праву называлась Северным Афоном.

Сегодня в монастыре около двухсот монахов, половина из них живут на самом острове, а половина – на подворьях обители на материке – в Москве, Петербурге, Приозерске и Сортавале. Рядом с монахами на острове обитают и «гражданские лица» – поселок насчитывает несколько десятков человек. Половина из них проживает на территории монастырского комплекса – в квартирах, переоборудованных из бывших келий и хозяйственных помещений. Ордера на них жители получили от государства в конце 1940-х годов, сразу после того, как монахи ушли с Валаама в Финляндию, образовав там ныне действующий Ново-Валаамский монастырь. Тогда же на территории бывшего монастыря были открыты дом инвалидов – ветеранов Великой Отечественной войны, детский сад, школа и гостиница. Правда, сейчас тенденция такова, что, по-видимому, вскорости «штатских» на острове не останется и он целиком отойдет церкви. Во всяком случае, часть местных жителей, из песни о дивном острове слова не выкинешь, жалуются на то, что их разными способами вынуждают покинуть Валаам и перебраться на материк.

В заключение опять позволю себе процитировать Бориса Зайцева.

« – Ну, вот, – сказала я, – это наш прощальный выход. Доведется ли еще когда увидеть Валаам?

Жена вздохнула.

– Да, если бы увидеть...

По небу громоздились бело-синие облака, крупными, тяжелыми клубами. В некоторых частях они были почти грозны – не сверкнет ли оттуда молния? В других белые их пелены свивались таинственно. Отсвет их на крестцах овса, на еловом лесу был не без мрачного величия. Все это, конечно, необычайно русское. И как-то связано с нами, с нашими судьбами. Увидишь ли еще все это на родной земле или в последний раз, перед последним путешествием, дано взглянуть на облик Родины со стороны, из уголка чужого...

Этого мы не знаем. Но за все должны быть благодарны».

С Валаама мой путь лежал к Полярному кругу – на Соловецкие острова. Однако об этом уже в следующем номере «КВ».

Осоловеть!

август 2007

Куда бы вы направились, если бы вам посреди лета предложили поехать на острова? На Гавайи? На Канары? На Балеары? Последние – это где Ибица, которая то ли остров, то ли глагол. А может быть, на Сейшелы или на Мальдивы? Я предпочел отправиться на Соловки. Это в студеное Белом море, в ста с небольшим километрах от Полярного круга.

Была середина июля. Поздно вечером мы добрались до городка Кемь, что на берегу Белого моря. Погода шептала, что путешествие будет еще то. Градусов десять тепла. Густой, метрах в десяти уже ничего не видеть, туман. Мелкий дождь.

Я лег спать с надеждой на то, что к утру небо прояснеет и выглянет солнце, однако утром ничего не изменилось. Пассажиры рейсового пароходика «Василий Косяков», который курсирует между материком и Соловками, были одеты в шапки и теплые куртки. Переход до островов – даже не в молоке, а в сметане тумана – длился два с половиной часа. Недаром же в русском языке слово «солловый» означает «туманный».

Наконец наш пароходик ощупью добрался до причала. Я вышел на остров и опешил. Причал был выкрашен в... желто-голубые цвета государственного флага Украины. Не иначе, меня встречали. А впрочем, к моему приезду подготовился не только неизвестный маляр, но и сам... Господь Бог. Уже к полудню туман рассеялся и выглянуло солнце, а часам к трем дня установилась вполне крымская тридцатиградусная жара, так что домой я вернулся с облупившимся носом.

Стореть на Соловках куда оригинальнее, чем в Крыму. Ибо все-таки Соловки – это не курорт. Зря, что ли, острова использовали в качестве места ссылки еще с середины XVI века. Однажды на Соловках даже заточили гипотетического предка нынешнего президента Украины – последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского.

Не далее как в начале июля сего года Ющенко заявил российским журналистам, что в его генеалогическом древе не хватает всего каких-то двух поколений, чтобы выйти на Петра Калнышевского, однако наш президент не отчаивается и в ближайшее время непременно докажет, что является потомком последнего кошевого атамана запорожцев.

Петр Калнышевский был арестован при разгроме Сечи царскими войсками и по приказанию Потемкина сослан в Соловецкий монастырь «за вероломное буйство и разорение российских подданных». Последний кошевой атаман прожил на Соловках долгих 27 лет и скончался в 1803 году в возрасте 112 (!!!) лет. Калнышевского похоронили на монастырском кладбище. Мо-

гила его не сохранилась, однако во дворике лежит надгробная плита атамана, на коей высечена красноречивая надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Калнышевского, сосланного в сию обитель по Высочайшему повелению на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению был освобожден. Но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины». Рядом с надгробной плитой украинские патриоты установили в 2004 году памятник атаману.

Если за 350 лет существования на островах царской тюрьмы через нее прошло немногим более трехсот заключенных, то большевики всего за 16 лет, с 1923 по 1939 год, пропустили через Соловки десятки тысяч (!!!) человек, около 40 тысяч из которых остались лежать в соловецкой земле навсегда. Жертвами страшного СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения) стали политические заключенные – противники советской власти, бывшие царские офицеры, священники, интеллигенты. А еще один интеллигент, классик европейской и советской литературы Максим Горький, посетив лагерь со специальной «экскурсией», опубликовал затем в Москве гнусный очерк «Соловки», в котором воспел романтику лагерной жизни, превращающей закоренелых преступников и врагов советской власти в примерных строителей нового общества. Бог ему судья... Сегодня о СЛОНе на островах напоминают не только экскурсоводы и музейные экспозиции, но и лагерные бараки, во многих из которых, конечно, переоборудованных, и до сих пор живут люди.

Соловки всегда казались мне чем-то вроде края света. Уже на островах я понял, что так оно, в принципе, и есть. Во всяком случае, на майках, которые продают там туристам, среди других надписей, которые должны характеризовать Соловки, есть и эта – «край света». А с другой стороны, сегодня острова – это еще и туристический объект, пользующийся успехом не только у россиян, но и у иностранцев, хотя монахи и уверены, что Соловки – это не место отдыха, а место подвига.

Несмотря на развивающуюся туристическую индустрию, рядом с достопримечательностями мирового значения – а Соловецкие острова занесены в список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО – как уже говорилось, стоят покосившиеся черные лагерные деревянные бараки. Население Соловецкого поселка – около тысячи человек. Работают они либо в Соловецком музее-заповеднике, либо в монастыре, либо в государственных учреждениях – в поселковом совете, на почте, в магазинах. Летом, «по примеру крымчан», сдают квартиры туристам. Цены – ого-го! Если условия проживания хоть сколько-нибудь сносные, с вас попросят рублей 400 за койку в сутки – а это около 80 гривен.

Кто поразворотливее, занимаются более серьезным туристическим бизнесом. На островах несколько небольших частных гостиниц, магазины, сувенир-

ные лавочки, прокаты велосипедов. Незаменимый вид транспорта. Мы, например, каждый вечер брали велосипеды и отправлялись колесить по острову.

Главная достопримечательность островов – это, конечно, легендарный Соловецкий монастырь. Как гласит предание, святые Савватий и Герман высадились на Большом Соловецком острове в 1429 году. Их трудами на этих берегах и была заложена традиция духовного подвига. А вот материальным благосостоянием монастырь обязан другому подвижнику – Федору Колычеву. Бывший наставник малолетнего царя Ивана Грозного Федор Колычев пришел в монастырь в 1538 году, спасаясь от царского гнева. Вскоре он принял постриг под именем Филиппа, а десять лет спустя был избран игуменом обители. Стараниями святителя Филиппа на острове были воздвигнуты первые каменные храмы, в том числе главный храм обители – Спасо-Преображенский собор, обустроено монастырское хозяйство, проложены дороги, расчищены луга и пастбища, осушены болота, соединены каналами озера. Сейчас в монастыре хранится ковчег с частицей мощей святителя и... камень, который он клал под голову вместо подушки в своей пустынной келье. Примечательно, наверное, и то, что первым зданием, переданным Соловецкой администрацией Церкви для совершения богослужений в 1989 году, оказалась именно часовня святителя Филиппа, а в качестве земли под огороды была передана Филиппова пустынь. То есть, выходит, что святитель не оставляет обитель своим попечением и поныне.

Соловецкий кремль имел не только духовное, но и военное значение. Об этом до сих пор напоминают установленные в его бойницах пушки. В «военно-духовной истории» островов выделяется так называемое Соловецкое сидение. Восемь лет, с 1668 по 1676 год, соловецкие монахи противились переходу в «новую веру», насаждаемую на Руси царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Никоном, кстати говоря, бывшим соловецким монахом. В конце концов, взять монастырь царским войскам удалось только благодаря предательству монаха Феоктиста, указавшего слабо укрепленный лаз в кремль. Через него царские стрельцы ворвались в монастырь и перебили почти всех бывших там людей. В старообрядческих синодиках упоминается до 33 имен «страдальцев Соловецких». Погибшие в годы восстания сидельцы снискали огромную популярность у населения Русского Севера.

История Соловков связана не только с Украиной, но и с Крымом. Нет, никого из крымских ханов на острова, кажется, не ссылали. Просто Соловки имели отношение к Крымской войне, которая на самом деле была не столько Крымской, сколько Первой мировой. Во всяком случае, боевые действия в ходе той войны велись почти по всему миру.

Предвидя возможность нападения неприятельского флота на северные окраины России, Николай I объявил Архангельскую губернию, в состав которой входили Соловецкие острова, на военном положении. Патриотизма в обители было в избытке. Не хватало оружия. Имелось всего 20 пушек, отлитых еще во

времена Ивана Грозного, из которых в делогодились всего 2, а кроме того, 4 пицали, 2 мортиры, 20 самострелов, 40 шпага, 381 пика, 648 бердышей и один меч – голова супостата с плеч. В общем, все это представляло в середине XIX века скорее музейный, чем военный интерес.

И вот 6 июля 1854 года англо-французские пароходы «Бриск» и «Миранда» приблизились к Соловецкому монастырю. Англичане предъявили обителю ультиматум, в котором потребовали сдаться, однако он был отвергнут. Утром 7 июля началась бомбардировка монастыря. Она длилась более девяти часов. На монастырь сыпались многопудовые ядра, бомбы, гранаты и картечь, однако вражеские снаряды отскакивали от стен обители, не причиняя ей существенного вреда.

Монахи прибегли к духовному оружию. Было решено идти под пальбою в полном составе крестным ходом по стенам, вокруг всего монастыря. Двинулись, воспевая молитвы Богородице. В самом опасном месте, как раз напротив вражеских кораблей, архимандрит Александр, стоя на помосте, осенял народ крестом и чудотворной иконой Божией Матери. Отчаявшись сломить сопротивление защитников обители, англичане прекратили огонь. Ядро последнего вражеского выстрела пролетело насквозь соборной стены над западными воротами, поверх лика иконы Божией Матери «Знамение», благоволившей принять сию рану за обитель. После этого все прекратилось, а на другой день враги, устыдившись, удалились. Так что если царским стрельцам удалось-таки, в конце концов, взять Соловецкий кремль, то английские и французские моряки вынуждены были убраться с островов несолоно хлебавши из Белого моря. Архимандрит Александр рапортовал: «Враг вынужден был удалиться от нас без исполнения своего намерения. В монастыре убитых нет, раненых нет, повреждения – самые незначительные. Бомб и ядер по монастырю выпущено около 1800 штук».

В память о тех событиях во дворе монастыря и поныне стоит колокол-Благовестник, дарованный обителю императором Александром II, на котором можно прочесть всю историю обороны Соловецкой обители от неприятеля. А на берегу Кислой губы, где в июне 1855 года архимандрит Александр вел переговоры с англичанами, лежит знаменитый Переговорный камень.

С одной стороны Соловецкого кремля – Белое море, бухта Благополучия. А с другой – Святое озеро. В Белом море во время нашего пребывания на островах было, наверное, градусов 12. А в Святом озере – все 14-15. Туда я, перекрестившись, и бултыхнулся, последовав примеру местных жителей, паломников, туристов и... коров. Ибо когда еще представится шанс окунуться в Святом озере рядом со святыми стенами знаменитого Соловецкого кремля.

Кроме Святого озера, на Большом Соловецком острове еще несколько десятков озер, многие из которых соединены друг с другом каналами, которые прорыли во время оно монахи, создав таким образом удобную транспортную систему. Сейчас по этим озерам можно прокатиться на лодках во время

специальной экскурсии. Главное – не забыть о... хищниках. А единственный хищный зверь на Соловецких островах – это комар. И надо сказать, лучше бы там водились волки или тигры. Несколько лет назад, летом 2003 года, острова посетил принц Уэльский Чарльз. Посадил, по местному обычаю, сибирскую пихту на аллее в ботаническом саду и решил прогуляться до кремля – это несколько километров. Однако уже через несколько минут его высочество, не выдержав комариных атак, принужден был сдаться на милость победителей и вызвать машину. Увы, комары не отличают аристократической голубой крови британских принцев от обыкновенной красной крови крымчан – так что досталось от них и нам летом нынешнего, 2007 года.

Говорят, Соловки отличаются неким особым магнетизмом. Однажды приехав на острова, многие люди затем возвращаются туда снова и снова. Таких людей называют «осоловевшими». Мне, чтобы узнать, не «осоловел» ли и я, надо дожидаться следующего отпуска.

*«Крымское время». –
№84 (2470). – 02.08.2007. – С.21.*

На пупе Земли

август 2008

Мне было шесть или семь лет от роду, когда я отыскал у бабушки на этажерке книжечку о Троянской войне. «Ну и дура эта Елена!» – решил я и безоговорочно принял сторону ахейцев. Увы, жертвы «моей армии» в борьбе за эту дуру оказались слишком велики – до сих пор не могу простить ни Елене, ни олимпийским богам, ни троянцам гибель непобедимого Ахиллеса и могучего Аякса. Ахиллес и Патрокл, Агамемнон и Менелай, Одиссей и Диомед, Аякс Теламонид и Аякс Локрийский стали излюбленными персонажами моих детских игр, а где-то внутри поселилась мечта самому побывать когда-нибудь в тех местах, где жили эти легендарные герои. К тому же с каждым годом число моих знакомых греков увеличивалось. К Ахиллесу и Аяксу добавились Архимед и Пифагор, Платон и Сократ, Аристотель и Перикл, а еще – жена и тесть. И вот, наконец, три недели назад я взшел на борт небольшого пароходика, который отчалил от севастопольской пристани и, вверив себя воле Посейдона, взял курс на Константинополь – город, который, следуя пророчеству легендарного дельфийского оракула, основал в 667 году до Рождества Христова грек по имени Визант.

Византий. Второй Рим. Константинополь. Царьград. Наконец, Стамбул. Одиннадцать с половиной миллионов человек населения согласно официальным данным, а на самом деле – еще на несколько миллионов больше. Крупнейший город Европы. Когда он был столицей мира, в тех местах, где ныне расположились Лондон, Париж или Нью-Йорк, росли дикие дремучие леса.

В Стамбул нельзя прилетать на самолете или приезжать на автобусе, в Стамбул нужно входить на корабле или на пароходе – иначе вам никогда не почувствовать, почему его называют пупом Земли.

Я не знаю в мире ни одного другого города, который имел бы такое мощное географическое положение. Пароход идет по Босфору – между двумя континентами. В Константинополе–Стамбуле и вправду смешались сегодня в невообразимый цивилизационный коктейль христианство и ислам, Европа и Азия, Запад и Восток. Вот на правом, европейском, берегу крепость Румели, построенная в XV веке турецким султаном Мехмедом Завоевателем специально для того, чтобы отрезать Константинополь от зернохранилища, расположенного на берегу Черного моря. За пять с половиной веков, которые прошли со времени взятия Константинополя Мехмедом, греки так и не смогли смириться с потерей этого грандиозного города. Для них время как бы остановилось, для них нет никакого Стамбула, а есть только Константинополь. Отличное подтверж-

дение этому можно отыскать... в автобусном и железнодорожном расписании. Из Турции автобусы и поезда следуют по маршруту Стамбул – Афины, а из Греции по маршруту Афины – Константинополь.

Тут, немного отвлекшись, можно вспомнить о том, что Второй Рим был предметом мечтаний не только греков, но и русских. «Да, Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше... – грезил в XIX веке великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. – Да, он должен быть наш не с одной точки зрения знаменитого порта, пролива, «средоточия вселенной», «пупа земли», не с точки зрения давно признанной необходимости такому огромному великану как Россия выйти наконец из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов». По мысли Достоевского, Константинополь должен принадлежать России как покровительнице православия и православных народов. «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок, и остаться нашим навеки», – пророчествовал Достоевский.

Между прочим, однажды, в конце 1877 года, Константинополь почти стал нашим – русским. После того, как генерал Скобелев наголову разбил турок на отвесных уступах Шипки, город лежал у его ног. «Со дня на день ждали приказа двинуться и занять Царьград, – писал находившийся рядом со Скобелевым Немирович-Данченко. – Турки уже очищали там свои казармы для наших войск. Население готовило цветы и флаги, христиане поднимали головы... По велению султана готовились объявить столицей Оттоманской империи Бурсу, до такой степени никто, даже с турецкой стороны, не допускал и мысли, что мы можем отступить от Константинополя. Ночью по узким улицам Стамбула, низко опустив свои капюшоны, ходили патрули, потому что сама оттоманская власть хотела удержать народ от возможных при вступлении русских беспорядков с его стороны. Даже нашим врагам казалась дикой мысль остановиться у ворот столицы и не занять ее хотя на время...»

Однако российский император Александр II не воспользовался исторической возможностью и под давлением Европы велел русским войскам остановиться перед воротами Царьграда. «Какой это мир! – возмущался Скобелев. – Разве такого мы вправе были ждать?.. Я прямо предложил великому князю самовольно со своим отрядом занять Константинополь, а на другой день пусть меня предадут суду и расстреляют, лишь бы не отдавали его...» В общем, пуп земли так и остался у турок.

Если СССР пережил когда-то культ личности Сталина, то Турция все еще переживает культ личности Ататюрка. В одном Стамбуле можно насчитать десятки памятников первому президенту Турецкой республики. В переводе на русский язык Ататюрк означает «отец турок». Это почетное имя Гази Мустафа Кемаль-паша получил от турецкого парламента в ноябре 1934 года. И получил, надо сказать, не зря. Пытаясь модернизировать отсталую азиатскую Турцию, Ататюрк в двадцатые-тридцатые годы прошлого века провел в стране сразу це-

лый ряд важнейших реформ: упразднил султанат и провозгласил республику, отменил свод законов, основывающихся на шариате, и перешел на светскую систему государственного правления, принял новый турецкий алфавит, ввел международную систему времени, календаря и мер измерения, предоставил женщинам равные права с мужчинами и сделал многое-многое другое.

Сегодня Стамбул – самый европеизированный город Турции, город, через который Кемаль Ататюрк, подобно Петру Великому, прорубил окно в Европу – окно, которое, боюсь, вот-вот опять захлопнется. В последние годы Турция переживает новое «национальное возрождение», которое заключается в постепенном возвращении ислама и исламистов на ведущие позиции в политике, экономике и культуре. На последних парламентских выборах, которые прошли в 2007 году, правящая исламистская Партия справедливости и развития набрала 47% голосов избирателей. Премьер-министром Турции является лидер ПСР Реджеп Эрдоган, а президентом – кандидат от этой партии Абдулла Гюль. Исламизация Турции заметна не только в парламенте, но и на улицах. Даже в европеизированном Стамбуле с каждым годом становится все больше и больше женщин в хиджабах. В общем, инерция истории такова, что, похоже, ее не преодолеть даже таким сильным и властным людям, как Кемаль Ататюрк.

Кроме великой силы исторических традиций, среди причин постепенно исламизации страны – отказ Европейского Союза принять Турцию в свои процветающие ряды, в которые турки безуспешно пытаются встать вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Кстати говоря, в этом смысле пример Турции является показательным для Украины. Нас упорно уверяют в том, что вступление в НАТО – это естественный шаг на пути в Евросоюз. Между тем Турция является членом Североатлантического альянса с 1952 года, однако добиться членства в Европейском Союзе не в состоянии до сих пор. При этом, по данным ООН, по уровню жизни Турция находится на 84 месте в мире – это даже ниже украинского 76 места. А в некоторых восточных районах этой страны люди до сих пор живут в землянках. Так что, как видите, на самом деле связи между членством в НАТО и членством в Евросоюзе, равно как и между членством в НАТО и уровнем жизни, нет.

Турки были и остаются воинственным народом. Об этом свидетельствуют и история, и современность – возьмите хоть замороженный военный конфликт на Кипре, хоть необъявленную войну с курдскими сепаратистами внутри страны. А еще в Турции повсюду развеваются государственные флаги, что, по-видимому, должно воспитывать в гражданах чувство патриотизма и любви к родине. Примерно тем же целям призван служить и громадный, как уверяют сами турки, второй в мире по величине военный музей. Там, в десятках залов, представлена история турецкого и европейского оружия, и там же можно обнаружить ту самую знаменитую цепь, которой византийцы в 1453 году перекрыли турецким судам Мехмеда вход в Золотой Рог.

Если памятников Ататюрку в Стамбуле много, то Святая София – одна. Этот храм был построен полторы тысячи лет тому назад, при императоре Юстиниане, а его строительство поглотило три годовых дохода процветающей Византийской империи. «Соломон, я превзошел тебя!» – произнес, по преданию, Юстиниан, войдя в построенный собор. Более тысячи лет, вплоть до постройки в Риме собора святого Петра, Софийский собор в Константинополе оставался самым большим храмом в христианском мире.

Завоевав в XV веке город, Мехмед II велел превратить собор в мечеть, самолично сотворив молитву во славу Аллаха. В итоге мусульмане, не мудрствуя лукаво, просто пристроили к собору четыре минарета. Тем не менее слава христианских строителей не давала туркам покоя, пока они наконец не воздвигли напротив Святой Софии легендарную Голубую мечеть, призванную превзойти старый христианский храм величием и роскошью.

Если Голубая мечеть должна была превзойти превращенную в мечеть Святую Софию, то султанский дворец Топкапы должен был превзойти разрушенный дворец византийских императоров. Главный дворец Османской империи расположен в историческом центре Стамбула, на мысе стрелки Босфора и Золотого Рога, и занимает более 700 тысяч квадратных метров.

С установлением республики и Святая София, и Топкапы, по приказу Ататюрка, превратились в огромные музеи, которые ежедневно посещают тысячи туристов со всего мира. Если говорить о Топкапы, то число экспонатов, выставленных там для всеобщего обозрения, составляет сегодня около 65 тысяч единиц, а в запасниках хранится еще около полумиллиона. Ну а наибольшее впечатление на туристов обыкновенно производит сокровищница, в которой хранятся несметные богатства, накопленные турецкими султанами на протяжении пяти столетий.

Увы, я, в отличие от турецких султанов, в средствах был стеснен и, поглядев на их бриллианты и изумруды, отправился на берег Босфора, оккупированные ныне сотнями простых турецких рыбаков, чтобы перекусить дешевой жареной рыбой и начиненными рисом мидиями. А потом, утолив голод, направил свои стопы в сторону железнодорожного вокзала, откуда поезд должен был умчаться мимо легендарной Трои, находящейся ныне на турецкой территории, в Грецию.

«Крымское время».
№87 (2619). 14.08.2008.

На родине Великого Александра

август 2008

Поезд мчал меня к турецко-греческой границе, а в голове тем временем крутились обрывки из школьной программы по литературе: «Нет, я не Байрон, я другой...» «И чего этот стих ко мне привязался?» – подумал я и вспомнил, что лорд Байрон сложил голову в борьбе за независимость Греции от проклятой Османской империи. Впрочем, у меня таких «байронических» планов не было – слава Богу, Греция уже почти сто восемьдесят лет как сбросила с себя иго турок-мусульман. Я просто ехал навестить родственников, провести на Олимпе старика Зевса, посетить родину своего великого тезки Александра Македонского и побродить по руинам легендарных античных городов.

Чем дальше отъезжал от Стамбула поезд, тем страшнее становились пейзажи за окном. Турецкие деревни с то ли недостроенными, а то ли полуразрушенными домами утопали в горах мусора.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

В справедливости этой поговорки я еще раз убедился сразу после того, как пересек государственную границу между вышеозначенными сопредельными державами. Греческие деревеньки и городки выглядели не в пример чище и зажиточнее турецких.

Однако, с вашего позволения, я сначала задержусь на несколько абзацев на границе. С одной стороны, чтобы пройти пограничный и таможенный контроль, а с другой – именно тут самое время сказать несколько слов о многовековой вражде между турками и греками.

У греков очень длинный исторический счет к туркам, открывает который Константинополь. Турецкая оккупация Греции, начавшись со взятия этого города в 1453 году, продолжалась четыре столетия.

Свободу грекам принес не только упоминавшийся в начале этих заметок английский лорд Байрон, но и русские солдаты и офицеры, начиная с генерала Ипсиланти и продолжая многими-многими другими. А одной из самых ярких страниц борьбы за независимость Греции стало знаменитое наваринское сражение 20 октября 1827 года, во время которого соединенная эскадра русских, французов и англичан полностью уничтожила турецкий флот. В том бою флагман русской эскадры «Азов» уничтожил пять турецких кораблей, в том числе и фрегат командующего турецким флотом. Командовал «Азовом» капитан первого ранга Михаил Лазарев, а в экипаже корабля служили лейтенант Павел Нахимов, мичман Владимир Корнилов и гардемарин Владимир Истомина – будущие герои Синопа и Севастопольской обороны.

Вскоре после наваринского сражения Россия объявила Турции войну. Наши солдаты прорвались через цепь Балканских гор и оказались в шаге от Константинополя. Результатом этой войны стал заключенный в 1829 году Адрианопольский мир, по которому турки признали автономию Греции. А на следующий год Греция была наконец провозглашена независимым государством.

Немало конфликтов произошло между Турцией и Грецией и в XX веке. Самый острый из них – это оккупация турками Северного Кипра, на территории которого создана самопровозглашенная (примерно как находящиеся сегодня на слуху у всех Южная Осетия или Абхазия) Турецкая Республика Северного Кипра.

В последние годы Греция и Турция несколько раз были в шаге от начала боевых действий – то из-за споров о принадлежности маленького островка в Эгейском море, то из-за помощи, которую Греция якобы оказывала курдским сепаратистам. Отношения между этими странами – поучительный пример для наших НАТО-интеграторов. Ведь и Греция, и Турция являются членами НАТО, однако это не мешает им регулярно оказываться на грани войны.

Будем считать, что на этом пограничный и таможенный контроль завершились, и я наконец в Греции. Или, точнее, в Македонии. И тут, боюсь, мне опять не избежать исторического экскурса. Сегодня легендарная историческая область Македония поделена между тремя странами: так называемая Эгейская Македония входит в состав Греции, Пиринская Македония принадлежит Болгарии, ну и наконец, есть еще бывшая Югославская республика, которая так и называется – Республика Македония. В результате Греция, опасаясь территориальных споров, блокирует принятие югославской Македонии в НАТО, требуя, чтобы та официально именовалась не просто Македонией, а Бывшей Югославской Республикой Македонией – именно такое название этой страны используется сейчас по настоянию Греции в ООН.

Тем не менее сердце исторической Македонии – это именно Эгейская Македония. Подтверждением тому хотя бы тот факт, что мой тезка, Александр Македонский, родился в городе Пелла, который лежал километрах в сорока от столицы современной Македонии Салоник. Именно оттуда, из Пеллы, Александр Македонский начал свой легендарный поход на Персию, завершившийся покорением половины мира. Позже, после завоевания области римлянами, бывшая столица македонских царей оказалась заброшенной и пришла в упадок. Первые раскопки на месте античной Пеллы начались в 1914 году. На родине Александра Великого археологи нашли следы дворцового комплекса и крепости. При этом от крепостных стен остался только каменный фундамент, сами стены были выложены из сырцового кирпича, который с течением времени превратился в грязь.

Кроме потомков древних македонцев, в греческой Македонии ныне проживает и известное количество наших бывших соотечественников. После развала

СССР сюда переехало очень много понтийских греков, к числу которых принадлежит и моя родня по жениной линии.

Я не стану здесь описывать, как греки попали на территорию бывшего СССР, начиная с основания Херсонеса, Пантикапея и других греческих городов-колоний. Факт тот, что к моменту развала СССР в стране проживало около 350 тысяч понтийских греков. Около 100 тысяч из них – на Украине, в основном в Донецкой области, в районе Мариуполя, еще столько же в Грузии, свыше 80 тысяч – на Северном Кавказе, около 30 тысяч – в Казахстане и около 7 тысяч – в Армении. Однако после развала СССР греки стали постепенно уезжать на историческую родину, и сегодня на просторах бывшего единого и могучего осталось всего несколько десятков тысяч понтийцев.

Этому народу не позавидуешь. Геноцид в Османской империи, в результате которого погибло около одного миллиона человек, депортация в СССР, изгнание из постсоветской и якобы демократической Грузии.

Главный поток греков в Грузию, а именно оттуда родом мой тесть, был напрямую связан с уже упоминавшейся в этих заметках русско-турецкой войной 1828-29 годов. По Адрианопольскому мирному договору Россия переселила большое количество православных греков из Турции в Тифлисскую губернию. И при царе-батюшке, и при дедушке Ленине, и при остальных советских вождях большинство греков жили в Грузии на территории Цалкского района. Согласно официальным данным переписи населения за 1989 год, в 25 селах Цалкского района проживало 47.830 греков, которые составляли около 70 процентов населения этого района. А всего в Грузии, по данным той переписи, насчитывалось около 100 тысяч греков. Сегодня, при власти просвещенного европейца и демократа Саакашвили, их там осталось не больше двух тысяч. И те вот-вот унесут ноги. Конечно, если успеют...

Причины – бедность, безработица и агрессивная политика Грузии. Последние десять лет сопровождалась там десятками покушений, убийствами, грабежами и насильственным выселением греков из домов. В общем, понтийцы пришлось не ко двору в осознавшей свое национальное величие Грузии и стали перебираться на историческую родину.

Сначала им пришлось бежать из Турции в Грузию, а потом из Грузии в Грецию. Так, возвращением на историческую родину, вроде бы завершился круг блужданий. Все, что удалось сохранить понтийским грекам во время этой одиссеи, – православная вера. Родной язык был утерян когда-то давно – под турецким игом, – и его пришлось учить заново. А дома остались грузинам, аджарцам и сванам. В то же время понтийские греки привезли в современную европейскую Грецию традиционные кавказские ценности – нет, не золото и не грузинские лари, а культ семьи, чувство локтя и взаимовыручки. И именно эти качества, похоже, во многом и позволили им найти себя на старой новой родине.

Они выучили греческий язык, стали своими в Греции, но не забыли и о России, спасшей их когда-то от турецкого геноцида. Дома большинство понтийцев

по-прежнему говорят по-русски, смотрят почти исключительно российское телевидение и считают Россию своей то ли второй, а то ли третьей родиной – тут мне уже трудно разобраться.

В Македонии я был в основном в небольших городках и деревнях, в которых осели «русские греки». Многие из этих населенных пунктов и на карте-то не отыскать, однако там мне понравилось, пожалуй, даже больше, чем в супермегаполисах Константинополе или Афинах. Горы, чистые аккуратные домики с коричневыми черепичными крышами, узкие, выющиеся между домами улочки, маленькие торговые лавки и неторопливый размеренный стиль жизни...

Нет, я вовсе не хочу сказать, будто это идиллия. Совсем нет. В этом мире уже давно не осталось ни одного идиллического места, даже если это места на знаменитых греческих островах, которых у этой страны больше двух тысяч – от таких крупных, как Крит или Эвбея, до совсем крошечных.

Я побывал только на одном из этих почти бесчисленных островов. Остров Тасос лежит в северной части Эгейского моря в пятнадцати километрах от Кавалы – четвертого по величине города Греции. Полтора часа на пароме, и вы на острове, главное занятие жителей которого – обслуживание пляжников, съезжающих туда в сезон со всей Европы, да и из более дальних краев. Именно там, на Тасосе, я в первый раз в жизни погрузился в воды соленого (гораздо более соленого, чем наше Черное) Эгейского моря.

После посещения Тасоса мой путь лежал на юг – вглубь Греции. На границе между Македонией и Фессалией находится штаб-квартира Зевса – Олимп. Туда, на заоблачную высоту 2917 метров (очень легко запомнить – на тысячу метров выше Великой Октябрьской социалистической революции), я собирался совершить небольшое восхождение – в принципе, тропа позволяет взобраться к богам любому физически крепкому человеку без альпинистских навыков и специального снаряжения. Однако, увы, сбиться этим замыслом было не суждено. Ну что ж, даст Бог, загляну к старику в следующий раз. А пока мне пришлось довольствоваться видом на Олимп из окна рейсового автобуса, увозившего меня к Метеорам – одной из самых поразительных святынь православного мира.

«Крымское время».
№ 90 (2622). 21.08.2008.

Святые метеоры, или Между небом и землей

август 2008

За автобусным окном высилась, пожалуй, самая известная гора в мире. Нет, не Эверест, не Фудзияма, не Килиманджаро и даже не Говерла. За автобусным окном высился Олимп. 2917 метров над уровнем моря.

Есть горы выше, но нет горы известнее. Где-то там, наверху, прятались от полчищ туристов Зевс с Афродитой, а я ехал вглубь Греции – к одной из самых поразительных православных святынь мира – Метеорам.

Да, Греция знаменита не только пантеоном кутящих день и ночь на Олимпе легендарных языческих богов во главе с Зевсом, но и всемирно известными православными святынями – Афоном и Метеорами.

Конечно, я хотел побывать и на Афоне, но с женой это было невозможно – женская нога не ступала на Святую гору вот уже на протяжении многих столетий. Так что мой выбор пал на Метеоры. Кстати говоря, в древности женщинам был запрещен доступ и в эту горную православную страну, однако после того, как в годы турецкого ига именно усилиями женщин – жительниц близлежащих деревень – были спасены от поругания многие православные святыни, этот запрет был снят.

Мы вышли из автобуса в Каламбаке – небольшом городке, лежащем у самого подножия Метеоров. Там, на остановке, нас, как туристов, уже поджидал старик на мопеде в грязных, вытянутых на коленях спортивных штанах – у нас в СССР в таких ходили лет тридцать тому назад. Однако на поверку греческий старикан оказался вовсе не местным бомжом, а хозяином нескольких недорогих, но вполне божеских отелей.

Мы бросили вещи в номере и отправились прогуляться по Каламбаке. Благодаря Метеорам этот городок превратился в международный туристический центр. Кажется, что отелей и кемпингов в Каламбаке больше, чем жилых домов, а сувенирных лавочек больше, чем продуктовых магазинов.

Пока туристы выбирают, что бы купить себе на память о здешних местах, аборигены не торопясь потягивают в многочисленных уличных забегаловках одно из двух: или рецину, или узо. Рецина – это недорогое местное белое сухое вино с легким ароматом смолы. А узо – сорокаградусная анисовая настойка, которую большинство греков предпочитают употреблять внутрь, смешав предварительно с водой. От этого узо становится белым и немного напоминает по цвету молоко. Метакса же, которую у нас считают самым известным греческим алкогольным напитком, – это, по-видимому, понты для приезжих.

Пригубив и рецины, и узо, я могу заявить с полной ответственностью: это не напитки богов. Во всяком случае, будь я на месте Зевса, предпочел бы им что-нибудь поблагодарнее. Ну хотя бы крымское шампанское.

Глотнув сорокаградусного узо, я поднял голову и осмотрелся вокруг. Сверху на меня грозились рухнуть нависающие над городком грандиозные отвесные скалы, которые сами по себе представляют редкостное по красоте явление. Однако будь Метеоры только чудом природы, я бы, пожалуй, не ехал туда за тридевять земель. Нет, их главная достопримечательность – это прилепившиеся на вершинах отвесных, высотой в несколько сот метров скал-столбов старинные православные монастыри. Я всегда поражался тому, куда умудрялись забраться православные христиане в поисках спасения, какие удивительные, отдаленные, труднодоступные и одновременно поразительно красивые места выбирали они для своего духовного подвига. Соловки или Валаам у нас в России, Афон или Метеоры – в Греции...

По преданию, христианские подвижники поднялись на неприступные, отрезанные от мира вершины в XI веке, а самым-самым первым здешним отшельником был некий Варнава. Ну а начало монастырскому строительству на скалах положил три века спустя святой Афанасий Метеорский. Он приехал в эти места со Святой Горы с целью создать здесь монастырь по образу и подобию афонских.

Святой Афанасий собрал монахов из близлежащей округи и поднялся на «Платис Литос» (широкий камень) – гигантскую скалу высотой в 613 метров над уровнем моря, чтобы заложить первые здания знаменитого монастыря «Великий Метеор». Выбранное им место подходило для этой цели еще и потому, что расположенная на вершине неприступной скалы обитель могла чувствовать себя в полной безопасности от нападений турок, которые как раз с этого времени начали постепенно покорять Грецию. Еще бы: попасть в монастырь можно было только по длинной веревочной лестнице, которую монахи убрали при малейшей угрозе. Расцвет горной монашеской страны приходится на XVI век. В те годы в Метеорах было 24 действующих монастыря, из которых сейчас осталось шесть. Остальные либо превратились в руины, либо исчезли.

Сегодня в Метеоры ежедневно приезжают десятки туристических автобусов со всей Греции, однако монастыри продолжают действовать, а монахи вести свой, отдельный, обособленный от туристов образ жизни. Автобусы привозят туристов к самой большой обители – уже упоминавшемуся немного выше «Великому Метеору», или монастырю Преображения Господня. Согласно преданию, именно этот монастырь Афанасий и назвал Метеором, что в переводе с древнегреческого означает «висящий в воздухе, между небом и землей». Я добавлю: висящий между небом и землей не только буквальном, но и в духовном смысле – в поисках спасения монахи как бы стремились забраться поближе к Богу. Кстати говоря, когда в Метеорах облачно, там можно стать

свидетелем незабываемого зрелища: облака висят ниже скальных вершин, и создается ощущение, будто монастыри парят над землей.

Рядом с «Великим Метеором», через пропасть шириной в несколько десятков метров, на соседней скале, стоит монастырь Варлаама, первым обитателем которого, по преданию, был аскет-отшельник Варлаам, живший в XIV веке. Кроме того, сегодня в Метеорах действуют монастырь Святой Троицы, монастырь Русану, или святой Варвары, монастырь Святого Стефана и монастырь Святого Николая Анапавсаса.

Как могли монахи-отшельники построить здесь, в этих почти неприступных, особенно по тем временам, местах свои монастыри? Я думаю, так же, как они это сделали на Афоне или у нас в России, на Соловках – трудами и молитвами.

Еще сто с небольшим лет тому назад монахи и паломники могли попасть в здешние монастыри только по подвесной веревочной лестнице или в специальных плетеных сетках, которые вручную поднимали наверх монахи. Один русский религиозный деятель, посетивший Метеоры в конце XIX века, так описывал свое путешествие в этой сетке: то был «мучительный подъем, канат постоянно раскачивался в разные стороны, и я вместе с ним, пока наконец-то не оказался наверху». Но и тогда его испытания не закончились, потому что «меня уронили, когда тянули к деревянной платформе, и я оказался прямо над бездной. Я в ужасе закрыл глаза и чуть было не потерял сознание». Таким же образом на вершину скал поднимались все строительные материалы для возведения монастырских строений, а также продукты питания. И только в 1922 году, для более безопасного подъема, в скалах прорубили ступени. Однако знаменитая сетка, ставшая символом Метеоров, используется и до сих пор – для подъема провизии, строительных материалов и других необходимых вещей.

Как уже говорилось, сегодня эти обитатели, оставаясь действующими православными монастырями, привлекают к себе тысячи туристов из самых разных стран. В связи с этим многие говорят, что Метеоры перестают быть духовным прибежищем и превращаются скорее в крупный туристический объект, молодые монахи и монахини уже не хотят селиться в здешних монастырях, да и старшее поколение покидает их, чтобы найти уединение где-нибудь в другом месте. Однако я уверен, что это не так. Да, наверное, современной братии и правда не очень легко подвизаться в таких условиях, зато туристы из самых разных стран, в том числе таких далеких, как США, Япония, Корея или Китай, могут своими глазами увидеть настоящие православные чудеса, могут прикоснуться к уникальной православной культуре, могут почувствовать душу православия. Посещая действующие монастыри, мы, миряне, получаем видимое свидетельство о Христе, и, наверное, поэтому Господь и попускает, чтобы по священной земле проходили шумные туристические толпы.

Уникальность Метеоров признал не только православный мир, не только туристы со всего мира, но и ЮНЕСКО – в 1988 году Метеоры были включены

в Список объектов Всемирного культурного наследия. «Начиная с XI века на вершинах этих практически неприступных песчаниковых останцов монахи устраивали скиты и строили монастыри. 24 монастыря из числа построенных были сооружены здесь, несмотря на огромные трудности в период возрождения идеалов монашества XV века. Росписи, датируемые XVI веком, знаменуют собой важный этап в развитии поствизантийской живописи», – гласит заключение экспертов ЮНЕСКО.

Таких уникальных, внесенных в список ЮНЕСКО объектов в Греции десятки, и большинство из них сосредоточены в Афинах и на Пелопоннесе – в сердце античной Греции, куда и направился я прямым из Метеоров.

«Крымское время».
№92 (2624). – 28.08.2008.

Афины – город контрастов, или На руинах демократии

сентябрь 2008

Итак, мой путь лежал на родину демократии. Нет-нет, не в Америку. Демократическую систему управления государством придумали не в Вашингтоне, как, возможно, полагают Джордж Буш, Кондолиза Райс или Джон Маккейн, а в Афинах. Изобретателем демократии считается старина Перикл, при власти которого самый знаменитый город Греции пережил свой золотой век. И было это две с половиной тысячи лет тому назад.

Что делает первым делом любой турист, прибыв в Афины? Ну конечно же, карабкается на Парфенон (кстати говоря, тоже возведенный при власти Перикла), чтобы посмотреть на это чудо древнегреческой цивилизации. Или точнее, чтобы посмотреть на то, что осталось от этого чуда древнегреческой цивилизации после того, как просвещенный английский лорд Томас Эдджин в начале XIX века вывез из Парфенона все, что можно было вывезти.

Я не стал исключением из этого общего правила и с утра пораньше полез на акрополь. Вне всяких сомнений, это самое посещаемое место в Афинах, да и во всей Греции. Языки: английский, немецкий, французский, русский, японский – смешиваются здесь похлеще, чем на Вавилонской башне. И, кажется, лишь украинского не слышать. Во всяком случае, взобравшись на гору, я, в порядке эксперимента, вскричал на чистейшем украинском языке: «Де ви, мої співвітчизники?» Але ніхто не відгукнувся...

Одна моя знакомая как-то сказала, что Парфенон – это всего лишь груда камней. Так вот, она ошиблась. Даже если следовать ее нехитрой логике, Парфенон – это не столько груда камней, сколько груда денег. Ежедневно этот памятник посещают тысячи туристов, и каждый из них платит за вход 12 евро. Дальше считайте сами.

А впрочем, на самом деле Перикл со своим приятелем, величайшим скульптором античности Фидием, построили Парфенон вовсе не для того, чтобы разбогатеть, взимая деньги с туристов, а для того, чтобы умиловить покровительницу города – богиню Афины. Однако несколько сот лет спустя афиняне окончательно отвернулись от языческой богини и, уверовав в Иисуса Христа, превратили Парфенон в христианский храм. Еще дальше пошли турки: завоевав Афины, они умудрились пристроить к античному храму минарет и устроить в Парфеноне мечеть.

Наконец, в 1867 году, во время осады Афин венецианцами, в храме устроили... пороховой склад, который и рванул, навсегда превратив Парфенон в руи-

ны. После войны ремонтировать здание не стали. Хуже того, местные жители начали растаскивать мраморные блоки и жечь их на известь (между прочим, подобная участь постигла не только афинский Парфенон, но и римский Колизей).

Но и на этом напасти для Парфенона не закончились. В 1802-1812 годах британский лорд Томас Брюс Элджин, будучи послом Великобритании в Османской империи, получил у султана разрешение и вывез с Парфенона все, что можно было вывезти. Большая часть скульптур оказалась в итоге в Британском музее, некоторые достались Лувру или Копенгагену. А в самих Афинах от Парфенона остались, в сущности, одни руины.

В 1975 году начались работы по реконструкции Парфенона, которые финансирует Европейский Союз. Ученые и строители, насколько это в их силах, пытаются уменьшить повреждения, полученные храмом во время взрыва. Планируется полностью восстановить колоннаду. При этом недостающие блоки мрамора доставляют из тех же каменоломен, что и в античности. Кроме того, греки хотят вернуть в Афины все сохранившиеся элементы храма для установки их в новом музее акрополя. В двух случаях этого уже удалось достичь: Гейдельбергский университет (Германия) и музей Гетти (США) передали свои экспонаты в Грецию. А вот с англичанами договориться никак не удастся. Переговоры о возвращении в Афины сокровищ, награбленных лордом Элджином, безуспешно идут начиная с 1983 года.

Тем не менее, несмотря на все эти несчастья, несмотря на разграбление, наконец, несмотря на толпы туристов, которые с утра до вечера осаждают Парфенон, этот храм все равно производит неизгладимое впечатление, секрет которого, наверное, кроется в поразительном архитектурном мастерстве Фидия и его помощников. Как утверждают ученые, Парфенон был построен так, чтобы исправить некоторые погрешности человеческого зрения. Скажем, хотя храм кажется идеально прямолинейным, на самом деле в его контурах нет почти ни одной строго прямой линии: стилобат имеет небольшое повышение к центру, так как иначе издали казалось бы, что пол прогибается. Угловые колонны наклонены к середине, а две средние – к углам. Это было сделано, чтобы показать их прямыми. Угловые колонны в диаметре несколько толще других, так как в противном случае они казались бы тоньше. И так далее.

Подъем к Парфенону и спуск вниз, особенно в разгар лета, занятие утомительное. Поэтому после осмотра храма энтузиазм большинства туристов падает, и на других античных достопримечательностях Афин посетителей уже значительно меньше. А между тем в этом городе есть на что посмотреть и без Парфенона, причем большинство главных достопримечательностей греческой столицы расположено в центре и их, даже в сильную летнюю жару, можно легко обойти пешком – нужно лишь запастись питьевой водой, дабы не умереть от жажды. Сейчас эту проблему легко решить, купив в любом ларьке полуторалитровую бутылку воды за евро. А вот раньше было куда хуже. И

виновата в нехватке в городе H₂O... Афина. Согласно легенде, первый царь города Кекроп должен был решить, кто станет покровителем будущей греческой столицы – Посейдон или Афина. Причем каждый из богов предлагал за такую честь подарок. Первым ударил своим трезубцем перед царем Посейдон, и из земли забил источник. А после удара Афины из земли выросло маленькое оливковое дерево. Царю больше понравился подарок Афины, и город взял имя этой богини, вот только оливками, которые тут действительно на каждом шагу, жажды не утолишь.

Прогулки пешком – это действительно лучший способ вобрать в себя атмосферу Афин. Побродить по античной Агоре, по руинам огромного, больше Парфенона, храма Зевса, порыться в одной из бесчисленных сувенирных лавочек, а потом посидеть в каком-нибудь уличном кафе за стаканом фраппе – холодного кофе, который является у греков самым популярным безалкогольным напитком. И, отдохнув, подняться по улице Эрму (эдакий афинский гибрид Арбата и Тверской или, выражаясь симферопольским языком, эдакий афинский «Пушкарь») к площади Синтагма – центру нынешних Афин. Там можно поглазеть на потешных греческих солдат в старинном национальном военном наряде, которые охраняют цитадель уже современной афинской демократии – здание греческого парламента, а потом отправиться гулять по Национальному саду. А еще можно посетить какой-нибудь из многочисленных афинских музеев, «главный» из которых – Национальный археологический музей, где уже через час-полтора ты окончательно запутываешься в бесконечном количестве статуй, амфор, чаш и прочих бесценных исторических экспонатов.

Афины – это мегаполис, и ему присущи пороки всех мегаполисов мира. Там слишком дорого, слишком грязно и слишком много людей, жалуются греки и... отправляются жить и работать в Афины. Сегодня население греческой столицы составляет четыре (а по некоторым оценкам и все пять) миллионов человек, а это около трети населения всей страны.

Очень сильно способствовали развитию Афин Олимпийские игры 2004 года: были построены новые станции метро, новые дороги, новые отели, новые стадионы, новый аэропорт, появились новые поезда и новые автобусы, были отремонтированы и отреставрированы музеи. Но все равно Афины, как и любой мегаполис, это город контрастов.

Помните «Бриллиантовую руку»?

– Тема лекции – «Нью-Йорк – город контрастов».

– Но я не был в Нью-Йорке.

– А где вы были?

– В Стамбуле, Марселе...

– Пожалуйста, «Стамбул – город контрастов». Какая разница? Объявление перепишем.

Чтобы убедиться в том, что Афины – город контрастов, достаточно просто свернуть с больших магистральных улиц. Я сделал это дважды. Один раз я

свернул на улицу Менандра, а другой раз – на улицу Софокла. Зрелище, я вам доложу, еще то. У нас на Петровской балке такого не увидишь. В десяти минутах медленным шагом от парламента, на тротуарах и прямо посреди замусоренной и заплыванной мостовой тусовались десятки безработных негров и азиатов. Кто-то прямо с мостовой торговал каким-то хламом. Кто-то, явно обдолбанный наркотиками, лежал на тротуаре в огромной картонной коробке. Кто-то, почти не прячась, продавал наркотики клиентам. А в нескольких десятках метров, у пересечения Менандра и Софокла с «приличными» улицами, стояли полицейские, присматривая, как бы чего не вышло.

Увы, мое путешествие подходило к концу. Для выполнения задачи-минимум оставалось съездить на Пелопоннес – в сердце античной Греции. Ни до Спарты, ни до Олимпии, ни до Микен я на этот раз добраться не сумел, ограничившись одним Коринфом. Некогда этот город, занимающий стратегическое положение на перешейке между Средней Грецией и Пелопоннесом, был одним из самых мощных античных государств. Сегодня же на том месте остались одни руины да музей, а немного в стороне, в нескольких километрах, вырос небольшой современный городок – Новый Коринф. Там я погрузил свое брэнное тело в воды Коринфского залива и отправился назад в Афины, а оттуда еще дальше – в Стамбул и на Украину...

Первое, что попало мне на глаза в самолете Стамбул – Одесса, это газета с большой цветной фотографией нашего не совсем демократически избранного президента на первой полосе. Виктор Андреевич Ющенко стоял по колено в воде, глубоко задумавшись о судьбах нашей несчастной затопленной родины. И я, честно говоря, расхохотался. Однако потом мне стало не до смеха. Потом в одесском аэропорту мне разбили багаж. Потом в железнодорожных кассах не оказалось билетов до Симферополя. Потом я, скрючившись в три погибели, трясся всю ночь в автобусе до Симферополя. А потом я пришел в редакцию и сел писать для вас эти немудреные заметки.

«Крымское время».
№ 95 (2627). 04.09.2008.

Ход троянским конем

июль 2009

Мне было лет шесть или семь от роду, когда я нашел у бабушки на этажерке книжку о Троянской войне. После этого мои детские игры в войну приобрели оттенок некоторого вольнодумства. Плохо это или хорошо, но Ахиллес, Одиссей, Аякс и Диомед затмили собой Щорса, Котовского, Матросова и Гастелло. И я сражался уже не столько за красных против белых и не столько за наших против немцев, сколько за данайцев против троянцев. Не знаю почему, но Приам, Гектор, Парис и вся их илионская компания не вызывали у меня симпатии.

Тогда, в глухие советские годы, мне казалось, что Троя находится где-то в тридевяти царстве, тридесятом государстве. Потом я узнал, что этот город стоит на территории современной Турции, недалеко от знаменитого Геллеспонта (он же – Дарданеллы), и решил, что когда-нибудь непременно побываю в тех местах, чтобы увидеть их своими глазами.

Сбылась мечта идиота

Автобус вез меня из Стамбула в Чанаккале – город, раскинувшийся на азиатском берегу Дарданелл. Семь часов вдоль Мраморного моря. По пути – Галлиполийский полуостров. Скорбное место для русской истории. В 1920-1921 годах здесь разместились эвакуированные из Крыма врангелевцы. А в прошлом году в городе Гелиболу был открыт мемориал русским воинам-белогвардейцам. На вершине кургана пирамидальной формы установлен крест. Надпись на памятнике гласит: «Первый корпус Русской армии – своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920-1921 годах». Да, у них была своя война, и, наверное, похлеще Троянской.

Однако я немного отвлекся. Прошу прощения и возвращаюсь от русской истории к греческой. Решающий бросок с одного берега Дарданелл на другой, из Европы в Азию, я совершаю на пароме. Смотрю на пролив и вспоминаю легенду о Леандре и Геро. Леандр полюбил Геро, жившую на другом берегу Геллеспонта. Каждую ночь Геро ждала, когда он переплывет пролив, и, чтобы ему было светлее, зажигала огонь на башне. Леандр плыл на маяк и добирался до берега. Однажды огонь погас, и Леандр утонул в темном море. Утром его тело прибило к ногам Геро. Увидев его, она в отчаянии бросилась с башни в морскую пучину.

Не в сказке, а в жизни подвиг Леандра повторил лорд Байрон. Весной 1809 года он по пути в Константинополь переплыл Дарданеллы, чем очень любил впоследствии похвастаться. Честно говоря, «хоть я не Байрон, а другой», но при случае тоже рискнул бы махнуть через пролив. Ширина Дарданелл в узких местах – всего около полутора километров, так что, в принципе, переплыть их не

так уж и сложно. Но на этот раз компания у меня для такой затеи подобралась не самая подходящая – жена с тринадцатилетним сыном. Так что, пожалуй, как-нибудь в следующий раз.

За этими мыслями паром приблизился к Азии, и на набережной Чанаккале стал отчетливо виден огромный троянский конь, хорошо знакомый миллионам людей не столько по поэме Гомера, сколько по перевраженному «Илиаду» американскому блокбастеру «Троя».

Брэд Питт – Ахиллес, Шон Бин – Одиссей, Брайан Кокс – Агамемнон, а Орландо Блум – Парис.

Держите меня крепче.

И главное – что они в этом фильме вытворяют.

В «оригинале» Елена выходит замуж за Менелая по любви, а в фильме ее выдают за царя Спарты против воли. В «оригинале» Менелай после войны увозит с собой Елену, а Парис гибнет, а в фильме Гектор убивает Менелая, а Парис остается с Еленой. В «оригинале» Агамемнон возвращается в Микены, где его убивает жена, а в фильме микенского царя убивает наложница Бризеида при разграблении Трои.

И так далее и тому подобное.

Ну а об олимпийских богах, которые, согласно «оригиналу», принимали важнейшее участие в Троянской войне, в фильме вообще ни слова, да поразит режиссера, сценариста и продюсера Зевс Громовержец. Впрочем, не знаю, как кто, а я лично ничего другого от всей этой голливудской шайки и не ждал.

После съемок фильма голливудского троянского коня установили на набережной Чанаккале, и он стал главной достопримечательностью города. Туристы теперь ходят по набережной, тычут пальцем в этого деревянного монстра и восклицают...

Что бы вы думали?

«Там сидел сам...»

Нет, не Одиссей.

«Там сидел сам Брэд Питт!!!»

Настоящая Троя

Меня, однако, Брэд Питт не интересовал, поэтому я переночевал в недорогом, но вполне комфортабельном хостеле и на следующее утро отправился на поиски настоящей, а не кинематографической Трои.

Настоящая Троя расположена в тридцати километрах от Чанаккале и добираться до нее лучше всего на местном, замотанном изолентой, абсолютно нетуристическом автобусе, живо напомнившем мне автобусы, колесившие когда-то между глухими советскими селами.

Полчаса пути, и мы в Трое.

Это здесь великий дилетант Генрих Шлиман утер нос профессиональным археологам. Он нашел Трою, руководствуясь «Илиадой» Гомера как путеводи-

телем!!! Его потом обвиняли в том, что он вел раскопки варварскими методами, в том, что он неуч и непрофессионал, но он сделал это. Он открыл Трою во второй раз. Первый раз это сделал для нас Гомер около трех тысяч лет назад. Второй раз – Шлиман в 60-е годы XIX века.

Тем не менее, многие местные жители и до сих пор не подозревают ни о «роли этого древнего города в истории», ни даже о самом его существовании. Да и туристов в Трое тоже совсем немного. Одновременно по руинам бродит, ну, может быть, десятка два посетителей, половину из которых составляют заповонившие, по-моему, весь туристический мир японцы. Ни с Акрополем, ни с Дельфами, ни даже с нашим родным Херсонесом не сравнить. И это здорово, потому что, например, на Акрополе, который похож на огромный человеческий муравейник, очень трудно сосредоточиться и понять, где ты находишься...

У самого входа в Трою красуется огромный деревянный конь, установленный здесь в 1975 году и чем-то смахивающий на увеличенного в десятки раз коня с наших детских площадок. Конечно, если бы данайцы на самом деле соорудили такого деревянного коня, который стоит здесь, троянцы ни за что не внесли бы его в город. Но дело, как вы понимаете, не в этом.

Вообще, для тех, для кого Троя – пустой звук, этот деревянный конь – главная достопримечательность. Судя по интернет-отзывам, большинство туристов, которые побывали в Трое в последнее время, ожидали найти там... декорации к голливудскому блокбастеру и в результате были страшно разочарованы увиденным. «Стоило ли ехать в такую даль, чтобы посмотреть на то, что можно увидеть и где-нибудь поближе – да хотя бы в том же Херсонесе?» – вопрошают они в огорчении и лезут в детсадовское чрево бутафорского деревянного коня.

Между тем Троя – это, конечно, не два новодельных коня – один турецкий, а другой американский. И не дорогой голливудский блокбастер. Не руины, оставшиеся сегодня на месте некогда могучего древнего города. И даже не невозмутимый старик турок, который пасет коз у подножия древнего Илиона.

Троя...

Трудно объяснить, что это такое.

Я бы, пожалуй, сказал, что Троя – это один из краеугольных камней, на которых стоит наш с вами мир, что разрушь настоящую, не бутафорскую, не голливудскую Трою, и этот мир рухнет в тартарары, потому что разом лишится всей европейской истории и культуры. Но не хочу и не стану топить вас в этом потоке громких фраз, а отправлюсь вместо этого дальше. К подножию Олимпа. Туда, откуда боги управляли событиями Троянской войны.

«Крымское время».

№ 78 (2755). 23.07.2009.

«Крымское время» на Олимпе

июль 2009

«Крымское время» стало первой крымской, а может быть, и первой украинской газетой, которую читают на Олимпе. Да-да, на самом настоящем Олимпе. С некоторых пор Зевс, Гера, Афродита, Аполлон, Афина и остальные боги собираются по вечерам в кружок, достают из почтового ящика на вершине горы «КВ» и принимаются за увлекательное чтение.

Постоянные читатели «КВ» уже знают о том, что на Олимп я отправился прямым из легендарной Трои. Вернувшись из разрушенного данайцами древнего города в Чанаккале, мы с женой и сыном схватили в хостеле наши рюкзаки и отправились на пароме назад в Европу. Минут через пятнадцать троянский конь, в чреве которого несколько лет назад сидел сам Брэд Питт, растворился в дымке азиатского берега Дарданелл.

Главное достоинство затрапезного турецкого городишка Кешана заключается в том, что он лежит на дороге из Турции в Грецию. Одна беда: турки-продавцы билетов не говорили в этом городишке ни по-английски, ни тем более по-русски или по-украински, а мы, как на грех, ни бельмеса не смыслим в турецком. Поэтому втолковывать, куда именно мы хотим отправиться, пришлось, тыча пальцем то в висок, то в карту на рекламном проспекте автобусной компании. Ситуация усугублялась тем, что у турок для приграничных греческих городов есть свои названия. Ну вот, к примеру, у греков Ксанти, у турок – Эскечи, и т.д., и т.п.

- Ксанти, – втолковывал я турку.
- Ноу Ксанти, Эскечи, – отвечал он мне.
- Ноу Эскечи, Ксанти, – настаивал я.

...Греческий пограничник подозрительно повертел в руках мой украинский паспорт и на очень ломаном английском языке поинтересовался, не собираюсь ли я устроиться в Греции на работу, отобрав таким образом кусок сыра с оливками у местного населения. Ну что вы, ответил я ему, у меня есть замечательная, необыкновенно высоко оплачиваемая работа на Украине, а к вам, в Грецию, я приехал исключительно для того, чтобы взобраться на Олимп и дернуть там вместе с богами немного местной амброзии. На том и договорились.

И вот я в Литохоро – туристическом греческом городке, лежащем у самого подножия Олимпа. Однако восхождение надо начинать не отсюда, а из Приони – небольшой базы на высоте 1100 метров над уровнем моря, представляющей собой парковку и кафе.

Из Литохоро в Приони ведет крутой асфальтовый серпантин. Минут двадцать пять – тридцать на такси, и мы на старте нашего восхождения. Прямо над голова-

ми – Олимп, на вершинах которого, несмотря на разгар лета, по-прежнему кое-где лежит снег.

Времени – часов около четырех после полудня.

Инструкция на деревянной избушке перед шлагбаумом гласила, что нам предстоит преодолеть подъем продолжительностью в два с половиной часа до горного приюта «А», расположенного на высоте 2100 метров – это уже выше и Роман-Кош в Крыму, и Говерлы в Карпатах.

На протяжении первого часа пути нам то и дело встречались спускающиеся с Олимпа туристы. Последний из них пытался что-то втолковать нам по-гречески, многозначительно показывая пальцем на небо. Там сгушались сизые тучи, и начинал накрапывать дождик. Еще через полчаса дождик превратился в ливень, началась гроза, а на горы опустился туман. Зевс рвал листья деревьев и метал молнии, определенно не желая делить с нами свою божественную амброзию. По нашим расчетам, мы в это время находились аккуратно на полпути. Стало немного не по себе, но мы все равно решили лезть дальше. Благо, тропа маркирована, и заблудиться трудно. Лишь бы туман не стал совсем густым...

Через пару часов, видя, что мы не сворачиваем, боги сдались, гроза прекратилась, а над нашими головами вдруг откуда ни возьмись возник тот самый горный приют «А». Слава олимпийским богам, там можно было высушить вещи, погреться у камина и поужинать чем боги послали: фасолевым супом, деревенским греческим салатом из заправленных оливковым маслом помидоров, огурцов и сыра и рюмкой метаксы.

Выпив и закусив, мы быстрее отправились спать. Нужно было постараться хорошо отдохнуть, ведь на следующий день нам предстояла самая главная часть пути – восхождение на Митикас, высшую точку Олимпа – 2918 метров над уровнем моря.

Дело, впрочем, не в высоте этой горы. В конце концов, Олимп не Эверест, а мы не альпинисты. Дело в том, что это обитель богов. Одна из самых знаменитых гор в истории человечества. Отсюда Зевс и компания следили за тем, как сражались Ахиллес, Одиссей и Александр Македонский или как размышляли Платон, Аристотель и Диоген.

На календаре была середина июля, а в комнате, которую отвели нам для ночлега, наверное, градусов десять. Поэтому мы навалили на себя по три-четыре одеяла и только после этого завалились на боковую.

Подъем в шесть утра. Во-первых, дорога на Митикас не такая близкая. Во-вторых, нам рассказали, что после обеда погода на Олимпе практически всегда портится, опускается туман, начинается дождь, а иногда и гроза. Поэтому надо успеть подняться на вершину и спуститься в приют как можно раньше.

Вокруг тщательно экипированные туристы из США, Франции, Чехии и других стран – в горных ботинках, в специальных костюмах, с туристическими рюкзаками за спиной. И кажется, только мы напоминаем случайно забравших-

ся в горы пляжников. Я в спортивных трусах с рюкзачком, моя жена – в босножках и с пляжной сумкой...

А впрочем, это мы еще поглядим, поможет ли туристическая экипировка нашим попутчикам взобраться на самый-самый верх.

Быстро выяснилось, что дорога значительно тяжелее вчерашней. Туристическая тропа Е-4 шла все время вверх. Мы шли Е-2 – Е-2. Хорошо, хоть не было дождя и тумана. Часа через полтора растительность закончилась, и начался совсем крутой, но пока еще абсолютно безопасный подъем на одну из главных вершин Олимпа – Скалу высотой 2866 метров. Туда поднимаются практически все – одни быстрее, другие медленнее, но практически все.

На Скале маршрут раздваивается. Налево пойдешь – попадешь на Сколио – 2905 метров над уровнем моря. Направо пойдешь – попадешь на Митикас. На Сколио можно подняться по простой туристической тропе. На Митикас нужно карабкаться по скалам. Где-то три четверти из тех, кто поднимается на Скалу, на Митикас идти не решаются. Страшно. Надо лезть над пропастями глубиной в несколько сот метров. Не дай Бог, запаникуешь или оступишься.

Вот подошла группа американских туристов с греческим проводником во главе. Проводник, глядя на Митикас, покачал головой, поцокал языком и повел янки на Сколио. Не рискнули лезть на Митикас и еще несколько хорошо экипированных туристов. Я и сам уже почти собрался идти назад, в приют. Однако когда я в следующий раз попаду в эти места? И попаду ли вообще? Нет, надо лезть!

Американцы подозрительно косятся на наш антитуристический наряд. Плевать на американцев...

Маршрут отмечен краской. То тут, то там в скалы вбиты шлямбуры, значит, тут ходят и с альпинистским снаряжением. У меня же вместо этого снаряжения две руки, две ноги и пятая точка. Как выяснится минут через сорок, для того чтобы взобраться на Митикас летом, в хорошую погоду, этого вполне достаточно.

Но где же Зевс? Где Аполлон? И где Афродита?

Это в давние времена богам жилось весело и беззаботно. Врата Олимпа охраняли девственные богини времени Оры, и ни зверь, ни человек не могли туда забрести. Под их защитой боги и богини пировали, наслаждаясь амброзией и нектаром. Однако затем туристы разрушили эту божественную идиллию. И теперь Зевс с компанией появляются на Олимпе, только удостоверившись в том, что там в это время нет никого из этих надоедливых смертных с рюкзаками за плечами.

В общем, увы, но выпить на Митикас было не с кем.

Вершина Олимпа представляет собой каменистую площадку, на которой установлен железный столбик с греческим флагом и защищенный от снега и дождя ящик с книгой и ручкой. Там я сделал историческую запись о покорении Олимпа, затем достал из рюкзака газету «Крымское время» и положил ее в ящик вместе с книгой.

Пусть Зевс почитает.

«Крымское время». № 81 (2758). 30.07.2009.

Принцы и нищие Мраморного моря

август 2009

Участки суши, со всех сторон окруженные водой, – кажется, так неромантично определяют острова учебники по географии – манят меня, нет, конечно, не со школьных уроков географии. Скорее, со времени прочтения то ли «Робинзона Крузо», то ли «Таинственного острова», а то ли «Приключений Тома Сойера и Гекльберри Финна». Поэтому я стараюсь никогда не упускать редкой возможности оказаться со всех сторон отрезанным водой от материка. И может быть, поэтому же я до сих пор живу в Крыму, иногда мечтая перекопать узкий перешеек, соединяющий нас с... Сами знаете с чем.

А впрочем, эти заметки не о сепаратизме. Эти заметки о Принцевых островах, лежащих в Мраморном море в 20-25 километрах от Стамбула. Правда, в Турции их никто Принцевыми не называет. В Турции их называют Адаларами, что в переводе на русский язык означает всего-навсего «острова». В общем, с фантазией у турок не очень.

Свое «аристократическое название» Принцевы острова получили из-за того, что когда-то туда ссылали опальных византийских принцев. Архипелаг состоит из девяти островов, добраться до которых почти так же просто, как съесть на пристани порцию фаршированных рисом мидий. Вы отправляетесь на причал Кабаташ, покупаете билет за три с половиной лиры (около 15 гривен) и примерно через час оказываетесь на первом из Принцевых островов.

Вместе с вами туда же прибывают не только туристы из разных стран мира, но и стамбульские турки, для которых Адалары – ближайший курорт. В современной Турции уже некоторое десятилетие идет борьба между миром ислама и миром Запада. И лучшей иллюстрацией этой борьбы являются турецкие женщины. Одни с головы до ног закутаны в покрывала. Другие... по выходным отправляются на Адалары купаться и загорать.

Однако я отвлекся. Итак, первый остров, к которому причаливает паром, – Кинилиада. Самый пляжный из всех островов, он усыпан аккуратными коттеджами с красными черепичными крышами. Вершину Кинилиады украшают многочисленные антенны и телевышки, отчего остров становится похожим на несущийся по морю парусник с мачтами. В нескольких минутах от Кинилиады находится Бургазада. Самый маленький и, говорят, самый уютный из островов – его длина составляет всего-навсего пару километров.

Впрочем, мой путь лежит дальше – на Хейбелиаду.

Именно там я решил впервые в жизни погрузить свое брненное тело в воды Мраморного моря. Увы, сделать это, не заплатив туркам ни лиры, не удалось. Попытки найти бесплатный пляж бездарно провалились после почти двухчасовой прогулки вдоль острова. Все мало-мальски пригодные для спуска к морю места были оккупированы местными жителями, «предоставляющими услуги отдыхающим». Вход на пляж – пять лир с человека (больше 20 гривен).

Дело, впрочем, не в этих деньгах, а в том, что в Турции, кажется, берут деньги решительно за все. За посещение туалета. За проход через какую-нибудь очередную огороженную территорию. За вход на пляж и так далее и тому подобное. В этом смысле эта страна очень напоминает и наш родной Крым с его «веревочным бизнесом», и классический бизнес, пожалуй, самого известного на Украине турецкоподданного Остапа Сулеймана Берта Мария Бендер-бея Задунайского, который, как вы помните, с большим коммерческим успехом продавал билеты в провал.

Ну да Аллах с ними, с турецкоподданными.

В конце концов мы спустились на крохотный пляж «Робинзон». Мраморное море оказалось довольно мутным и не очень безопасным. Сравнительно безопасная акватория площадью в сотню квадратных метров была обозначена белыми поплавками. За нее заплывать не рекомендовалось. Турок, обслуживающий пляж, время от времени вооружался сачком и, приговаривая «вэри дэнджерос», вылавливал из моря больших медуз с тигровой раскраской. При взгляде на этих тварей купаться в Мраморном море, честно говоря, хотелось не очень.

За исключением нескольких полицейских машин, единственный вид транспорта на Принцевых островах – конные экипажи. С одной стороны, это сделано ради защиты окружающей среды. С другой – ради экзотики. С третьей – ... С третьей – от многочисленных конных экипажей пахнет почище, чем от железных коней производства «Хюндай», «Рено» или «КамАЗ».

Обходя остров пешком, мы обнаружили по соседству с пляжами обширную, опутанную колючей проволокой территорию, оккупированную военными. Как позже выяснилось, часть острова занимает военно-морское училище. Турция – вообще воинственная страна. Для справки: по своей мощи Военно-Морской флот Турции превосходит российский Черноморский флот приблизительно в пять раз. Об украинском флоте в этом контексте, как вы понимаете, лучше не упоминать вообще.

Военные – очень почетная и очень хорошо оплачиваемая по меркам этой бедной (трудно себе представить, но, по оценкам ООН, уровень жизни в Турции даже ниже, чем на Украине) страны профессия. Много военных музеев рассказывают о немеркнувшей славе турецкого оружия. Вход туда часто бесплатный или стоит сущие копейки, в отличие от входа в музеи, посвященные, ну, к примеру, античной или византийской истории. Может быть, постоянные читатели «КВ» помнят, как я в прошлом году рассказывал об огромном ро-

скошном военном музее в Стамбуле – говорят, едва ли не крупнейшем военном музее в мире. Там же, в Стамбуле, можно обнаружить отдельный военно-морской музей. Большой военно-морской музей находится на берегу Дарданелл в Чанаккале, где доблестные армии самого великого турка Мустафы Кемалья Ататюрка сражались за свободу и независимость своей родины.

Короче, патриотическое воспитание в Турции на высоте.

Хотя мы, русские, между прочим, турок всегда били, достаточно вспомнить Суворова, Кутузова, Румянцева, Ушакова или Нахимова...

И вот наконец последняя остановка парома – самый большой и, пожалуй, самый знаменитый остров архипелага Бююкада (в переводе – «большой остров» – о фантазии турок мы уже говорили). Самый удобный способ изучить его – пяти- и двенадцатикилометровые экскурсии на конном фаэтоне. Другой вариант – взять напрокат велосипед. И третий – пойти пешком к расположенной на вершине одного из холмов средневековой христианской церквушке – между прочим, действующей – в конце концов, турки пришли на эти земли намного позже греков.

Для русских Бююкада любопытна еще и тем, что там на протяжении нескольких лет жил знаменитый революционер Лев Давыдович Бронштейн, больше известный под псевдонимом Троцкий. Троцкий был выслан из СССР по решению Политбюро ВКП(б) в феврале 1929 года. Что любопытно, доставил его в Турцию пароход, который назывался «Ильич». Ну а пригрел Троцкого на Бююкаде не кто-нибудь, а сам Мустафа Кемаль Ататюрк. «Отец всех турок» полагал, что Лев Давыдович, будучи наркомом по военным делам РСФСР, сыграл огромную роль в национально-освободительной борьбе Турции. Поэтому в знак благодарности Турецкая Республика избрала Троцкого и Ленина почетными гражданами своего меджлиса.

Особняк, в котором жил на Бююкаде Троцкий, вместе с садом имеет площадь более трех с половиной тысяч квадратных метров и стоит по нынешним ценам больше двух миллионов американских долларов. Вот в таких условиях обитал в ссылке «принц Великого Октября», сделавший нищими миллионы наших соотечественников.

«Крымское время».

№ 84 (2761). 06.08.2009.

Салоники без сала

август 2009

Как это ни прискорбно для украинских национал-патриотов, но Салоники называются Салониками не потому, что там много сала. Да и украинской речи в этом древнем городе тоже не услышишь. В Салониках говорят на двух языках: на греческом и на... Нет, если вы подумали, что еще и на английском, то вы ошиблись. В Салониках говорят на греческом и на русском.

Везде: в автобусах, в кафе, в музеях – можно услышать русскую речь. А в многочисленных русских магазинах можно купить русскую водку, русскую колбасу и русский хлеб. Объясняется это просто. В столице легендарной Македонии и в окрестных регионах сегодня живет несколько десятков тысяч эмигрантов из бывшего Советского Союза – главным образом это понтийские греки, переселившиеся на историческую родину из Грузии, из России, с Украины, но и не только они.

Большинство этих людей, став греческими гражданами, как бы продолжают жить в... СССР. Они говорят друг с другом на русском языке, ходят в русские магазины, смотрят российское телевидение и обсуждают постсоветскую политику гораздо живее, чем греческую или европейскую. Они знают фамилии президентов России, Украины, Белоруссии, Грузии, но часто не в состоянии вспомнить фамилию президента Греции.

Однако я отвлекся и не рассказал вам, почему же все-таки Салоники называются Салониками. Город Салоники (Фессалоники) был основан царем Македонии Кассандром в 315 году до Рождества Христова. Женой Кассандра была сводная сестра Александра Великого – Фессалоника, именем которой царь и назвал новый город, объединив в него множество мелких поселений, существовавших в то время на берегах Термического залива.

Расцвет Салоник приходится, пожалуй, на годы, когда они были вторым, вслед за Константинополем, городом великой Византийской империи. Да-да, вот так и живут Салоники как бы в тени великих столиц, когда-то – в тени Константинополя, теперь – в тени Афин.

Между двумя этими эпохами – византийской и современной – лежат пять веков турецкого владычества. Османы захватили Салоники в 1430 году. И, кстати говоря, полубог современной светской Турции Мустафа Кемаль Ататюрк родился не где-нибудь, а именно в Салониках. Древний город был отвоёван греками лишь в ходе Балканских войн начала XX века.

В Москве есть Кремль. В Санкт-Петербурге – Исакий. В Киеве – Святая София. В Севастополе – Панорама. В Симферополе – башня железнодорож-

ного вокзала. А в Салониках – Белая башня. Главный архитектурный символ города, она была построена на берегу Термического залива в XVI веке на фундаментах более древних сооружений. Сегодня в Белой башне располагается музей, рассказывающий об истории города от античности до наших дней.

Если Белая башня – это главный архитектурный символ Салоник, то главная христианская святыня города – базилика Святого Димитрия, в которой хранятся мощи одного из самых почитаемых православных святых Димитрия Солунского.

Будучи римским проконсулом в Салониках, Димитрий обратился в христианство многих жителей города. Известия о его деятельности дошли до римского императора Максимиана, и, возвращаясь с войны против славянских племен, он остановился в Салониках. Приведенный на суд к императору Димитрий исповедал себя христианином и был заключен в темницу. Спустя несколько дней в городе были устроены бои, в которых императорский любимец боец Лий побеждал многих противников, в том числе городских христиан, которых понуждали к бою с ним. Присутствовавший при этом христианин Нестор по благословению Димитрия вступил в бой и сбросил Лия с помоста на копья. В гневе император приказал казнить Нестора, а следующим утром и Димитрия. Лишь только забрезжилось утро, в темницу к Димитрию вошли воины; они застали святого мужа стоящим на молитве и тут же устремились на него и пронзили копьями. Так предал сей исповедник Христов в руки Создателя честную и святую душу.

После казни Димитрия его тело было брошено на съедение зверям, но те не тронули его, и останки были погребены солунскими христианами. В IV веке над могилой святого в Салониках была построена первая церковь в его честь – базилика Святого Димитрия. Предположительно в конце XII – начале XIII века мощи святого были вывезены из Салоник в Италию и вернулись в Салоники только в 1980 году.

Димитрий Солунский – один из самых почитаемых православных святых. В старинных русских стихах он представляется помощником русских в борьбе с Мамаем. Русские издревле старались приобретать хотя бы малейшие частички его мощей, одежды, мира или даже частицы от его гроба. Именно этим объясняется наличие практически во всех древних монастырях и церквях среди частиц мощей различных святых частиц мощей или мира от святого Димитрия.

В 1197 году великий князь Всеволод Юрьевич принес из Солуни во Владимир икону великомученика Димитрия, написанную, по преданию, на его гробовой доске. Сначала эта икона находилась в Киеве, потом во Владимире, а при великом князе Димитрии Ивановиче, в 1380 году, была перенесена в Москву и поставлена в Успенском соборе.

Особое почтение к памяти святого Димитрия на Руси видно и из того, что русские князья часто называли своих первенцев именем этого святого. Так

было у Ярослава I, Юрия Долгорукого, Александра Невского, Иоанна II, Иоанна Грозного, Алексея Михайловича.

Салоники сыграли огромную роль не только в истории русского православия, но и в истории русской письменности и культуры. Ведь святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, подарившие славянам первую азбуку, родом тоже не откуда-нибудь, а именно из Салоник.

Вообще, судить о культурном потенциале этого древнего города можно по очень простому факту. В одних Салониках памятников, внесенных в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, больше, чем во всей Украине. Это уже упоминавшаяся нами базилика Святого Димитрия, ротонда Святого Георгия, церковь Святой Софии, церковь святых апостолов, базилика Ахиропиитос, церковь Святого Пантелеймона, монастырь Латому с сохранившейся церковью Святого Давида, церковь Святого Николая Орфаноса и, наконец, церковь «Панагия Халкеон». Так что можно сказать, что Салоники – это в известном смысле музей византийской истории, культуры и архитектуры под открытым небом.

Памятники Александру Македонскому и его учителю Аристотелю в Салониках, конечно, не входят в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, однако пользуются ничуть не меньшей популярностью. Александр Македонский символизирует воинскую славу и доблесть, а Аристотель – знания и мудрость.

Как говорил Аристотель, мудрость – это самая точная из наук.

Аристотелевскую мудрость в Салониках можно постичь разными способами. Первый – трудный и долгий – закончить расположенный в городе университет Аристотеля. Второй – легкий и быстрый – потереть большой палец на левой ноге бронзовеющего посреди площади философа. И, надо сказать, оба эти способа пользуются большой популярностью. В университете Аристотеля учатся тысячи студентов со всей Европы, а большой палец на левой ноге философа отполирован до блеска.

*«Крымское время»,
№ 87 (2764). 13.08.2009.*

На семи холмах Рима

август 2010

В Рим мы с женой отправились 22 июля, в день рождения нашего сына, прямиком с кладбища. В тот день Ваньке должно было исполниться пятнадцать лет. Можно сказать, мы выполняли что-то вроде его завещания. Ваньке хотелось побывать в Риме. Не буду врать – его не интересовали ни Ватиканские музеи, ни вилла Боргезе. Ему хотелось увидеть Колизей и попробовать настоящей итальянской пиццы.

Что можно рассказать об этом городе в нескольких предложениях? О Цезаре и Бруте, о Нероне и Марке Аврелии, о Рафаэле и Микеланджело, о Гарибальди и Муссолини?

Колизей оказался неуклюжей громадой, облепленной со всех сторон тысячами муравьев-туристов, не меньше четверти из которых прибыли из Японии, Кореи или Китая – откуда точно, не разберешь. Впрочем, хватало там и россиян, а вот украинскую речь за неделю пришлось услышать лишь однажды. Нет, вообще-то, в Италии украинцев-«заробитчан» пруд пруди, но им там явно не до осмотра исторических достопримечательностей.

В эти летние месяцы раскинувшийся на семи холмах Вечный город отдан «на разграбление» полчищам туристов – как когда-то варварам Алариха. Римляне, кажется, стараются пореже высовываться из своих квартир и домов, а по улицам бродят иностранцы с географическими картами в руках, решая, как добраться до очередного туристического объекта.

Пожалуй, самую тяжелую «осаду» вместе с Колизеем держат Капитолий, Форум, Палаatin, собор Святого Петра, Ватиканские музеи, Пантеон, фонтан Треви и Испанская лестница.

Сердце античного Рима билось на форумах. А когда империя пала, форумы вымерли. Точнее, превратились в гигантскую каменоломню, откуда тащили строительный материал для дворцов, церквей и оборонительных башен. То, что оставалось, постепенно уходило под землю и зарастало травой – к началу Возрождения места эти были известны исключительно как... коровье поле. Сегодня форумы – это грандиозный музей под открытым небом, разрезанный надвое в эпоху Бенито Муссолини помпезной улицей Фори-Имперали, упирающейся в... «Чернильницу» (она же – «пишущая машинка», она же – «вставная челюсть», она же – Алтарь Отечества). Прокладывая Фори-Имперали дуче хотел соединить два главных символа античной мощи, Капитолий и Колизей, прямой и широкой дорогой, на которой можно было бы проводить военные парады.

Форумы лежат между двумя самыми известными римскими холмами – Капитолием и Палаатином.

В античные времена на Капитолийском холме стояли три главнейших римских храма: Юпитера, Минервы и Юноны Монеты. При последнем, кстати говоря, жили знаменитые гуси, предупредившие римлян о нападении врагов. Сегодня же центром Капитолия является площадь, построенная в XVII веке по оригинальному проекту Микеланджело, во дворцах по обеим сторонам которой разместились Капитолийские музеи.

Палатин был когда-то самым аристократическим холмом Рима. Там селились императоры, патриции и прочая знать. Сегодня же это одно из самых идиллических мест итальянской столицы. Не знаю, сколько раз в жизни бывает на Палатине коренной римлянин. Может быть, один – во время обязательной школьной экскурсии. Древности в Риме существуют по большей части для «приезжих», для «местных» там другие развлечения, важное место среди которых занимает итальянская кухня: пицца, паста (по-русски говоря – макаронны), вино, граппа (итальянская виноградная водка) и т.д., и т.п. Все это можно попробовать в бесчисленных римских пиццериях, трагториях и ресторанах. Однако следует иметь в виду: цены для простых украинских граждан в Риме – шокирующие. Меньше евро не стоит практически ничего. Билет в городском автобусе – 1.00. Кусок арбуза – 1.00. Зажигалка – 1.50. Бутылка колы – 1.80. Бокал домашнего вина – 2.00. Кусок пиццы – 3.50. Пачка «Мальборо» – 4.50. Порция пасты – 5.00. Дальше продолжать не буду...

Единственное, на чем в Риме можно сэкономить, – это вода. Нет, по нашим меркам она тоже стоит немало, но ее можно не покупать. Чем тратить деньги, всегда можно бесплатно напиться прямо из фонтана. Благо их в городе больше трех тысяч – от невзрачных чугунных колонок с краниками до размашистого фонтана Треви, прославленного Федерико Феллини в фильме «Сладкая жизнь». Как там у Бродского: «Я пил из этого фонтана / в ущелье Рима. / Теперь, не замочив кафтана, / канаю мимо».

Однако двинемся дальше по списку главных римских достопримечательностей. Собор Святого Петра я впервые увидел через... дырку, которую по проекту Пиранези проделали в воротах резиденции мальтийских рыцарей на Авентине. Отличить это отверстие от простой замочной скважины было очень просто: возле него толпились несколько десятков туристов. Отстояв очередь, я прильнул к волшебному отверстию, и моему взору открылся сияющий на противоположной стороне Тибра купол главного католического храма мира.

Оттуда, с купола Святого Петра открывается, пожалуй, самый грандиозный вид на Вечный город. Чтобы взобраться на купол, надо преодолеть больше четырехсот вьющихся вверх ступеней. Когда путь пройден, внизу расстилается площадь в форме ключа, как будто открывающего тайны вечной жизни. И еще, вглядываясь в раскинувшийся под ногами Вечный город, понимаешь, что в нем нет ни одной высотки. Ни одному римскому зданию не позволено затмить собой собор Святого Петра.

В Ватиканские музеи туристы устремляются прежде всего для того, чтобы посмотреть на станцы Рафаэля и знаменитую Сикстинскую капеллу с фресками Микеланджело. Там же можно обнаружить легендарные статуи Лаокоона, Аполлона Бельведерского и тысячи других шедевров, собранных Римскими Папами за долгие столетия. Однако если у вас нет в запасе нескольких недель на осмотр папских сокровищ, на все остальное лучше даже не смотреть. Лучше отправиться к Пантеону – знаменитому античному храму, превращенному позднее в христианскую церковь, в котором покоится прах великого Рафаэля, съесть мороженое в старинном кафе «Джолитти» – почти такой же местной достопримечательности, как колонна Траяна или могила Рафаэля, – или выпить вина, сидя на ступеньках Испанской лестницы.

Как известно, есть три Рима. Первый – собственно Рим. Второй – Константинополь. И третий – Москва. Так уж сложилась моя судьба, что я знакомился с ними в обратном порядке. Сначала была Москва, потом – Константинополь, и вот теперь – Рим. Судьба Ваньки сложилась так, что первого Рима он так и не увидел.

P.S. Спрашивается, куда мне отправиться дальше? Ведь, если верить старцу Филофею, четвертому Риму не бывать.

«Крымское время».

№ 63 (2868). 12.08.2010.

Вернуться живым

Не сойти с ума во Флоренции и не пойти ко дну
в Венеции, август 2010

Не сойти с ума во Флоренции

Посещение Флоренции опасно для здоровья. В этом городе у некоторых людей появляется так называемый синдром Стендаля – психосоматическое расстройство, характеризующееся частым сердцебиением, головокружением и галлюцинациями. Этот недуг проявляется, когда человек находится в месте сосредоточения большого числа произведений искусства.

«Когда я выходил из церкви святого Креста, у меня забилось сердце, мне показалось, что иссяк источник жизни, я шел, боясь рухнуть на землю», – писал известный французский литератор Анри Стендаль о своем посещении Флоренции, давая характеристику состояния, которым впоследствии заинтересовались психологи и психиатры. В наши дни каждый год в отделение психиатрии флорентийской больницы «Санта-Мария Нуова» доставляют около ста туристов с признаками синдрома Стендаля. Впрочем, спешу успокоить родственников, друзей, знакомых и читателей. Я госпитализации все-таки избежал.

Флоренция – это сокровищница Ренессанса. Ее площади, улочки и галереи хранят произведения живописи и скульптуры периода величайшего культурного расцвета Европы. Во Флоренции жили и работали Данте и Леонардо, Галилей и Боккаччо, Савонарола и Макиавелли, Микеланджело и Челлини, Достоевский и Чайковский, Тарковский и Бродский.

И своим процветанием, и своими бедами Флоренция во многом обязана своенравной реке Арно. Флоренция столько раз подвергалась наводнениям, что ранние летописцы полагали, будто этот город был основан Ноем. Крупнейшее в истории Флоренции наводнение произошло 4 ноября 1966 года. Тогда в результате стихийного бедствия погибли 34 человека, пять тысяч семей лишились крова, были повреждены более трех миллионов (!!!) книг и рукописей и 14 тысяч других произведений искусства, навсегда утрачены бесценные фрески на первых этажах затопленных зданий.

Через Арно перекинуты несколько мостов, самый знаменитый из которых – Понте Веккьо. Во время Второй мировой войны немцы, уходя из города, взорвали все исторические мосты через реку, кроме Понте Веккьо. По одной из версий, его спасли бойцы Сопротивления, по другой – личное вмешательство такого известного ценителя красоты, как... Адольф Гитлер. Отличительная черта Понте Веккьо – теснящиеся по обеим его сторонам дома, в которых с XVI века располагаются ювелирные магазинчики и мастерские.

Духовный центр Флоренции – пьядца дель Дуомо. Там находятся Баптистерий, Кампанила и легендарный Флорентийский собор. С купола собора открывается грандиозный вид на город и его окрестности. А через двери Баптистерия можно попасть напрямик в... рай. Микеланджело назвал «райскими воротами» восточные двери Баптистерия, возле которых круглый год толпятся сотни людей, жаждающие вечной жизни.

Политический и светский центр Флоренции разместился в нескольких ста метрах на пьядца делла Синьория. Там находится громадный, напоминающий крепость Палаццо Веккьо, в котором на протяжении многих веков работает городская администрация. А рядом с дворцом – самый прославленный музей Флоренции – галерея Уффици, посетители которой, насмотревшись на произведения Боттичелли, Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Рембрандта, Ван Дейка, Рубенса и Караваджо, чаще других страдают от описанного в начале этих заметок синдрома Стендаля.

Не пойти ко дну в Венеции

Не потеряв рассудка перед произведениями великих мастеров Возрождения, я отправился из Флоренции в Венецию, рассчитав таким образом, чтобы прибыть туда в пять часов утра и использовать единственный шанс увидеть легендарный город почти пустынным. Гондольеры еще спали сладким сном богачей, впрочем, в любом случае, денег для того, чтобы прокатиться в гондоле, мне было жалко. Официальная такса – 90 евро за поездку, которая длится около получаса. Короче, я сел на вапоретто (катер, напоминающий те, что курсируют, ну, например, в Севастополе между южной и северной частями города), который минут за тридцать довез меня от железнодорожного вокзала до сердца гламурной Венеции – площади Святого Марка.

Венецию, как и Константинополь, можно почувствовать только с моря. Пока вы сквозь нее не проплывете, вряд ли вы вообще можете говорить, что видели этот город. Выйти на пьядца Сан-Марко на рассвете, когда нет еще ни одного голубя, ни одного туриста и ни одного оркестра – еще одна часть обязательной венецианской программы. Для большинства этот небольшой (около пятисот метров в диаметре) район и есть вся Венеция. Однако это не так. Третья часть обязательной программы – прогулка по запутанным, утопающим в море средневековым венецианским улицам. Из конца в конец всю Венецию можно пройти пешком за час, но еще лучше, конечно, если у вас есть немного свободного времени, чтобы... заблудиться в Венеции и побродить по этим неповторимым неопишуемым лабиринтам.

Четвертая часть – посещение острова Мурано, где делают изделия из знаменитого венецианского стекла. А есть еще пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая... И все их надо успеть сделать, пока Венеция не погибла. Легендарному городу угрожает сразу несколько опасностей. Одна, общеизвестная – город медленно, но верно уходит под воду. Недаром ведь говорят, что

главная вещь в гардеробе венецианца – не плащ и маска, а резиновые сапоги. Вторая опасность для Венеции – быть уничтоженной... миллионными толпами туристов. С одной стороны, туристы – это деньги, а с другой – прошлой осенью коренные венецианцы наполовину в шутку, наполовину всерьез уже «похоронили» родной город. По городским каналам прошел траурный кортеж из четырех гондол, одна из которых везла гроб, символизирующий гибель города. По мнению организаторов этой театрализованной акции, Венецию ожидает незавидная участь не из-за того, что она уйдет под воду, а из-за того, что уже через двадцать лет в ней не останется коренных жителей. Непрерывающийся поток туристов сделал жизнь коренных венецианцев практически невыносимой, и они стали перебираться в более дешевые и комфортные для жизни города. Исследование, проведенное журналом «Ньюсуик», установило, что, если темпы сокращения населения Венеции останутся на нынешнем уровне, уже к 2030 году в городе не останется ни одного коренного венецианца.

Так что спешите, спешите видеть Венецию, пока она не ушла под воду и не превратилась просто в большой музей под открытым небом – без местных жителей.

И последнее. Прежде чем отправляться в путь, накопите немного денег. Венеция, пожалуй, самый дорогой город из всех, в которых мне приходилось бывать. Там есть масса возможностей с размахом и без потратить все деньги, какие есть у вас и ваших кредиторов. Только чашечка кофе с видом на Сан-Марко стоит от 10 до 25 евро. О ценах на все остальные удовольствия лучше даже не спрашивать.

«Крымское время».
№ 66 (2871). 19.08.2010.

Германия до 18 и старше

январь 2011

*И пусть канает отсюда, а то я ему рога поотшибаю,
пасть порву, моргалы выколю! Всю жизнь работать на
лекарства будешь!!! Сарделька, сосиска, редиска, Навухо-
доносор! Петух гамбургский!*

Доцент, «Джентльмены удачи»

Признаться, ни одного петуха я в Гамбурге так и не увидел. Зато, честное благородное слово, на центральной площади прямо перед зданием городской ратуши паслись десятки дивных жирных гусей, прилетевших зимовать откуда-то с севера.

Крылышко! Шейка! Ножка!..

Я оглянулся по сторонам: Паниковского нигде не было. Опера «Кармен» отменялась. Ну и ладно. В Гамбурге и без того есть на что посмотреть. Взять хотя бы ту же построенную в конце XIX века ратушу, в которой и до сих пор под гусиный гогот заседают депутаты городского парламента.

Город, которому свобода по карману

Вольный и ганзейский город Гамбург – это город-государство, который входит в Федеративную Республику Германия на правах одной из шестнадцати немецких земель и страшно гордится своей свободой. Как гласит украшающий ратушу городской девиз, «Свободу, что добились для нас наши предки, достойно пусть с честью хранят потомки». Помнится, великий Бисмарк, немало лет проживший под Гамбургом, в местечке Фридрихсруэ, говаривал, что свобода – это роскошь, которую не каждый может себе позволить. Однако гамбургцы – народ зажиточный. Им эта дорогая «побрякушка» по карману.

Свой капитал Гамбург сколотил на торговле.

Если взобраться на колокольню Михеля, как панибратски называют свой самый знаменитый собор гамбургцы, оттуда открывается замечательный вид на этот буржуйский город, удобно устроившийся в устье впадающей в Северное море реки Эльбы.

Глядя на Гамбург сверху вниз, понимаешь, что своим богатством и процветанием этот город во многом обязан именно удачному географическому месторасположению. Во многом, но не во всем, потому что мало ли, к примеру, хоть и у нас на Украине удобно расположенных, однако хиреющих и прозябающих городов, городков и деревень.

Самые свободные, то есть, виноват, самые богатые, гамбургцы живут на Побережье миллионеров – с видом на искусственные озера Альстер. Ну а те,

что победнее, бегают вокруг этих озер трусцой – спасаясь от инфаркта, инсульта, ожирения и других опасных преследователей.

Самые свободные, то есть, виноват, самые богатые, гамбургцы передвигаются по городу на «Мерседесах» и «БМВ» последних моделей. Те, что победнее, крутят педали велосипедов. Полезно и для здоровья, и для экологии, и для собственного бюджета, особенно учитывая стоимость бензина (1,4-1,5 евро за литр) и парковки в черте города (1 евро за час).

Немецкий Санкт-Петербург

Однако это все сейчас, а что же раньше? Где еще знакомиться с историей Гамбурга, если не в городском историческом музее? Может быть, там нет уникальных, бесценных экспонатов, зато этот музей... нет, даже не рассказывает, а показывает историю города, дает возможность пощупать эту историю руками. Поэтому туда с интересом ходят не только скучные, как утренний бутерброд, интеллигенты, но и тринадцатилетние школьники.

Вот экспозиция, посвященная торговле, которую Гамбург вел с далекими странами. Образцы колониальных товаров. Монеты разных заморских государств. Табачная лавка. Пивнушка, в которой отрывались после дальних рейсов моряки. А вот экспозиция, рассказывающая о том, как на протяжении нескольких десятилетий Гамбург был крупным перевалочным центром, через который отправились в эмиграцию в Америку сотни тысяч европейцев – немцев, поляков, русских. Билеты на пароход. Дешевая гостиница, в которой эмигранты ожидали отправки парохода. Тесная корабельная каюта.

В другом зале – почти настоящий корабль. Я поднимаюсь по трапу в капитанскую рубку. Встаю за штурвал. Ветер свистит в ушах. Впереди плещется море – на экране показывают кинохронику, рассказывающую об истории города.

В этом музее я застрял на несколько часов и, по-моему, мне их хватило, нет, конечно, не для того, чтобы изучить историю Гамбурга, а для того, чтобы ее почувствовать, – уверен, это гораздо важнее, чем просто вбитые в голову исторические сведения, которые можно легко почерпнуть из учебника.

Теперь – в гигантский гамбургский порт, который и сегодня кормит значительную часть горожан. Огромный красно-коричневый кирпичный город в городе, разрезанный улицами-каналами, по которым суда подплывают прямо к домам и разгружаются. Летом по этим каналам можно проплыть на экскурсионной лодке, однако сейчас – зима, и вместо лодок по каналам плывут льдины. Наверное, во многом из-за этого района в путеводителях Гамбург часто сравнивают с Санкт-Петербургом и Венецией.

На Триппербане

Ну а другой район – Санкт-Паули – заставляет сравнивать Гамбург с Амстердамом. В Санкт-Паули расположена, пожалуй, самая знаменитая улица города – Рипербан. Или, выражаясь языком русских моряков, Триппербан. Улица крас-

ных фонарей, публичных домов, стрип-клубов, порнокинотеатров и секс-шопов. Как говорят, самое злачное место не только в Гамбурге, но и во всей Германии.

Греховная миля, как иногда называют эту улицу немцы, тянется на протяжении девяти сот метров. И пятничным вечером там иногда собирается около десяти тысяч грешников. В общем, Содом и Гоморра в одном месте. Сердце Рипербана (хотя, честно говоря, тут просится сравнение с другим человеческим органом) – это девяностометровая Хербертштрассе, где в неоновых витринах сидят представительницы одной из древнейших профессий. Вход туда разрешен только мужчинам старше восемнадцати лет.

Ну и наконец есть на Рипербане еще одна достопримечательность – площадь и музей «Битлз». Именно здесь в начале шестидесятых годов прошлого века Леннон, Маккартни и компания начинали свою музыкальную карьеру. Однако об этом музее я расскажу вам отдельно – через пару-тройку недель.

Единственная очередь, которую я наблюдал в Гамбурге, вела не в бордель, а в расположенный в городской ратуше выставочный центр. Гамбургцы и гости города выстаивали в очереди по часу и дольше, чтобы посмотреть на картины Марка Шагала – знаменитого еврейского художника, родившегося и выросшего на территории нашей бывшей родины – в Витебске. В годы, когда у власти в Германии находился Адольф Гитлер, картины Шагала тоже экспонировались, но в специальных пропагандистских целях – как образец так называемого дегенеративного искусства. Сегодня все изменилось. К тому времени, как я приехал в Гамбург, выставка Шагала экспонировалась уже второй месяц, а очередь у касс по-прежнему стояла с утра до вечера. Так что это спорный вопрос, кто из этих двоих – Гитлер или Шагал – на самом деле был дегенератом.

Марципановый Любек

Недалеко от Гамбурга, в часе езды по железной дороге, расположен еще один ганзейский город – Любек. Однако на этом, пожалуй, сходство этих двух населенных пунктов и заканчивается. Современный Гамбург – это мегаполис с населением, приближающимся к двум миллионам человек. Современный Любек – это небольшой пряничный (или лучше – марципановый, ведь Любек – родина марципана) городок, в котором живет около двухсот тысяч человек. Когда-то и Гамбург, и Любек были вольными городами. Однако в конце концов Любеку, в отличие от Гамбурга, свобода оказалась не по карману – вспоминайте афоризм «железного канцлера». В 1937 году Любек был «порабощен» прусской провинцией Шлезвиг-Гольштейн, в состав которой он входит и поныне. Зато, в отличие от Гамбурга, Любек в значительно большей степени сохранил свой исторический облик. Исторический центр Любека, так называемый Старый город, является объектом Всемирного культурного наследия и находится под защитой ЮНЕСКО. А легендарные Голштинские ворота, возведенные еще в XIV веке, являются не только символом этого городка, но и, пожалуй, одним из самых известных архитектурных сооружений Германии.

«Крымское время». – № 6 (2933). – 20.01.2011.

Берлин будущего и прошлого

январь 2011

В детстве я убил не одну тысячу немцев. Мы с друзьями крошили их, как капусту. Батарейки в желтом игрушечном автомате не кончались очень долго, а когда кончались, я доставал из-за пояса револьвер и продолжал отбиваться от наседавших со всех сторон фрицев до последнего револьверного патрона. Однако, несмотря на «преступления прошлого», немцы все-таки открыли мне визу.

На руинах эпохи

Первое, что я увидел, выйдя из здания железнодорожного вокзала на Потсдамерплац, – остатки Берлинской стены, у которых фотографировались группки иностранцев.

Руины эпохи, в которой я вырос.

Впрочем, сегодня Берлинская стена – не только символ ушедшей в прошлое эпохи, но и одно из самых дорогих архитектурных сооружений в мире. Крошечный кусочек стены можно... купить в любом сувенирном магазинчике немецкой столицы всего за несколько евро. Подлинность сувенира удостоверяет специальный сертификат, который гарантирует, что это не просто кусок бетона.

В одном из магазинов я видел большой – полметра на метр – кусок стены за восемьдесят евро. Будь у меня больше денег и собственный дом, обязательно купил бы этот обломок Холодной войны и вмонтировал в забор.

Учитывая, что протяженность Берлинской стены составляла больше ста километров, попробуйте подсчитать, за сколько в итоге будут распроданы ее обломки, – получится внушительная сумма. Я думаю, никак не меньше полу-миллиарда евро.

Кстати говоря, фрагменты Берлинской стены хранятся по всему миру: в офисе корпорации Microsoft, в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, у музея Рональда Рейгана и т.д., и т.п. – уж не знаю, покупали ли вышеперечисленные достопримечательные организации эти осколки или просто получили их «в дар от благодарного немецкого народа».

Разделенный город

Вообще, Берлин, наверное, главный город в новейшей истории Европы. В мае 1945 года здесь фактически закончилась Вторая мировая война. Потом, конечно, где-то там, далеко на Востоке, еще добивали японцев, но после разгрома гитлеровской Германии судьба войны была предreshена.

После взятия Берлина он был поделен на четыре оккупационные зоны: советскую, американскую, британскую и французскую. Восточная зона, занятая со-

ветскими войсками, стала впоследствии столицей Германской Демократической Республики. А на территории трех западных зон был создан Западный Берлин – особое политическое образование, окруженное со всех сторон территорией ГДР. Западный Берлин не был частью Федеративной Республики Германия. Верховной властью в городе являлась трехсторонняя военная комендатура, законодательную власть осуществлял парламент, а исполнительную – правительство во главе с правящим бургомистром. Конституция ФРГ здесь не действовала, тем не менее Западный Берлин использовал в качестве валюты немецкую марку ФРГ.

Первые годы граница между восточной и западной частью Берлина была открыта, а разделительная линия проходила прямо по улицам и домам. Так продолжалось до 13 августа 1961 года, когда по рекомендации совещания секретарей коммунистических и рабочих партий стран Варшавского договора и на основании решения Народной палаты ГДР началось строительство стены вокруг Западного Берлина. За время своего существования стена несколько раз перестраивалась и совершенствовалась. К 1989 году она представляла собой сложный комплекс из бетонного ограждения общей протяженностью 106 километров и высотой около трех с половиной метров; ограждения из металлической сетки протяженностью 66, 5 км; сигнального ограждения под электрическим напряжением протяженностью 127,5 км; земляных рвов протяженностью 105,5 км; противотанковых укреплений на отдельных участках; 302 сторожевых вышек и других пограничных сооружений.

История от Чарли

Берлинская стена простояла 28 лет.

9 ноября 1989 года под влиянием массовых народных выступлений правительство ГДР сняло ограничения на сообщение с Западным Берлином. Сотни тысяч восточных немцев устремились к границе. Пограничники, не получившие приказа, пытались сперва отеснить толпу, но затем, уступая массовому напору, вынуждены были открыть границу.

«Прожекторы, толкотня, ликование. Группа людей уже ворвалась в коридор пограничного перехода, до первого решетчатого заграждения. За ним – пятеро смущенных пограничников, – вспоминала свидетельница происходившего Мария Майстер из Западного Берлина. – Со сторожевых вышек, уже окруженных толпой, смотрят вниз солдаты. Аплодисменты каждому «Трабанту», каждой смущенно приближающейся группе пешеходов... Любопытство гонит нас вперед, но присутствует и страх, что может произойти что-то ужасное. Сознают ли пограничники ГДР, что это сверхохраняемая граница сейчас нарушается?.. Мы идем дальше... Ноги идут, разум предостерегает. Разрядка наступает только на перекрестке... Мы просто в Восточном Берлине, люди помогают друг другу монетами на телефон. Лица смеются, язык отказывается повиноваться: безумие, безумие. Световое табло показывает время: 0 часов 55 минут, 6 градусов тепла».

В течение последующих трех дней Западный Берлин посетили более трех миллионов человек. Берлинская стена еще стояла, но уже только как символ. Она была разбита, расписана многочисленными граффити, рисунками и надписями, берлинцы и посетители города старались унести на память кусочки, отбитые от некогда пугающего сооружения. В октябре 1990 года последовало вступление земель бывшей ГДР в ФРГ, и Берлинская стена была за несколько месяцев снесена.

Так в Берлине закончилась еще одна – Холодная – война XX века.

Об истории стены рассказывает один из самых посещаемых музеев современного Берлина – Чекпойнт-Чарли – легендарный КПП между советской и американской оккупационными зонами. Пожалуй, самые яркие экспонаты этого музея – приспособления, с помощью которых жители Восточного Берлина бежали из социалистического рая на Запад: футляр из-под контрабаса, огромный чемодан, воздушный шар и даже... подводная лодка. Всего за годы существования Стены из Восточного Берлина в Западный бежали почти 200 тысяч человек. Да уж, действительно, Китайскую стену строили от набегов, а Берлинскую – от побегов...

Стройка XX века

Объединенный Берлин стал столицей объединенной Германии. При этом центр политической, деловой, культурной и ночной жизни переехал из западной части города в восточную, в Митте. В свое время Иосиф Сталин уступил союзникам за этот клочок исторического Берлина большие территории на западной границе Восточной Германии. И надо сказать, было за что: Митте всегда считался сердцем Берлина. Именно здесь расположены главные берлинские достопримечательности: Рейхстаг, Бранденбургские ворота, Унтер-дер-Линден, Музейный остров, Александерплац, названная так, между прочим, в честь российского императора Александра I, победителя Наполеона.

А еще после объединения Берлин превратился, пожалуй, в самую грандиозную строительную площадку современной Европы, причем это строительство продолжается до сих пор. Митте придали необходимый глянец, и отныне туристы могут чередовать осмотр соборов и музейных коллекций с визитами в дорогие бутики и фешенебельные рестораны. Но самый впечатляющий результат этой работы – Потсдамерплац. До падения стены Потсдамская площадь представляла собой гигантский, заросший травой пустырь, однако в 1993 году компании Daimler-Benz и Sony, скупив землю вокруг Потсдамерплац, развернули здесь самую масштабную городскую стройку XX века. И сегодня от прежней разрухи не осталось и следа: вместо пустыря появился современный квартал, главной жемчужиной которого является «Сони-центр» – суперсовременные сооружения из стали и стекла, в которых разместились главный европейский офис «Сони», музей кино, офисы, рестораны, квартиры, кинотеатры, продуктовые магазины и т.д., и т.п.

Дворцы Шарлоттенбурга и Потсдама

Иногда говорят, что Берлин – это город будущего. Город, который то ли вот-вот станет, то ли уже стал столицей новой глобализованной Европы. Однако в то же время Берлин – это и город прошлого. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить, ну, например, знаменитый дворцовый комплекс в Шарлоттенбурге. Не буду погружаться в глубь веков, расскажу лишь об одном эпизоде, который демонстрирует, как надо относиться к своей истории. Во время Второй мировой войны дворец Шарлоттенбург пострадал настолько сильно, что городские власти решили взорвать руины: отреставрировать здание казалось невозможным. Узнав об этом, тогдашний директор Шарлоттенбурга Маргарет Кюн съехала со своей квартиры и переселилась во дворец – точнее, в то, что от него осталось. На следующий день все газеты вышли с фотографией Маргарет в кровати среди развалин – и здание решили не трогать. Сегодня Шарлоттенбург – одна из главных достопримечательностей Берлина. Как и еще один легендарный дворцовый комплекс – расположенный в соседнем Потсдаме Сан-Суси, «беззаботная» резиденция Фридриха Великого. Эдакий берлинский Версаль. Ну, или берлинский Петергоф.

В Потсдаме, в нескольких километрах от Сан-Суси, можно обнаружить гораздо менее роскошный и менее известный памятник истории – несколько русских изб – остатки деревни Александровки, построенной для осевших тут после Наполеоновских войн русских военных музыкантов. Русских музыкантов, как и русских военных, здесь сегодня, конечно, не осталось. Зато есть лубочный русский ресторанчик, где можно в тоске по родине съесть тарелку борща, порцию пельменей или пропустить рюмочку водки. За дружбу между народами.

*«Крымское время». –
№ 9 (2936). – 27.01.2011.*

53 градуса по Леннону

февраль 2011

Сдаюсь иммиграционным службам – у меня теперь два паспорта.

Один – паспорт гражданина Украины, полученный мною в Симферополе. Другой – паспорт, полученный мною в Гамбурге.

Паспорт... битломана, в который вклеена моя фотография с прической «а-ля Джон Леннон».

Честно говоря, фиг узнаешь.

Такой паспорт выдают каждому посетителю музея «Битлз» в Гамбурге.

Раньше публика валила на легендарную гамбургскую улицу Рипербан главным образом для того, чтобы закатиться в публичный дом или порно-кино-театр. Теперь там еще и одно из мест паломничества битломанов всего мира. Знаменитая «греховная миля», как часто называют Рипербан, стала «милей битломании». Да и вообще, Гамбург – это своеобразный немецкий Ливерпуль. Даже географическое положение двух этих городов отчасти совпадает – они лежат на 53 градусе северной широты.

«Мими, это же здорово, ты только представь себе, я буду получать сто фунтов в неделю, это же просто потрясающе», – уговаривал двадцатилетний Джон Леннон свою тетюшку перед отъездом на первые зарубежные гастроли в Гамбург. Насчет денег он, конечно, преувеличивал, но уж очень хотелось парню вырваться из-под опеки, а заодно и бросить скучный колледж, в котором Джон умудрился за три года учебы провалить абсолютно все экзамены.

Первое выступление «Битлз» в Гамбурге состоялось в клубе «Индра» 17 июля 1960 года. В переводе с немецкого «Индра» означает «Индия». Поперек улицы, где располагался клуб, висел громадный слон, однако внутри это было маленькое занюханное помещение. Ночевать битлам приходилось в соседнем кинотеатре «Бэмби». «Какие-то трущобы Калькутты», – вспоминал барабанивший тогда за битлов Пит Бест.

Сначала битлов принимали в Гамбурге прохладно, а участники выступавшей вместе с ними группы «Синиерз» и вовсе полагали, что «Битлз» – самая серая и беспомощная британская группа, когда-либо гастролировавшая в Германии. Однако постепенно дело пошло на лад. «Мы играли семь вечеров в неделю. Сначала без перерывов до половины двенадцатого, до закрытия клуба, но когда повалил народ, то и до двух часов ночи. Мы видели много диких драк, видели, как люди раскачиваются на люстрах, спрыгивают со столов, ну прямо как в кино», – вспоминал Джон Леннон. – «Мы наяривали что есть силы, громко: бах, бах, бах – немцы это обожают».

Однако «бах, бах, бах» обожали не все немцы. Через два месяца «Индру» пришлось закрыть – соседи жаловались на страшный шум. Тогда «Битлз» переехали в другой клуб – «Кайзеркеллер».

«Я много пил, – признавался Пит Бест. – Тут уж ничего не поделаешь. Нам все время присылали выпивку, и мы, конечно, напивались. У нас было полно девушек. До чего же это оказалось просто – я даже не представлял себе».

Первоначально «Битлз» подписали шестинедельный контракт, однако затем, по требованию публики, его продлевали несколько раз. Битлы провели в Гамбурге пять месяцев, когда вдруг выяснилось, что Джордж Харрисон, которому еще не было восемнадцати лет, должен немедленно покинуть пределы Германии. «Каждый вечер во всех клубах объявляли, что все, кому не исполнилось восемнадцать лет, должны покинуть помещение. Наконец, кто-то сообразил, что мне еще только семнадцать, и у меня нет разрешения ни работать, ни жить за границей. Я должен был уехать», – вспоминал Джордж.

Тем временем оставшиеся битлы перешли в новый клуб – «Топ Тен», но после первого же вечера на них свалились новые неприятности. Пита Беста и Пола Маккартни обвинили в том, что они устроили пожар в кинотеатре «Бэмби», и депортировали из страны. Еще через день отобрали разрешение на работу и у Джона Леннона.

Первые гамбургские гастроли битлов завершились.

«Кошмар, – вспоминал Леннон. – Уезжать вот так, одному. На спине я тащил усилитель и до смерти боялся, что у меня его сопрут. Я ведь не заплатил за багаж».

Джон вернулся из Гамбурга посреди ночи. Чтобы разбудить Мими, ему пришлось кидать камушки в окно ее спальни. «На нем были эти страшные ковбойские сапоги до колен, разрисованные золотом и серебром. Он бросил мне на ходу: «Заплати за такси, Мими». А я успела крикнуть ему в спину: «Где же твои сто фунтов в неделю?» – рассказывала тетка Леннона.

В общем, из первого гамбургского турне битлы вернулись домой в одиночку или по двое, без денег и почти без надежд. И тем не менее, они на самом деле были благодарны опыту, полученному в холодной и поначалу не очень-то гостеприимной Германии.

«Все это сделал Гамбург, – утверждал Джон Леннон. – Именно там мы развернулись. Чтобы завести немцев и не отпускать их двенадцать часов подряд, надо было вкалывать изо всех сил. Останься мы дома, из нас не вышло бы ничего путного. В Гамбурге мы пробовали все, что приходило в голову».

Подражать было некому. Мы играли то, что нам больше всего нравилось. А немцам – чем громче, тем лучше. Но только в Ливерпуле до нас дошло, какая разница между нами и всем этим дерьмом вроде Клиффа Ричардса».

Знаменитая четверка окончательно «спелась» именно в Гамбурге, и, пожалуй, можно сказать, что именно отсюда пошла по всему миру эпидемия битломании.

Два с небольшим года тому назад на Рипербан открыли «Битлз-плац». Главным украшением площади стала скульптурная группа из стали, представляющая пятерку знаменитых музыкантов. Да-да, именно пятерку. В те далекие годы, когда «Битлз» играли в Гамбурге, их было не четверо, как в классическом варианте состава, а пятеро – Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Стюарт Сатклифф и Пит Бест.

Площадь диаметром 29 метров абсолютно круглая, вымощена темным гранитом и выглядит как виниловая грампластинка, на которой кое-где сделаны бронзовые вставки с выбитыми на них названиями и текстами песен «Битлз». Стоимость площади вместе со скульптурной группой – 550 тысяч евро. 350 тысяч из них выделило правительство Гамбурга, остальные 200 тысяч – вклад спонсоров и пожертвования частных лиц из разных стран мира.

Еще несколько месяцев спустя, в мае 2009 года, на Рипербан, в здании, выходящем непосредственно на «Битлз-плац», открылся пятиэтажный (!!!) музей «Битлз». Проект создания музея стоимостью около двух с половиной миллионов евро финансировала концертная компания FKPScoreio.

Что любопытно, музей «Битлз» разместился в здании бывшего эротического музея. Так битлы отвоевали у помешанного на сексе Рипербана еще немного «жизненного пространства».

Тематические разделы музея рассказывают об истории «Битлз», начиная с их первых гамбургских гастролов и заканчивая распадом группы. Среди экспонатов – фотографии, газетные вырезки, афиши гамбургских выступлений, первый договор на запись пластинки Му Bonny от 12 мая 1961, многочисленные битловские сувениры тех лет, вплоть до женских чулок с портретами музыкантов. Здесь же – рояль Джона Леннона периода записи «Белого альбома», картины первого бас-гитариста «Битлз» Стюарта Сатклиффа, деревянная сцена с инструментами, сделанная из досок из Star-Club – еще одного гамбургского клуба, в котором довелось играть битлам, и многое-многое другое.

Но, пожалуй, главное, что есть в этом музее – это атмосфера эпохи. Ты как будто проваливаешься на пятьдесят лет назад. Ее, эту атмосферу шестидесятых, можно увидеть, услышать (в музее все время звучит музыка «Битлз»), пощупать (главное, чтобы не заметила администрация, впрочем, надо сказать, что она не донимает посетителей излишним вниманием), попробовать на вкус (в кафе «Битломания») и унести с собой, купив что-нибудь в сувенирной лавке. Я купил там жестяную копилку, оформленную в стиле обложки одного из самых знаменитых альбомов «Битлз» – Abbey Road. Буду собирать деньги на поездку в Ливерпуль.

«Крымское время».
№ 12 (2939). 03.02.2011

Химия Каталонии

июль 2012

Если иностранный турист откуда-нибудь из Испании решит составить себе представление об Украине, ему куда угодно – в Киев, во Львов, в Полтаву, но никак не к нам в Крым, потому что исторически, культурно, литературно, да как угодно Крым – это не Украина. Точно так же и вы, если вдруг решите когда-нибудь побывать в Испании, ни в коем случае не едьте в Барселону. Когда футбольная «Барса» играет у себя дома на «Ню Камп», ее болельщики обязательно вывешивают на трибунах огромный баннер: «Каталония – это не Испания». И это не проявление сепаратизма. Это констатация факта. Каталония – это действительно не Испания. И плевать, что политическая карта мира утверждает обратное.

Противостояние с Мадридом уходит своими корнями вглубь веков и выплескивается на поверхность в тысяче деталей – спортивных, языковых, архитектурных, живописных, танцевальных. «Барса», а не «Реал». Каталонский, а не испанский или, точнее, не кастильский. Гауди, а не Эррера. Дали, а не Веласкес. Сардана, а не фламенко.

Что представляет собой любая страна, любой регион, любой город? Сумму достопримечательностей? Нет, это не арифметика. Это не сумма исторических персонажей, музеев, памятников, улиц, площадей и пейзажей. Это... химия. Сложная реакция, в которую вступают все эти «субъекты» и «объекты» у нас внутри.

Я не знаю, как у тысяч других туристов – маленьких прилежных японцев, нагловатых, чувствующих себя везде как у себя дома американцев, все меньше и меньше отстающих от них по этой части россиян – а у меня в Барселоне есть свой индивидуальный вид транспорта. Нет, не такси, не метро и даже не канатная дорога с Монжуика к пляжам Барселонеты.

Мой индивидуальный вид транспорта – машина времени.

Самая настоящая.

Я заглядываю в старинный, состоящий из узких запутанных улочек Готический квартал и оказываюсь в XIV столетии – золотом веке средневековой Барселонеты. К тому времени графы Барселонские, ставшие королями Арагона, захватили Сицилию, Корсику, Сардинию, взяли Константинополь и Афины. И именно в ту давнюю пору у каталонцев сформировалось представление о себе как о нации интеллектуалов и первооткрывателей.

А вот – в конце знаменитой барселонской Рамблы, почти у самого Средиземного моря – стоит и один из таких первооткрывателей – Христофор Колумб, указывая рукой куда-то в сторону... Нет, не Америки, а Африки. Почему? Ну,

об этом надо было бы спросить у скульптора. А впрочем, это не главное, главное, что Колумб, которого каталонцы считают своим земляком, расположился спиной к Испании и лицом к остальному миру.

Хотя, с другой стороны, культ Колумба в Барселоне может показаться немного странным, ведь, в сущности, он является виновником упадка города. После открытия Америки Барселона уступила славу главного испанского порта Кадису и Севилье – именно оттуда направлялись в Новый Свет на своих галеонах испанские конкистадоры в панцирях железных в поисках новых земель, золота и славы.

Однако вернемся в мою машину времени.

На этот раз она принимает вид антикварного синего трамвая, на котором туристы добираются от площади Джона Кеннеди (вот уж не знаю, чем так полюбился барселонцам президент США) до площади Доктора Андреу. А дальше – на таком же антикварном фуникулере на самую высокую точку Барселоны – гору Тибидабу.

Тибидабу в переводе с латыни означает «все это дам тебе!» Фрагмент искусовых слов Сатаны, обращенных к Христу: «Берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне». С горы действительно открываются потрясающие виды на город, а кроме того, там находится парк аттракционов, большинство агрегатов которого – Чертовое колесо, карусели, американские горки и т.д., и т.п. – сохранились неизменными с тех пор, когда электричество было еще в новинку, а аттракционы на Тибидабу – первым и единственным луна-парком на Пиренейском полуострове.

Моя Каталония, если можно так выразиться, стоит на трех китах.

Первый – архитектор Антонио Гауди.

Он оставил после себя восемнадцать сооружений, четырнадцать из которых – в Каталонии, в том числе двенадцать – в Барселоне. Гауди почти не покидал свою провинцию и отказывался говорить по-испански, вплоть до того, что объяснялся с рабочими через переводчика.

Его главное произведение – может быть, самый необыкновенный храм в мире – церковь Святого Семейства. Саграда Фамилия была заложена в 1882 году во искупление грехов общества. Гауди провел на строительстве церкви 44 года, поначалу совмещая эту работу со светскими заказами, а в 1912 году и вовсе забросив мирские дела и поселившись прямо на стройплощадке.

Как утверждает знаменитый исторический анекдот, однажды кто-то принялся упрекать архитектора в медлительности, на что Гауди спокойно ответил: «Мой заказчик никуда не торопится».

Летом 1926 года 74-летнего Гауди переехал трамвай. Говорят, он бы выжил, но таксисты долго отказывались подбирать дурно одетого бродягу. Как результат, один из величайших барселонцев всех времен умер через три дня после несчастного случая в больнице Санта-Крус.

К моменту смерти архитектора в церкви Святого Семейства были закончены только крипта, фасад Рождества и башня Святого Варравы. К началу гражданской войны бывший ассистент Гауди построил еще три точно такие же башни – всего же их должно было быть двенадцать, по числу апостолов, плюс четыре побольше, по числу евангелистов, плюс одна еще больше, в честь Богородицы, плюс самая большая, 170-метровая башня башен, посвященная Христу.

Строительство Саграда Фамилии продолжается и до сих пор. Вроде бы планируется, что оно завершится в 2025 году, но, честно говоря, в это мало кто верит – в конце концов, зря что ли Саграда Фамилию называют «собором, который никогда не будет достроен».

Второй кит моей Каталонии – Сальвадор Дали.

Живописец, график, скульптор, режиссер, писатель, он родился и умер в маленьком каталонском городке Фигерасе, который после смерти Дали стал меккой для почитателей его таланта и просто празднующихся и празднующихся на окрестных пляжах Коста-Бравы туристов.

В 1960 году тогдашний мэр Фигераса попросил Дали подарить городу одну из его работ, а художник взял да и подарил целый театр-музей, который был построен по его собственному проекту. Театр-музей открылся еще при жизни Дали, в 1974 году, а его собрание составила собственная коллекция художника. Ну и, наконец, там же, в театре-музее, находится склеп, в котором похоронен Дали.

Я приехал в Фигерас из Барселоны часов в девять утра. У входа в театр-музей уже выстроилась длинная-длинная очередь. Театр Дали – второй по посещаемости музей в Испании после мадридского Прадо. Какой-то каталонец играл на аккордеоне до боли знакомую мелодию. Я прислушался. Точно: «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете».

Выбор уличного музыканта был неслучайным – русский язык звучит в Фигерасе едва ли не чаще, чем каталонский или испанский. Правда, большинство наших туристов привозят сюда в организованном порядке, автобусами, с находящегося всего в нескольких километрах от Фигераса побережья Коста Брера, плотно оккупированного любителями пляжного отдыха из России.

Кстати говоря, на горе Тибидабу, у входа в парк аттракционов, посетителей встречают приветствия на разных языках. И первым, в самом верху, значится: «Добро пожаловать!» Так что, если так пойдет и дальше, скоро русский будет еще одним официальным языком Каталонии.

Однако я немного отвлекся.

Мой последний, третий, каталонский кит – это... футболисты «Барселоны». Пожалуй, впервые «Барса» создала уникальную футбольную команду в семидесятых годах прошлого века, когда туда перешел легендарный голландец Йохан Кройф. Потом, в девяностых, тот же Кройф создал в Каталонию великую команду уже в качестве тренера. И наконец уже в XXI веке каталонцы сумели создать суперклуб почти исключительно из своих воспитанников – Хави,

Иньесты, Пуйоля, Бускетса, Педро и других. И даже великий аргентинец Месси (добавьте к его фамилии всего одну букву – и получится футбольный Мессия) – тоже воспитанник клуба и значит, почти каталонец.

Вы спросите, почему я выбрал именно их – Гауди, Дали и футболистов «Барселоны»? Я отвечаю: потому что они, каждый в своем деле, сделали то, чего до них не делал никто.

Ну и последнее.

Каталония – это не только то, что там есть, но и то, чего там нет. А нет там дикой национальной испанской забавы – корриды. Парламент Каталонии запретил ее летом 2010 года. Это был демонстративный жест, символ цивилизованности и морального превосходства над Мадридом. Символ того, что, как я уже писал в начале этих заметок, Каталония – это не Испания. Многие каталонцы смотрят на жителей остальной Испании, как на варваров-африканцев. Туда, к ним, на корриду, и лежал мой путь из Барселоны, однако об этом – ровно через неделю.

«Крымское время».

№76 (3149). – 26.07.2012.

Анатомия Испании

август 2012

Я вынырнул из подземки на главную площадь Испании в воскресенье в семь часов утра. Заплеванная и заблеванная Пуэрта дель Соль была покрыта пустыми бутылками, окурками и прочим городским мусором похлеще, чем это бывает по утрам с площадкой перед «Сельпо» в Симферополе. У фонтана сидела компания вдрызг пьяных парней. Рядом, на скамейках и прямо на асфальте, спали оборванные бродяги.

Я купил в едва открывшемся ларьке туристическую карту Мадрида, встал в центре площади и попытался понять, куда двигаться дальше. Именно здесь, в «нулевой точке», от которой начинается отсчет всех дорог в королевстве, сосредоточен смысл Мадрида. В какой-то степени Мадрид для Испании то же самое, что Симферополь для Крыма. Это сравнение, конечно, хромает по-сильнее, чем Росинант, но одновременно и кое-что объясняет. В Крыму, кроме Симферополя, есть легендарный Севастополь, богатая Ялта, демократичная Алушта и древняя Феодосия. В Испании, кроме Мадрида, есть легендарный Кадис, богатый Сан-Себастьян, демократичная Валенсия и древняя Севилья. Но именно Симферополь и Мадрид являются главными интеллектуальными и политическими центрами, которые объединяют эти и все остальные города, поселки и деревни полуострова в единое целое.

«Мадрид, в сущности, странный город. Я уверен, что с первого раза он никому не может понравиться. В нем совсем нет того, чего привыкли ждать от Испании. Это вполне современный город, без всякой экзотики: ни национальных костюмов, ни кордовских шляп – разве что на голове какого-нибудь шарлатана, – ни кастаньет, ни отвратительных подделок вроде цыганских пещер в Гренаде. Во всем городе нет ни одного уголка с местным колоритом на потребу туристам. Но когда вы узнаете его поближе, вы почувствуете, что это самый испанский город в Испании», – писал в свое время Эрнест Хемингуэй.

И, думаю, был абсолютно прав.

Если сравнить Испанию с живым организмом, то Мадрид и его окрестности – сердце страны. И, значит, я в самом сердце одного из величайших государств мира.

В XVI веке над Испанской империей никогда не заходило солнце – Британия тогда и мечтать не могла о таком «титуле». С тех пор некогда могущественная монархия захирела, скукожилась и ныне практически целиком уместается на Пиренейском полуострове. К тому же в стране экономический кризис, безработица перевалила за двадцать процентов, подданные короля Хуана Карлоса I все чаще и чаще выходят на забастовки, требуя не допустить сокращения бюджетных расходов и закрытия предприятий.

Впрочем, отблески было испанского могущества никуда не исчезли. Достаточно упомянуть, что сегодня вся Латинская Америка, за исключением Бразилии, говорит по-испански. Да и во многих Североамериканских Штатах – Калифорнии, Аризоне, Нью-Мексико, Техасе, Флориде – испаноязычных жителей не меньше, а часто и больше, чем англоязычных.

По числу носителей испанский язык занимает второе место в мире, уступая только китайскому. Жаль, я не могу сказать на нем ничего, кроме «буэнос диас», «аста ла виста», «карамба», «мучас грасиас» и «но пасаран»...

Еще одно доказательство испанского величия – художественная галерея Прадо – самый посещаемый музей Мадрида и всей страны. Диего Веласкес, Франсиско Гойя, Эль Греко, Бартоломе Эстебан Мурильо и компания пока все-таки затыкают за пояс великого каталонского мистификатора, жулика и проходимца Сальвадора Дали – его театр-музей в Фигерасе, как я упоминал в своих предыдущих заметках, – второй по посещаемости музей страны.

Именно туда, к Веласкесу, Гойе и Эль Греко, и лежал мой путь из нулевой точки на Пуэрта-дель-Соль. Прадо открывается в десять часов утра, однако уже к девяти в него выстроилась длинная-длинная очередь, в которой я занял почетное 37 место. К открытию в очереди стояло уже человек двести – как говорил, пусть и по другому поводу, князь Мышкин: «Красота – это страшная сила».

Нет, я не знаток живописи.

Просто, я думаю, есть картины, которые надо увидеть «живьем» для того, чтобы понять природу страны. В Прадо таких немало – две махи Франсиско Гойи, его же «Расстрел в Мадриде 2 мая 1808 года», «Распятый Христос» и «Изгнание мавров» Веласкеса, «Троица» и «Рыцарь с рукой на груди» Эль Греко...

Хотя, между прочим, пожалуй, самое большое скопление туристов в Прадо все-таки не возле картин Гойи, Веласкеса или Эль Греко, а возле модного загадочного фламандца Иеронима Босха. Именно в Прадо висит его самый знаменитый триптих «Сад земных наслаждений» и именно возле него собирается самая большая толпа жаждущих наслаждений зевак.

Мадрид стал столицей Испании довольно поздно – в XVI веке. Поэтому для того, чтобы глубже погрузиться в испанскую историю, я отправился на юг, в древнюю столицу страны. Именно там, в Толедо, законсервирована «правильная», «образцовая» Испания: аутодафе, гофрированные воротники, замковые ворота, идалго. Сегодняшний Толедо – огромная сувенирная лавка в средневековых интерьерах. Красивейший город, исторический центр которого – одна из жемчужин списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Сервантес называл Толедо «славой» и «светом», Лопе де Вега – «сердцем», а Бедекер – «каменным свитком испанской истории». Последнее определение кажется мне самым точным.

В Толедо есть известные музеи, но их можно не посещать, потому что, просто приехав в этот город, вы уже попадаете в огромный музей под открытым небом.

Я хлебал гаспачо рядом с кафедральным собором и думал о том, что Толедо – это моментальный снимок эпохи благородных, но жадных рыцарей, аскетичных монахов, фанатичных инквизиторов и несчастных ведьм, которых тысячами жгли на кострах во славу господню.

В 1923 году Луис Бунюэль основал «Орден Толедо», назначив себя гротескмейстером, а Лорку, Альберти и Дали – рыцарями. Чтобы быть рыцарем Ордена, надо было безоговорочно восхищаться Толедо, пить ночи напролет и бесцельно шататься по городу. Увы, я не могу претендовать на этот титул, потому что выполнил только два условия – в восхищении бесцельно прошатался по городу весь день, однако ближе к ночи не запил, а уехал обратно в Мадрид, чтобы на следующее утро отправиться на север – в Эскориал.

Серая суровая громада Эскориала блестяще вписана в амфитеатр таких же серых и суровых гор Гуадаррамы. При этом дворец-монастырь гармонирует не только с Гуадаррамой, но и с характером своего хозяина – Филиппа Второго – набожного католического монарха, не слишком жалевшего ни своих, ни тем более чужих подданных.

Внутри Эскориала, как когда-то внутри самого Филиппа Второго, кипят религиозные страсти на полотнах великих мастеров – Диего Веласкеса, Эль Греко, Хосе де Риберы, Паоло Веронезе, Тициана и многих других. Вся коллекция – сплошь религиозные, прежде всего – евангельские сюжеты.

Эскориал – не только королевский дворец и не только монастырь, но и мавзоль испанских монархов. Двадцать шесть роскошных гробниц – все, что осталось от великих мира сего – хозяев некогда величайшей империи мира, и заодно напоминание о том, что «все мы там будем». Кто-то – в бронзовой гробнице невероятной цены, кто-то – в простом деревянном гробу, а кто-то и вовсе в полиэтиленовом пакете – какая на фиг разница.

В четырнадцати километрах от Эскориала находится еще один мавзоль – уже из новейшей испанской истории. Прямо в скале в горах Гуадаррамы – там, где когда-то сражались старик Хэм и герои его знаменитого романа «По звонит колокол» – вырублена самая большая в мире базилика, над которой возвышается огромный 150-метровый крест.

Этот циклопический мемориал был построен по приказу испанского диктатора Франсиско Франко в честь окончания Гражданской войны в Испании. Официальная пропаганда франкистов утверждала, что это «мемориал примирения». Однако какое к черту примирение, если в ходе строительства использовался почти исключительно дешевый рабский труд проигравших войну республиканцев, – это как если бы у нас красные построили «мемориал примирения» силами пленных белогвардейцев.

В базилике всего две именные могилы: одна – каудильо Франсиско Франко, другая – лидера фалангистов маркиза Примо де Риверы, так что, в сущности, весь комплекс – не что иное, как их мавзоль.

Испанцы «Долину павших» не любят – стараются и сами обходить ее стороной, и лишний раз не показывать иностранцам. Туда ходит всего один автобус в день – из Эскориала, да и на тот еще надо умудриться сесть. Мне, например, просто отказались продавать билет. Кассир с недовольным и решительным видом, как будто я спросил у нее о чем-то абсолютно неприличном, на ломаном-переломаном английском заявила, что сегодня мемориал закрыт и поэтому автобус туда не заходит. Я спросил, а как насчет завтра? Завтра, ничтоже сумняшеся ответила она, тоже будет закрыто.

Видимо, есть негласная установка: под любыми предлогами – камнепадов, реконструкции, эпидемии бубонной или коричневой чумы – пускать в «Долину павших» как можно меньше посетителей, особенно праздношатающихся иностранных туристов.

Сегодня это заноза в сердце Испании, самый мрачный памятник испанской истории, окутанный ореолом угрюмой таинственности, страшного преступления, которого стыдятся и которое безуспешно стараются забыть.

«Крымское время».
№ 82 (3155). 09.08.2012.

Философия корриды

август 2012

*«Никогда не скучайте на своем первом бое быков,
Роберт, – сказал Майкл. – А то может выйти скандал».*

Эрнест Хемингуэй, «Фиеста»

Матадор приготовился к очередной – уже пятой по счету попытке. Бык стоял напротив него, истекая кровью и расставив ноги, готовый к тому, чтобы принять последний удар. Матадор привстал на носочки, прицелился и попытался вонзить шпагу в загривок животному.

Мимо.

Я больше не мог терпеть этого издевательства и заорал на чистейшем русском языке: «Дайте ему ружье!» Публика вокруг грохнула от смеха...

Нет, испанцев трудно назвать полиглотами. Абсолютное большинство из них не знают ни слова не только по-русски, но и по-английски. Просто вокруг сидело много наших туристов.

Сегодня коррида в Испании – это часть большого туристического бизнеса.

По моим прикидкам, из десяти-двенадцати тысяч зрителей, которые собрались в тот вечер на главной арене страны – мадридской «Лас Вентас» – как минимум половину, если не больше, составляли иностранцы, пришедшие взглянуть на диковинную испанскую забаву, уходящую корнями в темную глубь веков.

Говорят, история корриды, скорее всего, восходит аж к бронзовому веку, к иберам, населявшим Пиренейский полуостров и почитавшим быка священным животным.

Столетиями бои быков в Испании устраивали прямо на центральных площадях городов. В Мадриде, например, это происходило на Пласа Майор – там, где сейчас тысячи иностранцев с утра до поздней ночи цедят дешевое туристическое пойло под названием сангрия, которое изготавливается из недопитого местными вина, смешанного со льдом и сахарным сиропом.

Потом во всех более или менее крупных городах построили специальные красно-коричневые, цвета запекшейся бычьей крови, арены для корриды. По своему строению они напоминают римский цирк, в котором сражались гладиаторы, с расположенными амфитеатром местами для зрителей и круглой ареной с песочным покрытием. Да и сама коррида, честно говоря, здорово похожа на гладиаторские бои в Древнем Риме.

Для того, чтобы страна увлекалась боем быков, ее жители должны интересоваться смертью, считал старик Хемингуэй. «Англичане и французы живут

для жизни. У французов создан культ почитания усопших, но самое главное для них – повседневные житейские дела, семейный очаг, покой, прочное положение и деньги, – утверждал писатель. – Англичане тоже живут для мира сего и не склонны вспоминать о смерти, размышлять и говорить о ней, искать ее или подвергать себя смертельной опасности, иначе как на службе отечеству, либо ради спорта или за надлежащее вознаграждение. А в общем – это неприятная тема, которую лучше обходить, в крайнем случае можно сказать несколько душеспасительных слов, но уж никак не следует вникать в нее».

Испанцы (и русские – добавлю я) – другое дело.

Коррида – это поединок человека со смертью, олицетворением которой является разъяренный черный бык. И его апофеоз – момент истины, как говорят испанцы – это заключительный удар шпагой.

Публика гудела, свистела и улюлюкала.

Ружья незадачливому матадору никто не дал, и он пошел на шестой круг.

Тут, наконец, удача повернулась к нему лицом – матадору удалось вонзить шпагу между лопаток окровавленного животного. Бык попытался шагнуть вперед, ноги его стали подгибаться, он зашатался, помедлил и упал на колени. Бандерильеро нагнулся над ним и всадил в загривок у основания рогов короткий нож.

Бык рухнул, дернулся и застыл.

Матадор вытер рукой пот.

К мертвому быку пристегнули мулов, и они, рванувшись, пустились вскачь. Бык заскользил по арене, оставляя на песке широкую полосу, и скрылся в воротах. А незадачливого матадора местные закидали подушками для сидения – самый большой позор, который может выпасть на долю тореро. Он выиграл поединок со смертью, но, думаю, готов был тут же умереть от стыда.

Я не стану выдавать себя за знатока корриды. Я не знаю и не собираюсь изучать тонкостей этого кровавого искусства. Мастерство втыкания бандерилей и орудования мулетой навсегда останется для меня тайной, покрытой ночным пиренейским мраком. Я смотрел корриду примерно так же, как какая-нибудь домохозяйка смотрит футбольный матч – не зная фамилий игроков и тренеров и ни бельмеса не понимая в тонкостях тактической расстановки и особенностях исполнения тех или иных технических приемов.

«Скрещивания» и «забегания» в футболе, «вероники» и «китэ» в корриде – все это для гурманов. Для нас с домохозяйкой главное – кипящие на стадионе страсти, сюжет поединка и счет на табло.

Я болел за слабейшего, то есть – за быка.

Нет, я, конечно, понимал, что у быка практически нет шансов, но мне отчаянно хотелось, чтобы он нанизал прямо у меня на глазах на свои роскошные рога кого-нибудь из этих блестящих, разукрашенных стразами торедоров.

Просто в порядке восстановления справедливости.

Увы, «моя команда» как всегда проиграла. Но и победители, смею вас уверить, натерпелись страху. Один бандерильеро стоял буквально в нескольких

метрах от меня, прячась от разъяренного быка за специальным щитом и часто-часто крестясь в надежде, что всемилостивейший господь сохранит ему жизнь и поможет прикончить несчастное животное. Парню было очень страшно. Это было видно по серому, как пепел испанской империи, лицу, по искажающей его гримасе ужаса, по учащенному лихорадочному дыханию.

Одно из значений испанского глагола *sofger* – испытывать судьбу.

Тореадоры испытывают судьбу.

По подсчетам статистиков, за XIX—XX века в Испании во время боев погибло 63 матадора и 350 бандерильеро, пикадоров, помощников и церемониймейстеров. Последний раз бык убил матадора в Испании в 1985 году. Ранения, естественно, случаются гораздо чаще.

У мадридской арены «Лас-Вентас» воздвигнуты памятники погибшим матадорам, а также... открывателю пенициллина Флемингу от благодарных торепо – ибо после появления антибиотиков смертность от полученных на корриде ранений резко сократилась.

Как я уже упоминал, вместе со мной за корридой на «Лас-Вентас» наблюдали еще десять-двенадцать тысяч зрителей. Несколько десятков из них – не иначе, вегетарианцев – встали и ушли через несколько минут после начала действия. Остальные – то есть, подавляющее большинство, как ни в чем не бывало пили пиво, жевали чипсы и непрерывно щелкали затворами фотоаппаратов, пока тореадоры приканчивали шестерых разъяренных и одновременно беспомощных быков. В этом было что-то отвратительное, но я – щелкал вместе с ними. Что из этого получилось, вы можете видеть на этом газетном развороте.

Коррида – зрелище одновременно философское и жестокое. Впрочем, настоящая философия часто бывает жестока уже хотя бы потому, что размышляет о жизни и смерти.

Современное рафинированное, аккуратно подстриженное, гладко выбритое, sprysнутое парфюмом человечество очень не любит смотреть в лицо смерти. Именно поэтому в последние годы все более и более активным становится общественное движение за запрет корриды. Цивилизованные люди предпочитают, чтобы быков, коров, свиней, баранов, кур и гусей приканчивали подальше от их стыдливых изнеженных глаз и подавали на стол в виде политкорректных стейков, бифштексов и отбивных.

Как я уже рассказывал несколько недель назад, самая богатая провинция Испании – Каталония – запретила корриду в 2010 году. «Для такого города как Барселона закрыть эту арену – почти то же самое, что выкинуть полотна Пикассо в мусор», – заявил один из зрителей последней каталонской корриды и грязно выругался сразу на двух языках – кастильском и каталанском.

Как утверждают поклонники корриды, большинство каталонцев выступают против корриды, потому что они непатриоты и сепаратисты, выступающие против истинно испанских традиций.

Другое дело – столица империи.

Мадрид, наоборот, возвел корриду в ранг искусства.

Не так давно правительство Испании издало декрет, согласно которому коррида была передана из ведения министерства внутренних дел в ведение министерства культуры. Таким образом, коррида была признана «видом искусства и культурным явлением», которое министерство культуры будет «укреплять и охранять». И, надо признать, в этом есть большая доля истины – не верите, познакомьтесь хотя бы вскользь с творчеством Франсиско Гойи, Пабло Пикассо, Гарсиа Лорки или Пабло Альмодовара.

Правда, защитники животных не сдаются и намереваются добиться запрета корриды в Европейском парламенте. Однако король Испании Хуан Карлос уже заявил в ответ, что день, когда Брюссель запретит корриду, станет последним днем пребывания Испании в Европейском союзе.

Так что единству Европы угрожает не только экономический кризис...

«Крымское время».
№88 (3161). – 23.08.2012.

На углу у индийской мамочки

январь 2013

В конце XV века легендарному португальскому мореплавателю Васко да Гама для того, чтобы первым из европейцев добраться до Гоа, понадобилось десять месяцев. В начале XXI века мне для этого хватило меньше десяти часов. Тем не менее, мое отношение к Индии – сродни тому, что было у Васко да Гамы или, скажем, у Роберта Клайва, утвердившего в свое время господство Британской Ост-Индской компании в Южной Индии и Бенгалии. Нет-нет, я не собирался присоединять Индию к Украине, хотя, по мнению некоторых отечественных «историков», в древние времена наша могучая держава и простиралась от Рейна до самого Ганга. Не было у меня в планах и прикасаться к духовным корням великой индийской цивилизации, бить поклоны какому-нибудь Вишну или Шиве и «медитировать на потолке, облитым дешевым вином». Я собирался просто намочить тапочки в Индийском океане, посмотреть на «третий мир», «награбить» эмоций, короче – перезарядить аккумуляторы.

В Гоа меня встречал человек, хорошо знакомый постоянным читателям нашей газеты – генеральный директор туристической фирмы «СНП-Крым», географ и журналист Иван Коваленко, коротающий в индийских тропиках уже не первую зиму.

Я вышел из здания аэропорта в пуховике и теплых ботинках. Жаркий и влажный тропический воздух мгновенно затопил меня с головы до ног. Мы сели в такси. Проехали несколько минут. Остановились у берега океана. Поскольку, по одной из версий, аббревиатура СНП расшифровывается как «скорей налеф портвейна», Иван откупорил бутылку отвратительной местной бормотухи, которую здесь пытаются выдавать за благородный напиток. Мы выпили. Закусили манго. Я закурил и пожалел, что не привез за тридевять земель «красного крымского южнобережного».

Я до сих пор ни разу не был в странах с левосторонним движением. Поначалу все время кажется, что кто-то несется по встречной прямо тебе в лоб. К тому же на дороге – самый настоящий хаос. Правил дорожного движения нет или почти нет. Вместо того, чтобы смотреть на знаки или дорожную разметку, индийцы непрерывно сигналият друг другу, предупреждая... черт знает о чем. Водитель едет в рваном ритме, то ускоряясь, то притормаживая. Начинает подташнивать – то ли от такой манеры езды, то ли от местного портвейна.

В Индии есть местные машины – «Таты» и «Махиндры», есть легендарные «тук-туки» – но сегодня это уже скорее туристический колорит. Есть скутеры – в Гоа это основной вид транспорта. А есть народный автомобиль. И этот

народный автомобиль – ...японский «Сузуки», собранный на заводе в Индии. Именно их – «Сузуки» – здесь больше всего – так сказать, гримасы глобализации.

Наконец через час – наша деревушка Сиолим.

«Мама's Corner» – в смысле, «на углу у индийской мамочки». Здесь я буду базироваться следующие восемь дней, пытаюсь отмокнуть в теплом Индийском океане, омерзительных местных алкогольных напитках и замечательных фруктовых соках.

Говорят, один из множества индуистских богов специализируется на том, что крадет у людей время. Не знаю, так ли это с теологической точки зрения. С практической – 100%. И, боюсь, этот бог – одна из причин того, почему Индия и другие страны третьего мира живут так, как они живут – медленно, лениво, бедно и грязно. Не единственная, конечно, но одна из...

Я физически чувствовал, как секунды, минуты, часы просачивались у меня сквозь пальцы. Я пытался их удержать, а они просачивались и капали-капали-капали в пустоту небытия.

Чтобы сделать в Индии какое-то одно простейшее дело, надо потратить несколько часов. Даже просто пообедать в индийском ресторанчике нельзя быстрее, чем за час-полтора, хотя для того, чтобы съесть еду, достаточно десяти минут. Все остальное время уходит на ожидание – сначала официанта, потом – заказа, потом – счета...

Короче, индийцу и в голову бы никогда не пришло поступить так, как поступил в свое время Васко да Гама – сесть на корабль и плыть куда-то за тридевять земель. Зачем, если и так тепло, много рыбы и фруктов?

Индийцам некуда торопиться. У них впереди – длинная цепь перерождений на пути к освобождению. Как это там у Высоцкого? Хорошую религию придумали индусы: что мы, отдав концы, не умираем насовсем. «Живи себе нормальненько – есть повод веселиться: ведь, может быть, в начальника душа твоя вселится. Пускай живешь ты дворником – родишься вновь прорабом, а после из прораба до министра дорастешь, но если туп, как дерево – родишься баобабом и будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь».

Правда, боюсь, среднестатистический индус с его темпом жизни и за тысячу баобабских лет не сделает того, что организованный европеец в состоянии сделать за несколько дней. Это я не к тому, что мы лучше. У нас в стране со скоростью и организованностью, собственно говоря, тоже проблемы. Это я к тому, что они – другие. Больше того, может быть, они даже правы, и нам действительно некуда торопиться. Ибо все там будем. Просто одних сожгут, а пепел спустят вниз по Гангу, а других – закопают гнить где-нибудь на Абдале. Только и всего...

Гоа говорит, читает и пишет по-русски: русскоязычные вывески, меню, реклама и т.д., и т.п. Как заметил о Париже один из героев хемингуэвской «Фиесты», «too many compatriots». А впрочем, где их сейчас мало – наших соотечеч-

ственников – в Париже что ли? Или, может быть, в Лондоне? Я иногда просто мечтаю найти на этой земле место, где нельзя было бы услышать русской речи. Не из ненависти к соотечественникам. Из интереса к тому, а остались ли еще такие места.

Русских в Гоа можно разделить на несколько групп. Тут и «туристы-пакетники»; и люди, увлеченные восточной религией и культурой; и дауншифтеры, коротающие свою жизнь в тропическом тепле, сытости и пьянстве; и работающие дистанционно пролетарии умственного труда – компьютерщики, дизайнеры, сценаристы и прочая, и прочая, и прочая; да и просто бродяги наконец.

Кроме них, здесь хватает и другого иноземного люда. Это неудивительно, если вспомнить о том, что именно Гоа в конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века стал последним прибежищем хиппи. Они съезжались сюда из Европы и Америки в поисках свободы и любви, прочь от шумных городов, холодного климата и необходимости жить по расписанию. Здесь, на пляжах Анджуны, Вагатора и Арамболя, проходили первые Гоа-пати. Сюда приезжали такие легенды, как «Led Zeppelin» и «The Who». Позже, в восьмидесятых, Роберта Планта, Джимми Пейджа, Пита Таунсенда и других «бронтозавров рока» практически вытеснила музыка «транс», в которой я, честно говоря, ни фигя не понимаю, но и сейчас в небольшом ресторанчике «The One» – рядом с «Мама`s Corner» – с утра до вечера крутят мой любимый «Led Zeppelin».

There`s a lady who`s sure
All that glitters is gold
And she`s buying a stairway to heaven.

Если «цепелины» и правда были в Гоа, то посещение этих мест «битлами» – выдумка. Леннон и компания действительно побывали в свое время в Индии, в ашраме в Ришикеше, у жулика и проходимца Махариши, однако об их посещении Гоа никаких документальных свидетельств нет. Вместо них – живучая легенда о том, что Джон, Пол, Джордж и Ринго якобы медитировали в джунглях Северного Арамболя, под сенью гигантского баньяна, иногда даже именуемого в местных путеводителях Beatles Tree.

Я там был.

Под баньяном, который не что иное как гигантский... фикус, сидит и делает вид, будто медитирует, куча обкуренного народа – некто, кого, наверное, можно назвать последними хиппи. Увы, сегодня это всего лишь группка жалких опустившихся людей, а посещение «Beatles Tree» – туристический аттракцион, куда толпами водят за деньги туристов из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и еще какой-нибудь Самары.

Заглядывают в Гоа и туристы из других регионов Индии. Сравнительно рядом – в часе лета – Бомбей (или Мумбаи, как с некоторых пор именуется этот город в свободной Индии). Соответственно, в Гоа прилетают и приезжают потусоваться богатые индусы. Такие тоже есть. Их, конечно, в десятки тысяч

раз меньше, чем бедных, но они есть. Ибо, как известно, если в стране ходят какие-то денежные знаки (в данном случае – рупии), значит, есть и люди, у которых их много.

Надо сказать, богатые бомбейцы отличаются от местной бедноты. Как правило, они большие, щекастые, пузатые, довольные жизнью и по-европейски одетые. В общем, жители Мумбаи там – как у нас москвичи. Их также недолюбливают и одновременно так же хотят уехать в Мумбаи заколачивать большую мумбайскую деньгу.

Кстати говоря, именно в Мумбаи жил киношный «миллионер из трущоб». Это вообще очень индийский образ. Чего-чего, а трущоб в Индии вдоволь. Население страны составляет 1.200.000.000 человек, около трехсот миллионов (!!!) из которых живут меньше, чем на полдоллара в день.

При этом одновременно Индия – одна из крупнейших экономик мира, серьезный экспортер программного обеспечения, а также финансовых и технологических услуг.

В общем, страна контрастов.

«Крымское время».
№4 (3219). – 17.01.2013.

В гашишном «раю»

январь 2013

Я расплавился и оплыл на тропический песок безвольным бессильным густком. Туземцы в нескольких метрах от меня стали двигаться медленнее, как будто кто-то включил режим замедленного воспроизведения. Их голоса стали глуше, дальше и превратились в нечленораздельное гипнотическое бормотание. Пальмы искривились, словно карликовые березы. Я закрыл глаза и стал ждать, когда мир опять приобретет нормальные черты. Однако не тут-то было. Из дурмана материализовался восседающий на крысе многорукий толстяк с головой слона – индуистский бог мудрости и благополучия Ганеша – такой может родиться только в гашишных снах.

У здешних туземцев много разных богов.

Гоа четыре с половиной столетия – до 1961 года – находился под властью Португалии. И, соответственно, тут очень много христиан-католиков. Согласно официальным данным, они составляют 27 процентов жителей штата. Больше только индуистов – 65 процентов. В результате португальского влияния в головах у местных жителей причудливо перемешались христианские и индуистские боги, уже много столетий дуращие головы миллионам (а сейчас так и вовсе – миллиардам) обитателей планеты Земля.

Католические храмы и часовенки натканы в Гоа, наверное, через каждые сто метров. Индуистские – не реже. Тут – Христос, а рядом – Шива. Там – дева Мария, а рядом Парвати.

В общем взаимопроникновение культур.

От португальцев гоанцам досталось и их главное архитектурное наследие – городок Старый Гоа, ранее являвшийся столицей португальской Индии. Исторический центр этого населенного пункта входит в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. У нас в Крыму, между прочим, пока ни Херсонес, ни Бахчисарайский дворец, ни Судакская крепость, ни другие объекты такой чести не удостоились.

Главные достопримечательности Старого Гоа – археологический музей, кафедральный собор, портретная галерея португальских губернаторов, среди которых и сам легендарный Васко да Гама.

Плакаты у входа в археологический музей тщетно призывают туземцев не мусорить. Нет, сам историко-культурный комплекс чист и опрятен, но стоит отойти на пятьдесят метров в сторону – и ты попадаешь на... мусорник, который представляет собой значительная часть современной Индии.

Я ни разу не видел в Гоа такой простой вещи, как... урна. Ощущение, что коммунальных служб там просто не существует. И туземцы, и туристы вы-

брасывают мусор в лучшем случае в джунгли, в худшем – прямо на улицу. В общем, такое ощущение, что в Индии урны только для... кремации.

У меня к любой религии отношение, как у «старших товарищей» – Карла Маркса и Остапа Бендера. Если помните, оба они утверждали, что религия – это опиум для народа. Единственное, в случае с Индией точнее было бы выразиться: религия – это гашиш для народа. Чего-чего, а этого добра – в смысле гашиша – там вдосталь. И, увы, надо признать, часть иностранной публики, в том числе и нашей, зависает в Гоа месяцами именно по этой причине.

Выражаясь околонучным языком, традиция употребления наркотических средств в Индии уходит своими корнями в глубину веков. Люди здесь искони курят, едят и пьют производные от конопли продукты.

В конце шестидесятых годов прошлого века в Гоа за дешевой дурью устремились тысячи американских и европейских хиппи. Французская журналистка Сюзан Лабен видела и описала, чем это закончилось для них в начале семидесятых: «На берегах далекой Индии они растают, как дым их трубок. Пока они только теряют пряди своих длинных волос, их набрякшие веки еще не покрылись сетью морщин, но глаза уже успели выцвести, а щеки приобрести землистый оттенок. Их зубы, давно забывшие о пасте, угрожающе шатаются, когда они раскрывают рты в подобии улыбок. Им двадцать лет... Они курят гашиш, передавая по кругу трубки для затяжек, но многие уже прошли этот этап и теперь потребляют другие зелья, лишаящие рассудка, делающие человека жалким рабом, развалиной».

С тех пор прошли десятилетия. За эти годы дежурный брамин кремировал и отправил в гашишный рай не одну тысячу американцев и европейцев, а им на смену приезжают новые и новые – уже не хиппи, а, например, поклонники трансa, которым тоже кажется, что «гаш» дает им мудрость, свободу и счастье.

«С помощью смышленного малыша, знающего несколько английских слов, я добираться наконец до хижин, давших кров «семьям» хиппи, покинувших шумные города ради целительного покоя, – описывала Сюзан Лабен. – «Семья» сплошь и рядом – понятие чисто условное. Под пальмовыми крышами зачастую живут четверо-пятеро человек. Так дешевле. Хижины они снимают у прибрежных рыбаков за четыре доллара в месяц – получается по доллару с головы».

Сейчас в Гоа тоже сравнительно недорого, но чтобы вот так – хижину за четыре доллара в месяц – не получится. Инфляция, однако. Тем не менее сытно поесть в забегаловке для местных можно за доллар (50 рупий). Хороший обед в европеизированном ресторанчике обойдется в 100-200 рупий. Бутылка местного рома – в 100 рупий. Ну а на рынках в Гоа хорошо понимаешь, что ценообразование – механизм не только и даже не столько математический, сколько психологический. Цены в ходе торга могут запросто упасть в четыре-пять раз.

Однако вернемся к рассказу Сюзан Лабен: «Внутри темно. Два топчана, сколоченных из досок. Ни стола, ни стула, ни привычных для хиппи афиш,

не слышно и музыки. Транзисторы и проигрыватели проданы по дороге, да и редко кто из хиппи способен сейчас выносить пронзительные аккорды, без которых они не мыслили себе жизнь в Сан-Франциско, Париже, Амстердаме.

Они даже не дают себе труд выказать случайной посетительнице «ленивую симпатию курильщиков гашиша», о которой писал Бодлер. Здесь они совсем не так общительны, как в Сан-Франциско, не стараются эпатировать или вовлечь в свой круг единомышленников. Здесь они погружены только в себя, стали нелюдимыми и серьезными, до жути серьезными...

Дорогой они продали часы – к чему время человеку, проводящему большую часть времени в дурмане? И куда торопиться, если его никто нигде не ждет? В Бомбее на базаре они продали кольца и побрякушки, купленные в Стамбуле, когда еще оставалось немного монет, продали куртку из овечьей шерсти, приобретенную в Кабуле, продали пластинки, гитары и туфли.

До Гоа они добираются с единственными сокровищами: трубкой и длинными волосами.

...Я вхожу в давно не метенную хижину. У стены, держа на коленях кошку, сидит существо среднего пола в японском кимоно. Четыре испуганных глаза смотрят на меня. Человек говорит столь тихо и невнятно, что приходится то и дело просить его повторить. А говорит он, жеманничая и краснея, следующее: его котик... привык к дыму гашиша... Не найдется ли у меня денег для кота... и для него... Покорно выслушав отказ, он продолжает. Верю ли я в переселение душ? А он верит и желал бы в будущем перевоплотиться в сиамского кота...»

Что ж, будущие сиамские коты и сегодня бродят по Гоа со стеклянными глазами, ожидая реинкарнации.

Формально гашиш и прочая наркота в Гоа запрещены. За выращивание, изготовление, производство, хранение, продажу и употребление дури предусмотрены денежные штрафы, а в отдельных случаях и тюремное заключение, как утверждают – аж до пяти лет. Однако на практике власти смотрят на наркотики сквозь пальцы. С одной стороны, это древняя традиция, освященная родившимся из наркотического дурмана богом мудрости и благополучия по имени Ганеша. С другой – статья экономики – заработок для простого гоанского люда, для местной мафии, а заодно и для полиции, крышующей этот бизнес. Ну и наконец, с третьей – не посадишь же в тюрьму больше половины населения одного отдельно взятого штата или страны в целом.

Еще одно развлечение туземцев (помимо гашиша) – крикет, позаимствованный у англичан и ставший национальным индийским видом спорта. Индусы играют в него на пляжах, на пустырях, просто на улицах. В барах и офисах очень часто включен спортивный канал, где тоже транслируют бесконечный крикет. Вникнуть в суть этой игры времени у меня, к сожалению, не было. Но, судя по выражениям лиц игроков и болельщиков, на поле кипят нешуточные страсти.

Большинство гоанцев говорят на местном тарабарском языке – то ли на конкани, то ли на маратхи. Индийский английский (он же «хинглиш») ужасен, во всяком случае, в исполнении простого люда, но объясниться можно. Кроме того, некоторые жители знают несколько русских слов – «деньги», «очки», «полотенце», «поехали...» Ну и конечно: «покурить?» Именно так, с вопросительной интонацией...

*«Крымское время». –
№10 (3225). – 31 января 2013 г.*

Страна картофельных рвов

ноябрь 2013

«Что тебе сказать о Швейцарии? Все виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно...»

Николай Гоголь

В Базеле мы разговаривали с немецким ученым-историком Алексисом Хофмайстером, который живет и работает сразу в двух странах – Германии и Швейцарии.

– Наверное, Швейцария – самая мирная часть Европы? – наполовину вопросительно, наполовину утвердительно заметил я. – В последний раз эта страна воевала несколько веков назад.

– Некоторые говорят, что Швейцария – не только самая мирная, но и самая скучная часть Европы, – улыбнулся в ответ Алексис.

В известном смысле слова Хофмайстера можно применить не только к Швейцарии, но и ко всем остальным государствам «старой Европы». Это – наверное, одно из самых безопасных и одновременно самых скучных мест в мире. Когда ты приезжаешь сюда не в первый, не во второй и не в третий раз, острота впечатлений от здешней ухоженности, комфорта, вежливости, от идеальных дорог, безукоризненного сервиса и прочих благ цивилизации стирается, и действительно становится немного скучно.

95 процентов граждан Швейцарии довольны своим уровнем жизни, столько же не испытывают проблем с жильем и питанием. 91,4 процента населения довольны состоянием своего здоровья. 86 процентов верят в честность выборов, 85,1 процента доверяют судебной системе, 82,2 процента – правительству. 76,1 процента – одобряют политику государства в области защиты окружающей среды. 70,7 процента – удовлетворены усилиями государства в борьбе с бедностью.

Игрушечные домики, чистенькие, тщательно вымытые, аккуратненькие, довольные жизнью человечки. После нашей необустроенной родины сначала это воспринимается как рай на Земле. А потом хочется куда-нибудь в Индию, в Африку или даже... назад «в Украину». Туда, где мусор выбрасывают под ноги, дороги похожи на трассы для гонок внедорожников, продавцы в магазинах норвежат обсчитать или, на худой конец, хотя бы просто нахамить...

Хочется плюнуть под ноги и выругаться матом, чтобы хоть как-то разрушить эту буржуйскую идиллию. Помните теорию Чарльза Дарвина о естественном отборе? Так вот, я думаю, в «европейской лаборатории» путем противосто-

ственного отбора вывели новый тип человека – аккуратного, законопослушного и трудолюбивого человека, который не выживет ни в Украине, ни в России, ни в Индии, ни в Африке, ни в Латинской Америке.

У властей нет или почти нет проблем с этим новым видом «человека европейского». И это становится проблемой старых европейских стран. «Человек европейский» не выдерживает конкуренции с голодными, злыми, готовыми работать не только руками, но и локтями эмигрантами из Турции, Африки, арабских стран. И, боюсь, рано или поздно эмигранты просто сметут старых европейцев с лица земли.

Так всегда было с империями. Их уничтожали более молодые, более сильные и более невежественные варвары. Так погибнет и нынешняя старушка Европа. И нам всем будет ее не хватать – сказочной, игрушечной, пряничной.

Здесь все бутафорское, игрушечное, даже границы.

Ну вот, например, всем известно, что между странами Европейского Союза фактически нет никаких границ. Швейцария хоть и не является членом ЕС, но входит в Шенгенскую зону, поэтому кордоны со странами-соседями – Германией, Францией, Италией, Австрией и Лихтенштейном – у нее прозрачны.

Однако мало кто, наверное, знает, что Швейцария разделена надвое... «картофельным рвом» – так называемым Рёштиграбен. Рёшти – это национальное блюдо немецкоязычных швейцарцев, изготавливаемое из тертого картофеля с добавками растительных или животных жиров и по вкусу напоминающее наши картофельные оладьи или драники. И, соответственно, Рёштиграбен отделяет немецкую часть Швейцарии от французской и итальянской.

Дело в том, что исторически Швейцарская конфедерация складывалась в условиях сосуществования различных языковых, культурных и религиозных групп. У швейцарцев нет общего языка. Самая крупная языковая группа: германошвейцарцы (65 процентов), затем следуют франкошвейцарцы (18 процентов) и италашвейцарцы (10 процентов). Кроме того, в стране также живут ретороманцы, которые составляют около одного процента населения. Соответственно, немецкий, французский, итальянский и ретороманский – государственные языки Швейцарской конфедерации.

Однако мирное сосуществование этих языковых групп вовсе не означает, что между ними нет конфликтов. Как и, наверное, во всем мире, народы-соседи часто не очень хорошо ладят друг с другом. Начиная с 1874 года, когда была проведена первая тотальная ревизия швейцарской конституции, и до начала Первой мировой войны в стране шли так называемые «референдарные войны» между французской и немецкой общинами. Представители франкоязычных кантонов выступали против любых попыток немецкоязычного большинства укрепить центральную власть в стране.

Эффективным инструментом решения этих разногласий стал референдум, право на использование которого было закреплено в той самой

швейцарской конституции 1874 года. О чем только не спорили германо- и франкоязычные швейцарцы: о правилах регистрации браков, о продолжительности рабочего дня, о запрете (или разрешении) детского труда, о реформировании армии, о школьном образовании, о реформировании банковского законодательства и т.д., и т.п. Иногда кажется, что секрет этих споров прост – что бы ни предложили германоязычные швейцарцы, можно быть уверенным: их франкоязычные соотечественники выступят против. Ну и, соответственно, наоборот.

В последнее время главной горячей точкой в отношениях между немецкой и французской частями Швейцарии является проблема франкоговорящего региона кантона Берн. Основы этого конфликта были заложены еще в XIV веке, когда в ходе так называемых «бургундских войн» франкоязычная область Юра была насильственно включена в состав немецкоязычного кантона Берн.

Недовольство франкоязычного населения вызывает, прежде всего, постепенная германизация региона, который стал популярным местом расселения для немецкоязычных граждан кантона Берн. Во второй половине XX века в Швейцарии даже возникли радикальные группировки сепаратистов, самой заметной среди которых была «Юрассийская ассамблея», требовавшая предоставления региону Юра «независимости».

Сторонники создания самостоятельного кантона Юра совершали (во многом символически, без особых жертв и разрушений) поджоги домов сторонников кантона Берн, оккупировали дипломатические миссии Швейцарии за рубежом и даже выстраивали стену на входе в здание швейцарского федерального парламента. Повсюду на заборах и стенах можно было увидеть один и тот же лозунг: «Jura libre».

В итоге в 1974 году в общинах Юры прошел референдум, по итогам которого три франкоговорящих общины вышли из состава кантона Берн и создали новый – 26-й по счету швейцарский кантон Юра, а еще три общины предпочли остаться в составе кантона Берн.

Сегодня кантон Юра состоит из трех общин: Делемон, Поррентрюи и Франш-Монтань. Население кантона, большинство которого – католики, составляет около 70 тысяч человек. Однако на этом история швейцарского сепаратизма не завершилась. Буквально на днях, 24 ноября, пройдет очередной референдум, на котором жители остающихся в составе кантона Берн франкоязычных общин будут опять решать: выходить им из состава Берна или нет? Если они проголосуют за выход, то будет создан так называемый Большой кантон Юра.

«Политический процесс, итогом которого стал нынешний референдум, можно считать идеальным примером того, как надо решать территориальные вопросы», – уверен швейцарский политик и дипломат Дик Марти, занимающий в настоящее время пост председателя консултыационного «Межюрассийского

собрания». – «Этот процесс позволил воплотить на практике живую культуру диалога, дал возможность говорить друг с другом тем, кто раньше занимал совершенно непримиримые позиции».

Вот такие политические страсти кипят в одной из самых благополучных, самых сытых, самых довольных жизнью и самых скучных стран Европы и мира. Ну а мы выбираемся из картофельного рва и переезжаем на экватор... белых сосисок – еще одну бутафорскую границу внутри «единой Европы», о которой вы узнаете ровно через неделю.

«Крымское время».
№123 (3338). – 14.11.2013.

На экваторе белых сосисок

ноябрь 2013

На экваторе было пасмурно и нежарко. Градусов восемь тепла. Но и экватор был необычный. Экватор белых сосисок делит на две части не Африку, не южную Америку и не Индонезию, а... Германию. В общем-то, нежаркую северную страну. По одну сторону этой разделительной линии едят знаменитые белые баварские сосиски, а по другую – считают их редкой отравой.

Я сидел в пивном ресторанчике на Мариенплац в Мюнхене, пил местный разливной «Пауланер», закусывал этими самыми сосисками и солеными брецелями и думал о том, что люди всегда найдут, из-за чего сначала разделиться на своих и чужих, потом поссориться и, наконец, объявить друг другу войну, в которой запросто угробить несколько десятков миллионов человек и едва не разнести в дребезги этот крошечный земной шарик. Даже здесь, в сытой благополучной Германии, которая, между прочим, и развязала пока самую разрушительную в истории человечества войну. Или в уважаемой аристократической Швейцарии, пусть и не воюющей уже несколько столетий ни с кем из соседей, но зато разделенной надвое изнутри глубоким картофельным рвом, о котором я рассказывал две недели назад.

Однако вернемся к нашим сосискам. Если вы спросите меня, то я скажу, что, на мой не самый изысканный вкус, правда в этом германском кулинарном споре находится где-то посередине. Белые сосиски, конечно, съедобны, особенно если их смазать сладкой баварской горчицей, но и не более того. Здесь, в Мюнхене, есть гораздо более вкусные, гораздо более знаменитые, гораздо более культовые вещи. Ну, например, футбольная «Бавария», которая сегодня официально является сильнейшей командой в мире. Француз Рибери, голландец Роббен, бразилец Данте, немец Мюллер (не путать с группенфюрером СС, чье имя обессмертил великий советский киноактер Леонид Сергеевич Броневой). Настоящий футбольный интернационал, собравшийся под флагом ведущего баварского клуба.

«Интернационал». Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейнрих нервно вздрогнули от этого слова у себя в аду. Лет восемьдесят назад они здесь, в Мюнхене, мечтали (если, конечно, это высокое слово можно применить к мыслям нацистских ублюдков) о расовой чистоте Германии, а сегодня славу Баварии – этого сердца национал-социализма – вместе с истинными арийцами куяют негры, арабы...

Да, во время, после футбола, в октябре на Октоберфесте, а также в любое другое время года в Баварии нужно пить пиво – «Spaten-Franziskaner-Brau», «Paulaner», «Hacker-Pschorr» «Augustiner-Brau» «Hofbrau» или «lawenbrau», да

не сочтет читатель упоминание этих легендарных пивоварен, которые до сих пор варят пиво в соответствии с нормами, установленными баварским законом о чистоте этого напитка, принятым в конце XV века, за банальную рекламу. Тем более что лично я, например, отдавая должное баварским пивоварам на первое место ставлю ирландский «Guinness», а на второе – симферопольское «Жигулевское» – просто из соображений пивного патриотизма.

Кстати, о пивном патриотизме. Он бывает разным. Светлым – как у меня. И темным – как у уже упоминавшихся здесь Гитлера, Гиммлера или Гейдриха. Мюнхен – это ведь, среди прочего, еще и бывшая столица национал-социализма. Именно здесь в далеком 1923 году произошел легендарный Пивной путч, который получил свое название из-за того, что начался в любимой пивной фашистов – «Бюргербройкеллер». Там же в 1925 году произошло и восстановление запрещенной было после Пивного путча НСДАП. Затем, с 1933 по 1939 годы, НСДАП ежегодно отмечала в «Бюргербройкеллере» годовщину путча с обязательным участием Гитлера, пока в 1939 году столяр Георг Эльзер не заложил в зале бомбу, чтобы убить фюрера. Увы, Гитлер уехал из здания за несколько минут до взрыва.

В 1979 году «Бюргербройкеллер» был полностью снесен. Сейчас на этом месте построена гостиница «Хилтон» и культурный комплекс «Гастайг», где в брусчатку вмонтирована мемориальная плита в честь Георга Эльзера. Да уж, кто знает, как сложилась бы мировая история, если бы этому столяру удалось убить Гитлера...

Однако Бавария – это не только футбол, пиво, сосиски и уродливые тени национал-социализма. Бавария – это еще и «БМВ», «Ауди», «Сименс», Старая ратуша, Старая пинакотекка, Фрауэнкирхе и многое-многое другое, чего я, к сожалению, увидеть во время своего краткого пребывания по ту сторону экватора белых сосисок не успел.

Наш испано-немецкий «Сеат Альгамбра» – этот испанский автомобильный концерн сегодня принадлежит «Фольксвагену» – по гладкому, как бильярдный стол, автобану пересекает невидимый культурно-кулинарный экватор, и мы оказываемся в совсем другой земле – Баден-Вюртемберге. Ну, вы знаете, «Мерседес», «Порше», «Бош». Впрочем, все эти гиганты находятся в столице – Штутгарте. А мы базируемся в небольшом университетском городке Тюбингене, с которого можно писать сладенькие пряничные рождественские открытки.

Местный университет был основан в 1477 году, то есть даже раньше, чем был принят закон о чистоте пива, и является одним из старейших и известнейших немецких вузов. Вместе с Марбургом, Геттингеном, Фрайбургом и Хайдельбергом город Тюбинген входит в пятерку классических университетских центров Германии. Среди выпускников легендарного вуза – один из творцов немецкой классической философии Георг Вильгельм Фридрих Гегель, еще один знаменитый философ Фридрих Шеллинг, математик и астроном Иоганн Кеплер, писатель Вильгельм Гауф, психиатр и невролог Алоис Альцгеймер,

биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Гюнтер Блобел и многие другие выдающиеся ученые и мыслители.

Благодаря отсутствию тяжелой промышленности Тюбинген практически не пострадал во время Второй мировой войны от бомбардировок союзников и сейчас это один из немногих хорошо сохранившихся старых городов Германии. Как раз в таких местах, как Тюбинген, у нашего русского человека и появляется мучительное, почти непреодолимое желание плюнуть под ноги и выругаться матом, чтобы хоть как-то разрушить эту буржуйскую мешчанскую идиллию.

Население Тюбингена составляет около 90 тысяч человек, и примерно 25 тысяч из них – студенты, так что это самый молодой город в Германии. Сколько чистого немецкого пива выпивает в год эта веселая студенческая братия, доподлинно неизвестно, но надеюсь, что много.

На вкус и цвет товарищей нет. Эта нехитрая русская пословица не врёт. Тюбинген удивительно, открыточно красив. Здесь, наверное, чудесно было бы грызть гранит науки, запивая его уже много раз упоминавшимся пивом разных сортов, или, наоборот, провести последние годы своей жизни – конечно, если хватит денег, потому что Тюбинген, как и упоминавшийся выше Мюнхен, – один из самых дорогих городов Германии. Здесь можно писать умиротворяющие пейзажи, романтические стихи и пасторальные рассказы. Но все-таки у меня Тюбинген ассоциируется с прошлым – застывшим, залакированным, тщательно охраняемым его величеством Законом культурным наследием человечества. Будущее Германии – в совсем другом городе, который многие немцы, особенно отсюда, с благополучного, респектабельного юга, считают самым уродливым городом Германии. Я имею в виду Берлин – может быть, вообще главный город человеческой цивилизации в XX веке. Оттуда началась Вторая мировая война. Там она, по большому счету, и закончилась. Этот город, разделенный уродливой бетонной стеной на две части – Западную и Восточную – был символом Холодной войны. Там, в Берлине, эта Холодная война и закончилась разрушением Берлинской стены 9 ноября 1989 года. Там – движение, развитие, там, в столице самой мощной европейской страны, решаются сегодня судьбы не только Германии, но и всей Европы, а в какой-то степени и всего мира.

Однако я немного отвлекся в этом своем заочном споре с друзьями-«тюбингофилами». Вернемся назад, в город Гегеля, Шеллинга, Кеплера, Гауфа и Альцгеймера. А впрочем, что мне вам о нем еще рассказать? Просто посмотрите на фотографии. Тюбинген надо видеть. Еще лучше – побродить денек-другой по его красивым улочкам, полюбоваться на игрушечные домики, взобраться наверх, в старинный, построенный в далеком XII столетии, замок Хоэнтюбинген, и поглазеть оттуда на чудесную панораму, а потом отправляться в большие города, пустые поезда, ни берега, ни дна – все начинать сначала. Холодная война. И время, как вода, Он не сошел с ума, Ты ничего не знала.

На крыше Африки

февраль 2014

Меня пугали желтой лихорадкой, малярией, тифом, желтухой, бубонной чумой, горной болезнью и прочими неизлечимыми недугами. Настоятельно рекомендовали делать прививки, запастись таблетками или еще лучше – сидеть дома. Однако я плюнул на все эти предосторожности и отправился «навстречу верной смерти» по маршруту Симферополь – Стамбул – Килиманджаро.

На экране монитора Лионель Месси рекламировал «Турецкие авиалинии», позируя на пике Ухуру – высшей точке Африки. Именно туда, собственно говоря, и лежал мой путь.

Самолет начал снижаться. Далеко внизу, под редкими облаками, появились ленты дорог и прямоугольники домов. Я глянул на монитор. Мы находились на высоте 4.120 метров. Килиманджаро будет гораздо выше – 5.895 метров над уровнем моря. И взбираться туда придется не на аэроплане, а на своих двоих.

С пересечением границы – никаких проблем. Платишь прямо в аэропорту 50 долларов, тебя фотографируют на веб-камеру, берут отпечатки пальцев и вклеивают в заграничный паспорт танзанийскую визу с крошечным серебристым жирафом в уголке.

На выходе меня ждет водитель – сотрудник местной турфирмы. Около часа пути, и мы в простеньком отеле в городке Аруша, мусорной свалкой раскинувшимся у подножия Кили. Две главные достопримечательности моего тесного, как монашеская келья, номера – противомоскитная сетка и телевизор в... металлической клетке – по-видимому, чтобы не разобрали на запчасти.

А впрочем, мне всего лишь перекантоваться несколько часов до утра.

Во время восхождения меня одного будут обслуживать сразу шестеро танзанийцев: гид по имени Габриэль, повар и четверо носильщиков. Признаться, я бы легко обошелся гораздо меньшим количеством услуги. Среди прочего, это было бы дешевле, ибо каждому из этих парней полагаются чаевые. Но, увы, это невозможно. Подниматься на Кили без сопровождения оравы туземцев запрещено – так танзанийские власти дают возможность своим гражданам заработать.

На Килиманджаро можно идти по нескольким маршрутам, самый популярный из которых – Марангу, именуемый в народе «кока-кола рут». Однако я предпочитаю напитки покрепче и буду взбираться на крышу Африки по маршруту Мачаме, известному как «виски рут».

Часа полтора езды до ворот национального парка на стареньком лэндровере. Новых машин в Танзании нет или почти нет. В основном по дорогам передви-

гаются автомобили среднего или почтенного возраста. По обочинам – полуразвалившиеся, сколоченные из досок, слепленные из глины лачуги. Процентом девяносто населения похожи на бомжей. Одеты во что попало. Есть твердая уверенность, что эти вещи достались им по случаю: были найдены на мусорке, подарены туристами, выданы в качестве благотворительной помощи и т.д., и т.п. Зато дорожные полицейские очень нарядные – все в белом. И их здесь реально боятся. Ездят пристегнувшись и стараются не нарушать правила дорожного движения.

Общаемся с Габриэлем и его командой на государственном английском, конечно, если ту тарабарщину, на которой они говорят, можно называть языком Шекспира, Диккенса и Фаулза.

Основной язык здесь – это суахили, на котором я ни бельмеса.

Едва ли не самая неприятная черта третьего мира: гигантское количество людей, которые что-то клянчат или пытаются всучить вам втридорога какой-нибудь абсолютно ненужный хлам – шляпы, накидки, картинки, поделки...

Шагу нельзя ступить.

Однако на территорию национального парка эту люмпенизированную толпу, к счастью, не пускают.

Первые дни пути – до штурмового лагеря «Барафу», раскинувшегося на высоте 4.600 метров над уровнем моря – нельзя назвать какими-то невероятно тяжелыми. Рецепт восхождения прост: передвигаться, как говорят танзанийцы, «поле-поле», то есть, «степ бай степ», шаг за шагом.

Я иду налегке, с одним маленьким рюкзаком за плечами. Остальное – большой рюкзак, палатки, съестные припасы и кучу всякой другой всячины тащат носильщики. Повар и гид – это уже почти элита. Для того, чтобы устроиться на такую работу, надо закончить специальные полугодовые курсы и получить соответствующую лицензию.

Добравшись до очередного лагеря, каждый турист регистрируется в специальном журнале. Я смотрю на записи, сделанные другими путешественниками. Вместе со мной по маршруту идут несколько десятков человек – американцы, австралийцы, немцы, канадцы, французы и, что поразительно, ни одного русского. Честно говоря, меня это радует. Иногда хочется побыть подальше от соотечественников, вырваться хотя бы на несколько дней из привычного осточертевшего мира.

Восхождение на высочайшую точку Африки – это аттракцион для белых. Ни одного африканца, взбирающегося на гору по своей воле, я не видел. Если они лезут на Килиманджаро, то они лезут туда за деньги.

Штурмовой лагерь «Барафу». 4.600 метров над уровнем моря. Говорят, приблизительно на этой высоте начинает давать о себе знать горная болезнь, но я не чувствую никаких симптомов, кроме небольшой тяжести в груди. То ли горная болезнь меня не берет, то ли работает диакарб – препарат, который я пью для профилактики этого недуга.

Прямо передо мной в буквальном смысле этого слова лежит Килиманджаро – силуэт горы напоминает какого-то неизвестного науке зверя, улегшегося посреди черного континента.

Холодно.

Особый цинизм заключается в том, что я мерзну в самом центре Африки, в нескольких десятках километров от экватора.

Около полуночи начнется шторм.

Я надеваю теплую куртку, штаны, шапку, перчатки, налобный фонарик. Отыскиваю на плохо знакомом небосклоне путеводные звезды Южного Креста. Из соседней палатки, которую занимает Габриэль, тянется легко уловимый запах марихуаны.

Думаю, шторм начинается ночью еще и потому, что так люди, которые на него идут, не видят «противника», не видят, что им предстоит преодолеть и, как результат, не успевают испугаться. Между тем перед нами лежит долгий, крутой, от 30 до 45 градусов, подъем на высшую точку континента.

Любоваться окрестными красотами нет ни времени, ни сил, ни желания. На первое место выходит спортивный, а не эстетический аспект этого приключения – дойду или не дойду, залезу или не залезу?

Тупая механическая нагрузка. Простые движения. Ты медленно-медленно переставляешь ноги. Поле-поле. Степ бай степ. Инч бай инч. Шаг за шагом.

Через пару часов я перехожу с английского на русский, потом на матерный русский, а потом просто замолкаю. Во рту пересохло, и говорить нет никакой возможности. Да и потом, говорить – это значит тратить силы. Хочется остановиться, лечь и больше никогда никуда не идти. Однако надо лезть вверх, потому что другой попытки не будет...

Я в буквальном смысле этого слова ползу в гору и думаю, что мог бы за эти деньги нежиться где-нибудь на курорте, плескаться в бассейне или валяться в теплой роскошной кровати с книжкой в руках, потягивая через трубочку мохито.

Наконец, спустя семь часов штурма, «почти вершина» – «Стелла-пойнт» – 5.745 метров над уровнем моря. Отсюда еще час пути по уже несложному маршруту до высшей точки Африки – пика Ухуру. Я бреду этот километр в состоянии полузабытья, через каждые 15-20 метров останавливаясь отдохнуть. Механически делаю несколько кадров. Пробую на вкус пресловутый снег Килиманджаро. Окидываю затуманенным взглядом раскинувшийся подо мной черненький континент.

И – вниз. Промочить горло глотком вискаря...

Килиманджаро – это конечно не Эверест и не какой-нибудь другой крутой восьмитысячник, тем не менее, эту гору иногда называют горой-убийцей – KILLиманджаро. Каждый год на ее склонах гибнет несколько человек. Я – остался в живых. Как это там у Ницше: «Все, что не убивает нас, делает нас сильнее»...

«Крымское время».

№13 (3368). – 06.02.2014.

Блеск и нищета черного континента

февраль 2014

На обочине пыльной желто-коричневой дороги сидел черный, высушенный как мумия палящим экваториальным солнцем пастух, и невидящим взглядом смотрел куда-то вдаль – на утопающие в ослепительном свете зеленые холмы Африки. Рядом лениво паслось стадо облезлых коз, чем-то напоминавших бродячих собак. Я пожалел о том, что не умею рисовать – эта картина прямо-таки просилась на холст.

Танзания.

Сто пятьдесят второе место в мире по уровню жизни. Сто пятьдесят второе из ста восьмидесяти шести. Даже в Анголе, Конго и Экваториальной Гвинее – получше...

Дата основания Танзании: 26 апреля 1964 года. Официальные языки: суахили и английский. Форма государственного устройства: президентская республика. Национальный девиз: «Свобода и единство». И то, и другое, в смысле, и «свобода», и «единство» – похоже, всего лишь ничего не значащие слова. Денежная единица: танзанийский шиллинг (один доллар равняется приблизительно полутора тысячам этих самых шиллингов). Население страны – около 43 миллионов человек. Средняя продолжительность жизни – около 59 лет.

О других показателях – лучше не упоминать. Все плохо...

Акуна матата, или в переводе на русский – «нет проблем». Одна из самых известных фраз на суахили на самом деле звучит здесь, в Танзании, откровенным издевательством. Убогие, слепленные из глины, сколоченные из досок лащуги с покосившимися стенами, то там, то там «украшенные» рекламой пепси и кока-колы.

Кстати о «Кока-коле».

В Танзании большие проблемы с питьевой водой. Пить то, что течет из водопровода, опасно для жизни. Покупать воду в бутылках – слишком дорогое удовольствие – стоит она там примерно столько же, сколько у нас, а зарабатывают танзанийцы еще меньше украинцев. Однако деваться некуда. При этом самая распространенная бутылочная питьевая вода называется «Килиманджаро», а принадлежит эта торговая марка кому бы вы думали? Правильно, «Кока-коле», которая зарабатывает на этом бизнесе сотни тысяч, а может быть и миллионы долларов.

Процентов девяносто населения Танзании похожи на бомжей. Одеты во что попало. Есть твердая уверенность, что эти вещи достались им по случаю: были

найлены на мусорке, подарены туристами, выданы в качестве благотворительной помощи и т.д., и т.п. Грязные голодные босоногие дети. Гигантское количество «торговцев», которые пытаются всучить вам втридорога какой-нибудь абсолютно ненужный хлам, и просто попрошаек, не утруждающих себя даже имитацией «предпринимательской деятельности».

И тут же – невероятной красоты и невероятного богатства природа. Вулкан Килиманджаро, остров Занзибар, национальные парки Нгоронгоро и Серенгети. Все лучшее на этом континенте создано природой, все худшее – людьми.

Ежегодно в Танзанию приезжают сотни тысяч туристов из богатых западных стран – Штатов, Канады, Австралии, Германии, Франции, Англии. Одни – взобраться на крышу Африки, другие – «поохотиться» с фотоаппаратами на диких животных, третьи – поваляться на песчаных пляжах Занзибара. Приезжают и привозят с собой немалые деньги. Ибо что восхождение на Килиманджаро, что посещение национальных парков, что отдых на экзотическом, утопающем в теплом Индийском океане острове – удовольствие не из дешевых.

Судите сами. Почти круглый год ежедневно на Килиманджаро пытаются взобраться около 400 человек, каждый из которых платит за это удовольствие не меньше полутора тысяч долларов. Получается 600 тысяч в день. Теперь умножьте эту сумму на количество дней в году – итого, больше 200 миллионов долларов в год. Так что Килиманджаро – это поистине золотая гора.

Не меньше денег приносят и другие известные на весь мир национальные парки – Серенгети и Нгоронгоро, один день пребывания на территории которых обходится каждому туристу в несколько десятков долларов.

Куда потом деваются эти миллиарды?

Боюсь, это вопрос, ответ на который нужно искать танзанийским правоохранительным органам...

Третье тысячелетие. XXI век. Эпоха телевидения, мобильных телефонов, Интернета и прочих чудес научно-технического прогресса. А здесь десятки, если не сотни тысяч людей зарабатывают себе на жизнь, работая носильщиками. Переноса тяжести, причем, старинным дедовским и прадедовским способом – на голове – как это было 300-400-500 лет назад. Это конечно можно назвать верностью традициям, национальной культурой, африканским колоритом, однако на самом деле это обыкновенная отсталость.

Тот факт, что люди на протяжении столетий не могут найти своим головам лучшего применения, говорит сам за себя.

Многими своими бедами африканцы обязаны колониальному прошлому. Их практически отучили жить без белого человека. И даже после того, как белый человек их, наконец, «освободил», они все равно пытаются жить «за его счет», обслуживая его, выполняя все его прихоти, но требуя за это денег. Потому что, кажется, больше ничего они делать не умеют.

До 1961 года Танзания была колонией Великобритании. Ну и что просвещенные цивилизованные британцы, эксплуатировавшие Танзанию на протя-

жени многих десятилетий, дали этой стране? Конечно, кроме левостороннего движения и ломаного английского государственного языка?

Может быть, они дали танзанийцам образование, открыли школы и университеты, создали транспортную инфраструктуру, построили фабрики, заводы, водопроводы, жилые дома?

Ни-че-го подобного.

Помните старый анекдот – в Средней Азии русские варвары врываются в кишлаки, аулы и стойбища, оставляя после себя города, библиотеки, университеты и театры? Так вот, о британцах такого не скажешь. У них гораздо лучше получается выкачивать из стран третьего мира исчерпаемые и неисчерпаемые природные ресурсы, одновременно с пафосом рассказывая о свободе, демократии, правах человека и прочих «общечеловеческих ценностях», призванных спасти этот мир.

У англосаксов было два пути колонизации. Первый – уничтожать или практически уничтожать местное население и потом самим устраиваться на «освобожденных территориях» – как они сделали в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии – и надо признать, сделали успешно. Второй путь – выкачивать из колоний ресурсы, все-таки не уничтожая туземного населения. Танзания, как и многие другие африканские страны, – пример этого самого второго пути.

А вот еще одни «утешители»...

Мы едем по убогой африканской деревне. Вокруг – уже описывавшиеся выше лачуги, попрошайки и дети с огромными голодными глазами. Нищета невероятная. И вдруг – большое капитальное каменное здание впереди. Что бы это могло быть? Больница? Школа? На худой конец, сельсовет? Нет, бери выше – церковь. Большая добротная капитальная каменная церковь, где священники рассказывают прихожанам-туземцам, почему они сейчас живут в такой нищете, и как замечательно они будут жить позже -... на том свете.

Что же касается лучшей жизни прямо сейчас, то за ней подавляющему большинству танзанийцев остается наблюдать по телевизору. Вечером, спустившись с крыши Африки, я сидел в небольшом ресторанчике при отеле и пробовал черный континент на вкус – медленно потягивал из бокала местное пиво, которое, как и почти все вокруг, тоже называется «Килиманджаро». За соседними столиками расположились туземцы в своих национальных халатах и, раскрыв рты, уставились в телевизор, где транслировали какой-то очередной латиноамериканский сериал. Это и было их окно в лучший мир, в сказку, где в огромных роскошных домах живут белые недоступные красивые богатые полубоги.

«Крымское время».

№19 (3374). – 20.02.2014.

Затерянный мир Нгоронгоро март 2014

– Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

– А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мэлоун?

– Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

– Вы, кажется, не прочь распротиться с жизнью?

– Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

– Дорогой мой мистер Мэлоун, вы уж слишком... слишком воспарили.

Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя.

Артур Конан Дойл, «Затерянный мир»

Времена «не те» уже очень давно. И расходы на специальных корреспондентов, по крайней мере, в нашей скромной газете, по-прежнему себя не оправдывают. Однако все это не означает, что я должен сидеть дома в ожидании окончания политического кризиса или – что еще безнадежнее – в ожидании командировочных для путешествия на край света...

Артур Конан Дойл ничего не придумывал.

Затерянный мир существует. Существует в Африке. В кратере вулкана Нгоронгоро. Снаружи его склоны покрыты густыми зарослями, и, глядя на них, трудно предположить, что находится за этими стенами.

Наш потрепанный, помятый в приключениях старый «лендровер» с правым рулем, кажется, помнящий еще британских колонистов, взбирается вверх, к кромке вулкана. Водитель по имени Саади – мусульманин из племени чага – на ломаном английском рассказывает, что в переводе Нгоронгоро означает что-то вроде black hole – «черная дыра».

И действительно, земля вдруг как будто проваливается вниз, в туманную пустоту, образуя гигантский котел. Со смотровой площадки, расположенной на высоте 2286 метров над уровнем моря, открывается утопающий в утренней дымке кратер Нгоронгоро.

Можно сказать, что это гигантский зоопарк, созданный в чаше вулкана самой природой. Вот как описывал Нгоронгоро в пятидесятых годах прошлого века, наверное, самый знаменитый исследователь этих мест Бернгард Гржи-

мек: «Выйдет ли это и получится ли точно, мы решили испробовать над своеобразным естественным «зоопарком», в котором животные со всех сторон огорожены и не смогут убежать во время наших подсчетов. Кстати сказать, это самый большой зоопарк мира. В нем живет 100 тысяч крупных животных! Окружающая его плотная стена, не имеющая ни единой лазейки, достигает 600-700 метров высоты. В этом зоопарке свободно разместился бы весь Берлин с пригородами. Не удивляйтесь – все это не что иное, как огромный потухший кратер Нгоронгоро, самый большой на нашей планете. Там, где когда-то кипела лава, сейчас простирается громадный зеленый луг, окруженный со всех сторон отвесными стенами кратера».

Здесь же, у входа на территорию нынешнего национального парка Нгоронгоро, Бернгард Гржимек и похоронен. Рядом могила его сына Михаэля – тоже исследователя животного мира Африки, погибшего в авиакатастрофе в возрасте 24 лет. Надпись на надгробной табличке гласит: «он отдал все, что имел, даже свою жизнь, за то, чтобы сохранить диких животных Африки».

Отец и сын Гржимеки изучали Нгоронгоро в пятидесятые годы прошлого века, а первым европейцем, сумевшим добраться до кратера, стал в 1891 году немецкий исследователь Оскар Бауманн.

Вот как сам Бауманн описал приключения, случившиеся с ним в кратере: «Мы устроили привал в Нгоронгоро, который я решил использовать для осмотра нескольких масайских краалей. Меня встречали очень приветливо. Постепенно вокруг ограды нашего лагеря собралась толпа несчастных существ – жителей той страны. Здесь были женщины, напоминавшие скорее скелеты, из запавших глаз которых глядело безумие голода, дети, похожие больше на лягушек, чем на людей, воины, которые едва могли передвигаться на четвереньках, и тупоумные умирающие старцы. Эти люди поедали все. Дохлые ослы были для них настоящим лакомством, они не отказывались даже от костей, кожи, рогов забитого скота. Я распорядился выдать этим несчастным хоть какое-нибудь продовольствие, а наши сердобольные носильщики делились с ними своим рационом; однако аппетит их был неутолим, и все новые голодающие шли к нам со всех сторон. Это были беженцы из Серенгети, где голод опустошил целые районы; нищие, они приходили попрошайничать к своим землякам, которые сами жили в страшной нужде. Стаи грифов следовали за ними по пятам в ожидании верной добычи.

Теперь мы ежедневно становились свидетелями этой страшной нужды, которой практически бессильны были помочь. Родители предлагали продать нам своих детей за кусочек мяса, а когда мы отказывались от такой сделки, ловко прятали их где-нибудь в лагере и скрывались».

Сегодня, к счастью, такого вопиющего голода в Танзании нет, но все равно это одна из беднейших стран мира.

Пока мы с вами совершаем этот экскурс в историю, Саади оформляет документы на контрольно-пропускном пункте, и мы начинаем спуск вниз, на дно

грандиозного котла Нгоронгоро. Пять миллионов лет назад там, внизу, плескалась огненная лава. Сегодня там «плещутся» тысячи диких животных.

– Симба, симба, – вполголоса, чтобы не испугать зверя, сообщают нам из двигающегося навстречу внедорожника.

Симба в переводе с суахили означает «лев».

Нгоронгоро иногда называют раем для животных. Наверное, это так. Правда, рай это в основном для хищников, у которых здесь нет абсолютно никаких проблем с пропитанием. Огромные стада антилоп всегда к их услугам.

Сытый симба, развалившись, лежит прямо у края дороги, в двух-трех метрах от нашей машины, и не обращает на нас решительно никакого внимания.

Говорят, пятьдесят львов, обитающих на территории заповедника, уничтожают за год около семи процентов живущих здесь травоядных. Однако самые активные хищники в кратере не львы и не леопарды, которых здесь совсем немного, а гиены. Причем, бывает, их жертвами становятся не только антилопы, но и престарелые, отбившиеся от прайда «цари зверей».

Вдали от туристической дороги замечаем большого «черного носорога» – на самом деле почти белого от купания в щелочной грязи. Еще тридцать лет назад в кратере паслись более ста носорогов, сегодня их осталось чуть больше десятка. Остальных уничтожили браконьеры, охотящиеся на этих животных из-за их якобы целебных, возвращающих утраченную мужскую силу рогов.

Вот как описывал охоту на носорогов в Нгоронгоро Оскар Бауманн: «На лугу возле нас паслось множество носорогов, одного из которых я уложил из ружья. Мои люди несколько раз за время нашей экспедиции стреляли носорогов, потому что охота на этих животных отнюдь не так сложна и опасна, как это могло бы показаться после сообщений профессиональных охотников. Прежде всего носорог не слишком пугливое животное, и если подходить с подветренной стороны, то вполне можно приблизиться к нему на расстояние 30 шагов, не возбуждая у него никакого подозрения. Чтобы попасть с 30 шагов в носорога, не надо быть первоклассным стрелком. Если пуля попала в переднюю часть туловища или (из мелкокалиберного ружья) в голову, то животное обычно тут же падает замертво. Если же носорога ранить в какое-нибудь другое место, то он либо удирает (при этом с такой быстротой, что всякое преследование бесполезно), либо переходит в атаку. Этот момент охотники обычно описывают особенно впечатляюще. Проводники в таком случае, как правило, «разбегаются в разные стороны», и охотник остается один на один с разъяренным чудовищем. Хотя это и выглядит очень страшно, но нападающий гигант все равно что слепой: достаточно сделать один шаг в сторону, и он промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник. А тот тем временем совершенно спокойно с самого близкого расстояния может всадить в него вторую пулю».

Сегодня Нгоронгоро тщательно охраняется отрядами вооруженных рейнджеров, так что, будем надеяться, популяция носорогов здесь постепенно восстановится.

Выходить из машин туристам категорически запрещено. Поэтому приходится рассматривать любимого зверя Сальвадора Дали издали. Впрочем, на животных можно посмотреть и в зоопарке. Для меня самое невероятное в Африке – это не львы, не носороги и не слоны, а непередаваемые пейзажи. Залитые ослепительным экваториальным солнцем зеленые холмы Африки. Где-то к середине дня у меня от нестерпимого для северянина света начинают слезиться и резать глаза, но я все равно продолжаю смотреть и смотреть, тщетно пытаясь навсегда запомнить эти виды, увы, непередаваемые ни фото-, ни видео-, ни кинокамерой.

Здесь слишком светло для таких людей, как я. Да и вообще, этот мир избыточен для белого человека. Слишком жарок и слишком ярок. Избыточен и одновременно магически притягателен. Неслучайно европейские колонизаторы так стремились в эти места – их влекла сюда не только жажда наживы, но и эти потрясающие, платиновые от ослепительного солнца пейзажи.

Однако вернемся к нашим животным.

Кроме уже упоминавшихся здесь львов, леопардов, гиен, антилоп и носорогов, в Нгоронгоро обитают буйволы, зебры, кабаны-бородавочники, муравьеды, бабуины и множество другой живности. А вот кого в Нгоронгоро нет, так это жирафов – они просто неспособны спуститься в такую глубокую котловину.

Чтобы не нарушать среду обитания, машины по дну кратера ездят только по определенному маршруту. В конце этой туристической тропы лежит озеро. Здесь туристы могут выйти из своих автомобилей, чтобы перекусить перед обратной дорогой и посмотреть на бегемотов. Или, точнее, на ноздри бегемотов, потому что высовываться из воды дальше они не испытывают никакого желания.

Мы усаживаемся в наш «лендровер». До шести вечера надо успеть выбрать-ся наверх – таковы правила. Ночью Нгоронгоро принадлежит только животным.

В какой-то момент дорогу нам преграждают слоны. Они двигаются, как в замедленной съемке. Британцы давно заметили: «Africa doesn't hurry». Футболки, фуфайки, полотенца, кепки, кружки с этой надписью можно купить едва ли не в любой африканской сувенирной лавке.

Африка действительно никогда и никуда не спешит. Причем это касается не только слонов или жирафов, но и людей. Как говорит наш гид Саади, подавляющее большинство африканцев готовы довольствоваться минимумом, лишь бы не делать «лишней работы». И это, в общем, одна из причин экономической отсталости континента. Люди здесь не умеют обращаться с самым дорогим, что у них есть, – со временем. Хотя кто-то, наверное, скажет, что на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. И что это мы, европейцы, вечно спешим за ничего не значащими перед лицом вечности пустяками.

«Крымское время».

№ 23 (3378). 06.03.2014.

Чёрные дни, или Африканизация Украины

август 2014

Я стоял на крыше Африки, смотрел на раскинувшийся где-то там внизу, под облаками, Черный континент и думал о том, как всё, что происходит здесь, похоже на украинские события.

Несколько дней спустя, в аэропорту «Килиманджаро», черный, как дым от горящих на майдане покрывок, танзанийский пограничник повертел в руках мой украинский паспорт, перевел взгляд на телеэкран, где транслировали киевские беспорядки, потом на меня, покачал головой и сказал: «It will end badly. Very badly for your country. Believe me. We saw it here in Africa not once».

«I know», – кивнул я в ответ, всё-таки не предполагая, что это закончится для Украины НАСТОЛЬКО плохо.

Они действительно видели это не раз, не два и не три.

Бесконечные вооружённые перевороты и гражданские войны – отличительная черта Черной Африки. Уганда, Гана, Нигерия, Дагомея, Габон, Бурунди, ЦАР, Верхняя Вольта, Мали, Того, Либерия, Мозамбик, Чад, Сенегал, Руанда, Сомали, Сьерра-Леоне, Нигер, Судан, Конго, Эфиопия, Ангола, та же самая Танзания. Едва ли хоть одна страна к югу от Сахары избежала в своей истории таких катаклизмов.

После распада СССР к Украине, имея в виду прежде всего Крым, часто примеряли югославский, боснийский, косовский, чеченский, приднестровский, абхазский, юго-осетинский сценарии.

Безусловно, в чем-то эти сравнения справедливы. Но, пожалуй, не менее справедливыми выглядят и «африканские параллели». Увы, Украина сегодня на самом деле мало чем отличается от стран Черной Африки и по устойчивости политического режима, и по развитию экономики, и по уровню жизни, и по многим другим показателям.

Разговоры о событиях на Украине возникали у меня там, в Танзании, несколько раз – и с местными жителями, и с европейскими туристами – немцами, французами, голландцами. Благо, в чем, в чем, а во всемирной известности нашей бывшей стране теперь не откажешь.

Я карабкался на крышу Африки пять дней, так что время поговорить и подумать было. Сплевывая пыль Килиманджаро, я объяснял своему проводнику Габриэлю, что на самом деле происходит в Киеве за экранами CNN, а он в ответ рассказывал о своей стране.

Гигантская, разъедающая государственные институты коррупция. Межнациональная вражда. Огромная пропасть между богатыми и бедными. Низкий уровень жизни. неподъемный государственный долг. Тотальная зависимость от большого американского белого брата. Как много общего сегодня у Украины с Черным континентом.

Еще одна африканская черта «нашей бывшей» – высокая степень персонализации власти. Там даже политические партии часто являются персональными проектами – будь то «Батькивщина» Тимошенко, «Удар» Кличко или «Радикальная партия Олега Ляшко». В этой ситуации развитие событий часто зависит прежде всего от личности лидера – например, его склонности к применению насилия. Янукович не решился на массовое применение силы по отношению к боевикам майдана, а Турчинов и Порошенко не остановились перед десятками тысяч жертв на Донбассе.

Африка – великолепный пример того, к чему ведут произвольно установленные, неправильно проведенные в своё время западными колонизаторами границы между государствами. Результат – территориальные споры на Чёрном континенте касаются примерно двадцати процентов территории и регулярно выливаются в большие и маленькие войны. Ту же самую ошибку совершили в свое время советские лидеры, присоединив к Украине Донбасс и Крым.

Наконец, такой африканский порок, как трайбализм, также вполне присущ современной Украине, идеологию которой сегодня определяют по преимуществу выходцы из одного региона – Галичины.

«Коррупция стала общепринятой нормой жизни. Бездарное управление экономикой вкупе с общим непрофессионализмом привело к гиперинфляции и заоблачным ценам на всё. Уровень безработицы и преступности только рос. Однако алчные политики, придерживавшиеся принципа «обогащайся, пока есть возможность», продолжали набивать свои карманы». Не правда ли, очень похоже? Это фрагмент из статьи кенийца Джимми Вангоне «Военные перевороты в Африке».

То, что произошло в Киеве в феврале нынешнего года – и есть классический пример вооружённого переворота, вслед за которым началась гражданская война, унесшая на сегодняшний день жизни уже более десяти тысяч человек. Пока это еще не резня хуту и тутси, во время которой в Руанде в 1994 году погибло не меньше полумиллиона человек, однако «успехи» украинских патриотов в деле уничтожения «сепаратистов» и «изменников родины» все равно впечатляют.

Впрочем, как уже говорилось, Руанда – далеко не единственный «образец для подражания». Едва ли хоть одна страна к югу от Сахары избежала в своей истории вооружённого переворота и гражданской войны. «Перевороты не улучшили экономическое положение стран и не привели к политической стабильности. Вместо решения насущных политических, социальных и экономических проблем, военные перевороты загнали континент в еще более тяжелую

ситуацию, принеся дальнейшие страдания и смуту. Состояние незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне никуда не делось. Когда и где случится следующий? Сегодня африканская политическая система остается все так же непредсказуемой, даже сильнее чем раньше. В этом смысле будущее Африки довольно безрадостно», – писал уже цитированный выше Вангоме в 1985 году.

С тех пор военные перевороты потрясли не одно африканское государство – ЦАР, Гвинею, Гвинею-Бисау, Мали, Нигер, Мадагаскар, Мавританию. Всего же за последние 40 лет в более чем 50 военных конфликтах в Африке погибло около десяти миллионов человек (90% из которых – мирные жители), 24 миллиона лишены крова, около 18 миллионов стали беженцами.

Февральский вооруженный переворот на Украине был первым, но далеко не факт, что последним. О количестве погибших я уже упомянул. Беженцами на данный момент стали более полумиллиона человек – главным образом, их приютила «проклятая Россия».

Перманентные вооруженные перевороты и гражданские войны в Африке – это, среди прочего, еще и великолепная иллюстрация эффективности западного вмешательства. Именно крупнейшие колониальные державы – прежде всего, Великобритания и Франция, позже – Соединенные Штаты Америки «помогали» (и продолжают «помогать») африканцам в «строительстве демократии», развитии экономики и т.д., и т.п.

При этом в «урегулировании африканских конфликтов» Запад полагается на своих верных союзников – местные вестернизированные элиты. Подавляющее большинство лидеров современных африканских государств получали образование в Оксфорде, Кембридже, Гарварде и прочих сорбоннах. То же самое в значительной степени касается и Украины. Порошенко и Яценюк хоть и не учились за рубежом, но вполне свободно говорят по-английски и «строят современную Украину по западному образцу».

По обочинам – полуразвалившиеся, сколоченные из досок, слепленные из глины лачуги. Процент девятино жителей похожи на бомжей. Одеты во что попало. Есть твёрдая уверенность, что эти вещи достались им по случаю: были найдены на мусорке, подарены туристами, выданы в качестве благотворительной помощи и т.д., и т.п. Это Танзания. Форма государственного устройства: президентская республика. Национальный девиз: «Свобода и единство». И то, и другое, в смысле, и «свобода», и «единство» – всего лишь ничего не значащие слова. Население страны – около 43 миллионов человек, большинство из которых живут за чертой бедности. Средняя продолжительность жизни – около 59 лет. Сто пятьдесят второе место в мире по уровню жизни – индексу развития человеческого потенциала ООН. Сто пятьдесят второе из ста восьмидесяти шести.

Украина сейчас на 83 месте, однако после того, как будут учтены результаты нынешней гражданской войны, наверняка откатится во вторую сотню.

Как уже говорилось, многими своими бедами африканцы обязаны колониальному прошлому. До 1961 года Танзания была колонией Великобритании. Ну и что просвещенные цивилизованные британцы, эксплуатировавшие Танзанию на протяжении многих десятилетий, дали этой стране? Конечно, кроме левостороннего движения и ломаного английского государственного языка?

Может быть, они дали танзанийцам образование, открыли школы и университеты, создали транспортную инфраструктуру, построили фабрики, заводы, водопроводы, жилые дома?

Ни-че-го подобного.

Помните старый анекдот – в Средней Азии русские варвары врываются в кишлаки, аулы и стойбища, оставляя после себя города, библиотеки, университеты и театры? Так вот, о британцах такого не скажешь. У них гораздо лучше получается выкачивать из стран третьего мира исчерпаемые и неисчерпаемые природные ресурсы, одновременно с пафосом рассказывая о свободе, демократии, правах человека и прочих «общечеловеческих ценностях», призванных спасти этот мир.

У англосаксов было два пути колонизации. Первый – уничтожать или практически уничтожать местное население и потом самим устраиваться на «освобожденных территориях» – как они сделали в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии – и надо признать, сделали успешно. Второй путь – выкачивать из колоний ресурсы, все-таки не уничтожая туземного населения. Танзания, как и многие другие африканские страны, – пример этого самого второго пути.

По этому же второму пути англосаксы, похоже, пошли и на Украине. Киев попал в кабальную зависимость от Запада, он по уши в долгах перед МВФ. Собственно говоря, Украина и существует-то сегодня исключительно потому, что её поддерживают США и их европейские вассалы. Уберите эти «костыли» – и режим Порошенко рухнет через несколько дней, а страна разделится на несколько частей. Западная Украина – отдельно, Новороссия —отдельно. Плюс, может быть, ещё какие-нибудь «новообразования». Так что, боюсь, финал у Украины будет тоже африканским – на манер Судана или Сомали. Судан три с половиной года назад после многолетней гражданской войны разделился на Южный и Северный. А Сомали фактически прекратило своё существование, утратив все атрибуты единой государственности и распавшись на множество лоскутков, контролируемых враждующими между собой полевыми командами...

«Зеркало Крыма».

13.08.2014.

Корни российской жизни: что общего между Крымом и Байкалом?

сентябрь 2015

При первом же взгляде на карту Российской Федерации, висевшую в холле отеля в Байкальске, я почувствовал неладное. Присмотрелся – действительно, это была карта старой России, на которой наш Крым обозначен еще как часть Украины. Пришлось попросить у администратора фломастер и выкрасить полуостров в правильный государственный цвет. Так я внес свой посильный вклад в воссоединение Крыма с Россией.

Крым и Байкал. Между ними – больше пяти тысяч километров. Они совсем-совсем разные и в то же время они похожи: и Крым, и Байкал – часть огромного Русского мира. Здесь говорят на одном языке и понимают друг друга с полуслова. Я убедился в этом на собственном опыте. Мы ушли на четверо суток в горную тайгу Хамар-Дабана. Жили на охотничьем зимовье на берегу маленького озера. Пили сырую воду из ручья. Парились в бане. Бродили по горам, собирали ягоды, копали корень марала, который еще иногда называют корнем жизни, и разговаривали – о Крыме, о Байкале, о России.

О жизни.

Мой проводник, старый таежный охотник Владимир Рудин, расспрашивал, действительно ли крымчане так хотели вернуться в состав России. Я рассказывал ему о том, что творилось у нас на полуострове исторической весной 2014 года, и расспрашивал о Байкале.

Как я уже отмечал, на самом деле между нашими регионами немало общего. Горы. Море – никто из местных никогда не называет Байкал озером. Слишком уж он величественен. Как поется в знаменитой песне: «Славное море, священный Байкал». Туристы из самых разных стран.

– Крым и Байкал – визитные карточки России, известные далеко за пределами нашей страны, – соглашается со мной Владимир Рудин. – Мне приходилось работать с туристами из США, Германии, Израиля, Швеции, Финляндии, Италии, Таиланда и других государств. Прежде всего их привлекает в наши края дикая природа Байкала. Именно это главный туристический ресурс региона. Нельзя сказать, что туризм на Байкале не развивается, но в то же время хотелось бы, чтобы это развитие шло интенсивнее и с большим участием государства. Нужна государственная программа – примерно такая же, как в Таиланде, где я работал на протяжении нескольких лет. Пока же, к сожалению, государ-

ство развивает туризм на Байкале только на уровне риторики. Разговоров много, а дел почти нет. Соберутся за круглым столом, поговорят, резюмируют, по телевизору расскажут, а воз все там же.

Здесь мы отдыхаем

Еще одно доказательство связи между Крымом и Байкалом обнаружилось, когда я перебирал книжки в охотничьем домике на Осиновском перевале. На полочке лежал цветной фотоальбом с видами Крыма «Здесь мы отдыхаем», выпущенный симферопольским издательством «Таврия» в теперь уже очень далеком 1977 году. Дарственная надпись гласила: «Осиновке от Лёнчика, 19.10.1991». Кто такой этот Лёнчик, жив ли – здоров, выяснить, увы, не удалось. А ну как прочитает человек эту статью и отзовется?

Постепенно туризм занимает все более важное место в структуре экономики Прибайкалья. Это заметно невооруженным глазом. В некоторых же городках и поселках это вообще едва ли не единственный шанс выжить. Пример – Байкальск, в котором после закрытия целлюлозно-бумажного комбината практически не осталось работы, или поселок Хужир на острове Ольхон, где то же самое произошло после закрытия рыбного завода. Сегодня и в Байкальске, и на Ольхоне, как грибы после дождя, растут отели, туристические базы, кафе, появляются новые и новые туристические фирмы.

Остров Ольхон говорит на многих языках – русском, бурятском, английском, французском, немецком, иврите, китайском, японском, корейском. Один из иностранных (ну или почти иностранных) туристов – Дмитрий Марголин. В 1991 году он эмигрировал из СССР в Израиль. Дмитрий не пьет, не курит, не ругается матом, не парится в бане, не ест рыбу. Короче, не русский. Но что-то ведь привело его на Байкал из Израиля – за тысячи километров.

– Я с детства мечтал побывать в этих местах, – объясняет Марголин. – И вот, наконец, сейчас эта мечта осуществилась. Поездкой доволен, мои ожидания оправдались. Как, надеюсь, оправдались ожидания и остальных иностранных и российских туристов, приехавших на Байкал. Кстати говоря, только сегодня встретил здесь нескольких ребят из Израиля – причем, в отличие от меня, не русскоговорящих. Они тоже в восторге от Байкала.

Вообще, многими из тех, кто приезжает на Байкал из дальних стран, движет желание забраться как можно дальше «вглубь земли» – это вам не Париж, не Рим и не Лондон.

Неисчерпаемые богатства

Местного населения на Ольхоне – около 1800 человек. Приезжого – в несколько раз больше. Только за летние месяцы остров посещают более 40 тысяч туристов. Степи острова напоминают крымский Тарханкут. Здесь почти не бывает дождей, а количество солнечных дней в году, как утверждают метеорологи, даже больше, чем в Крыму или на Кавказе. А вот и еще одно доказательство

связи между Байкалом и Крымом. Я купил сувенирный магнит с надписью: «Пил на Байкале» (чего скрывать, было дело). Он украшен миниатюрной бутылкой нашего, массандровского, крымского вина. И вот едва я, глядя на это чудо сувенирной продукции, заметил, что приехал из Крыма, ко мне бросился один из торговцев и принялся рассказывать о том, как прошлым летом отдыхал у нас на полуострове. В нашем Крыму. В «Крымунашем».

Туризм – одна из самых бурно развивающихся отраслей мировой экономики. И у России в этом смысле огромный потенциал – причем не только внутренний, но и внешний. Французская Ривьера, испанская Коста-Брава, греческие Халкидики – «попса» по сравнению с Енисеем, Алтаем, Камчаткой, Крымом или Байкалом. На самом деле именно эти регионы – будущее туристической отрасли в XXI веке. Нужно просто грамотно использовать этот грандиозный потенциал. И тогда, возможно, даже нефтегазовые богатства нашей родины покажутся копеечными. Тем более, что, в конце концов, это богатства исчерпаемые – в отличие от пейзажей Байкала и Крыма.

Одиннадцать вещей, которые обязательно надо сделать на Байкале:

1. Искупаться, несмотря на то, что вода может быть достаточно холодной.
2. Попить прямо из Байкала самой чистой в мире озерной воды.
3. Попариться в бане.
4. Попробовать знаменитого байкальского омуля во всех возможных видах – жареном, вяленом, копченом.
5. Увидеть нерпу – пресноводного байкальского тюленя.
6. Испугаться встречи с хозяином России – медведем.
7. Накормить собственным телом хотя бы немного бесчисленной сибирской мошкары.
8. Познакомиться и выпить водки с кем-то из местных жителей – простых людей, на которых держится великая Россия.
9. Сходить в тайгу. И немного, совсем немного в ней заблудиться.
10. Найти и поесть в тайге черники, смородины, костяники и других русских ягод. Не купить на рынке, а именно найти самому.
11. Сходить на рыбалку и сварить из пойманной рыбы настоящую байкальскую уху.

«Парламентская газета».

04.09.2015.

Санкт-Петербург: ищите женщину

сентябрь 2015

Многоэтажка, в которой прошли мои детские годы в городе русской славы Севастополе, стояла в нескольких десятках метров от «Каткиного столба». Каткой в те старинные советские годы севастопольцы панибратски называли основательницу города – российскую императрицу Екатерину Великую, которой мы обязаны присоединением Крыма к России в конце XVIII века. Не было бы крымской весны 1783 года (Екатерина II подписала Манифест о присоединении полуострова 8 апреля), не было бы и крымской весны 2014-го.

«Каткин столб», известный историкам как Екатерининская миля, отмечал маршрут, по которому императрица путешествовала из Санкт-Петербурга в Крым в 1787 году.

228 лет спустя я отправляюсь в прямо противоположном направлении – из Крыма в Санкт-Петербург – извиниться перед государыней за «Катку» и исследовать «женский вектор в истории города» накануне Евразийского женского форума.

Cherchez la femme. Ищите женщину. Екатерину I. Екатерину II. Анну Леопольдовну. Елизавету Петровну. Княгиню Дашкову. Княжну Тарakanову. Софью Ковалевскую. Александру Коллонтай. Надежду Крупскую. Инессу Арманд. Зинаиду Гиппиус. Анну Ахматову. Надю. Не помню фамилии. Только адрес: Третья улица Строителей, дом 25, квартира 12. Алису Фрейндлих. Валентину Матвиенко. Елизавету Боярскую... Всех не перечислишь.

Екатерина II добиралась до Крыма четыре с половиной месяца. Меня в Петербург самолет с надписью «Россия» на борту доставил всего за три с небольшим часа. Поеживаясь от прохлады, я спустился по трапу. Столбик термометра показывал десять градусов. Таврида была (есть и будет) для северной холодной России обретенным, потом потерянным и теперь опять обретенным раем – южным, обжигающим, красочным, с теплым морем, пальмами, кипарисами, горами и древними античными городами. Так что не случайно Крым к России присоединила именно женщина.

На следующий день с утра пораньше спешу на высочайшую аудиенцию в Екатерининский сквер. Бронзовая императрица смотрит поверх меня – через дорогу, на Санкт-Петербургский государственный академический театр комедии, хотя то, что происходит сегодня в подлунном мире, скорее драма. Ну или трагикомедия. Эх, думаю, жалко, нельзя спросить у царицы, как она относится к новому воссоединению Крыма с Россией. Как вдруг гляжу: по скверу гуляет императрица во плоти. Бросаюсь к ней: «Не вели, государыня-матушка,

казнить, вели слово молвить». Совсем молоденькая девчонка, «подрабатывающая императрицей», давась от смеха, кивает головой. «Одобряете ли вы, государыня, новое воссоединение Крыма с Россией?» – спрашиваю я. Екатерина мешкает несколько секунд, а потом начинает говорить как простая смертная: дескать, да, и я, и все мои друзья – за воссоединение Крыма с Россией. И принимается расспрашивать, как нам живется под ее скипетром.

Я не жалуясь, наоборот, приглашаю императрицу совершить новое путешествие в благословенную Тавриду. Без шуток. У девушки остался мой телефон. Позвонит – не позвонит...

Смольный слушает и... рассказывает

Среди огромного количества великих дел, сделанных Екатериной, не только воссоединение Крыма с Россией или учреждение Эрмитажа, но и основание Смольного – легендарного института благородных девиц, воспитавшего женскую элиту России XVIII – начала XX века.

Как говорилось в указе об основании Смольного, он создавался для того, чтобы «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Поистине государственная задача. Об этом же свидетельствует и тот факт, что на выпускном публичном экзамене смолянок присутствовали император и члены его семьи. А лучшие выпускницы получали золотой вензель в виде инициала Екатерины II, который носили на белом банте с золотыми полосами.

Сегодня в Смольном тоже решаются задачи государственной важности – там заседает правительство Санкт-Петербурга. По коридорам ходят озабоченные делами чиновники в костюмах и галстуках, а заведующая научно-экспозиционным отделом Историко-мемориального музея «Смольный» Ольга Федорова ведет меня в зал, рассказывающий об истории самого знаменитого женского учебного заведения в России.

«Я все думала, что нужно сейчас окончить, чтобы получить такое образование, которое давал Смольный, – говорит она. – Получается: хорошую гимназию с двумя иностранными языками, церковную и музыкальную школы, танцевальные кружки, кружки рукоделия, и это еще не весь перечень».

Среди известных выпускниц Смольного – Софья Колчак, Екатерина Долгурова, Елена Денисьева, Дарья Тютчева, Наталья Суворова, Екатерина Керн, Ольга Скобелева, Екатерина Нелидова и многие другие.

В октябре 1917 года благородных девиц из здания Смольного выселили большевики во главе с Лениным. Вождь революции занял кабинет классной дамы – соответствующая табличка до сих пор висит на дверях мемориальной комнаты, из которой вершилась мировая история. Кстати говоря, в первом ленинском правительстве была одна-единственная женщина – первая женщина-министр в истории России Александра Коллонтай, которая, несмотря на свою одиозную революционную репутацию, немало сделала для «решения

женского вопроса в России». Именно при большевиках российские женщины получили избирательное право, стали возможными гражданские браки, появилось совместное обучение мальчиков и девочек.

Царей и цариц много, а Пушкин один

Было бы неправильно, говоря о женщинах, не сказать ни слова о... мужчинах. Ибо мы – люди, можно сказать, старорежимные и ретроградные, с традиционной ориентацией. Петербург – город Пушкина. Звучит банально, но справедливо. Вряд ли кто-то еще в нашей стране знал женщин лучше, чем Александр Сергеевич. Помните ироничное признание поэта в одном из писем: «Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена». Так вот, великий русский поэт наполовину в шутку, а наполовину всерьез оправдывал существование Петербурга исключительно существованием женщин:

*«Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит -*

*Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой».*

На встречу с Александром Сергеевичем я отправился к нему в город. В Пушкин. Слава богу, его не переименовали обратно в Царское Село. Ибо царей и цариц, при всем к ним уважении, у нас было много, а Пушкин – один.

Если в Смольном воспитывали «образованных женщин и хороших матерей», то в Царскосельском лицее – государственных деятелей, ученых, поэтов и... революционеров. В первом золотом наборе вместе с Пушкиным учились будущий канцлер России Александр Горчаков, поэт Антон Дельвиг и декабристы Владимир Вольховский, Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер.

Вы спросите, при чем здесь декабристы? Да притом что благодаря им в русской истории появился еще один идеальный женский образ – жена декабриста. Елизавета Нарышкина, Мария Волконская, Екатерина Трубецкая, Александра Муравьева, Наталья Шаховская и другие были петербурженками.

Тут, чтобы немного снизить пафос, верну старый советский анекдот:

– Ты бы поехала, как жена декабриста за мужем в Сибирь?

– За декабристом не знаю, а за Костолевским поехала бы.

Специально для молодых людей и барышень поясню: как сказали бы сейчас, секс-символ советского кино Игорь Костолевский сыграл в знаменитом фильме «Звезда пленительного счастья» декабриста Ивана Анненкова.

Если же без шуток, то повторюсь, жена декабриста – это идеальный образ русской женщины, почерпнутый уже не в литературе, а в самой жизни. Сегодня Сенатская площадь – классическое место, куда приезжают свадьбы, – наверное, в напоминание невестам о том, что они должны быть верны своим мужьям и в радостях, и в бедах.

Мягкая сила России

Наследницей пушкинской поэтической славы в Петербурге XX века стала Анна Андреевна Ахматова. Ее жизнь и судьба – наглядное доказательство единства Русского мира. Она родилась в Одессе, училась в Киеве, бывала в Крыму, а потом много лет жила в Ленинграде, в Фонтанном доме, где сегодня работает ахматовский музей.

«Украина, Крым, Россия для Ахматовой – часть единого культурного пространства», – говорит директор музея Нина Попова.

У Анны Андреевны были очень сложные взаимоотношения с советской властью, но она никогда не отделяла себя от своей великой страны. Не случайно ведь отказалась эмигрировать. А в 1942 году написала знаменитое стихотворение «Мужество»:

«Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, -
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово».

Кстати, один из вопросов, вынесенных на обсуждение Евразийского женского форума, – «Эра «мягкой силы». Мягкая сила России – это ее слово, ее язык, ее культура, литература, музыка, живопись и, конечно, ее женщины. Упомянутые в этих заметках и нет. Провластные. Олицетворяющие собой эту власть. Выступающие против нее. Все. И кстати, опять о Крыме. Евразийский женский форум пройдет в Таврическом дворце, построенном в честь воссоединения полуострова с Россией...

В последнюю ночь в Санкт-Петербурге я отправился посмотреть, как разводят мосты над Невой. Между прочим, этими мостами мы тоже обязаны женщинам. Как утверждают, первый мост появился в городе только после смерти Петра I, который мечтал, чтобы петербуржцы передвигались по каналам, как в Амстердаме или Венеции. Согласно легенде, вдовствующая императрица Екатерина I собралась переправиться на другой берег, но когда садилась в лодку, окунулась в ледяную невскую воду. Терпение государыни лопнуло, и, несмотря на заветы покойного супруга, она приказала навести через Неву первый мост.

Однако я немного отвлекся.

Так вот, я смотрел, как разводят мосты. Вернулся в отель поздно – пешком через весь Невский. И утром проспал. Чтобы успеть в аэропорт, пришлось заказывать такси. Женское. Так прямо и называется. За рулем – ну вы поняли...

В Пулковке я в спешке подбежал не к той стойке. Протянул паспорт.

– Отсюда вылет только за границу, – объяснила мне барышня в униформе. – Вам к другим стойкам.

Ну да, действительно, Крым вот уже полтора года никакая не заграница...

«Парламентская газета».

22.09.2015

Вирус Зико: по Рио из Крыма не в белых штанах

август 2016

Через несколько дней в Рио-де-Жанейро, на Олимпиаду-2016, съедутся спортсмены и болельщики со всего мира. Для кого-то Бразилия – это джунгли Амазонки, для кого-то – знаменитый карнавал, для кого-то – «много диких обезьян», для кого-то – Адриана Лима, Таис Оливейра и другие сногшибательные бразильские модели. А вот какой увидел эту страну корреспондент «Парламентской газеты».

Ослиные уши

– Do you like Putin? – спрашивает мой бразильский гид Кафа.

– Yes, – отвечаю я. – He is my president. And he saved my ass about two years ago.

И тут же задаю встречный вопрос:

– Do you like Dilma Rousseff?

– Нет, – отвечает Кафа. – Я голосовал за Дилму на выборах, но теперь, после того, как выяснилось, что она замешана в коррупции, полагаю, Дилма должна уйти.

Кафа – интеллигент. Белый, в очках, свободно говорит по-английски. В общем, почти как я.

– В том-то и беда, что почти, – думаю я. – У Кафы нет одной важной... прививки – от цветной революции.

На авениде Паулиста в Сан-Паулу разбит палаточный городок протеста. Рядом время от времени проходят митинги. Я по-португальски, можно сказать, ни бельмеса, но здесь и без слов все понятно. Коррупция, права человека, во всем виноват проклятый Янукович. То есть, прошу прощения, проклятая Дилма Руссефф. Я, конечно, не «бразиловед», однако сдаётся мне, за всей этой историей с отстранением Дилмы от власти торчат до боли, до крови знакомые ослиные уши. Если кто забыл, напоминаю, осел – символ Демократической партии США, той самой, к которой принадлежит нынешний президент этой «самой демократической страны в мире».

Дилма, как и многие другие латиноамериканские лидеры, не очень жалует Штаты. Слишком хорошо знают они «особенности национальной политики» США. При этом Бразилия – одно из крупнейших государств мира с огромными природными ресурсами – нефть, газ, железная и марганцевая руда, бокситы, золото. И, соответственно, слишком велик соблазн попытаться поставить у власти здесь своего человека. Вот и валят Дилму по старым, десятки раз испы-

танным лекалам цветных революций. А местная бразильская интеллигенция, классическим представителем которой является мой знакомый Кафа, и рада, развесив уши, слушать о борьбе с коррупцией, правах человека и других либеральных фетишах.

Сан-Паулу – один из самых больших мегаполисов мира. С пригородами – около двадцати миллионов человек населения. Группа местных ребят при поддержке муниципальных властей проводит бесплатные экскурсии по историческому центру города. Дело здесь, впрочем, не столько в халяве, сколько в возможности побродить по старому Сампа в сопровождении знающих город как свои пять пальцев аборигенов. Нас в тот день собралось на экскурсию человек двадцать со всего мира – из России, США, Великобритании, Германии, Швеции, Швейцарии, Австралии, Японии, Аргентины... Как кто-то заметил, были представлены четыре континента. Не хватало – по понятным причинам – Африки. Там не до туризма.

Экскурсантов просят заполнить небольшие анкеты. Я записываю: «Александр Машенко, Симферополь, Крым, Россия», внося свой скромный вклад в обеспечение международного признания российского статуса полуострова. Американец Стив, услышав о Крыме, тут же интересуется, как мне там живётся под московскими оккупантами. Я рассказываю ему, что абсолютное большинство жителей полуострова счастливы, что Крым вернулся в состав России. Стив слушает молча – заметно, как не совпадает мой рассказ с тем, что вдалбливает ему в голову американское телевидение. Наверное, думает, что я агент КГБ.

Между тем, такая самопрезентация крымчан как граждан России – и есть лучший способ закрепления в мировом сознании российского статуса полуострова. Тут ни дядюшка Эм, ни тетушка Хиллари ничего не сделают. Ну а что до властей США и стран Европейского союза, которые отказывают крымчанам во въездных визах в отместку за воссоединение с Россией, – им же хуже. Я потрачу свои деньги в Бразилии, Аргентине, Индии, Танзании, даст Бог, в Мексике и на Кубе.

Бразилия – страна контрастов

Впрочем, я отправился в Бразилию не для того, чтобы просвещать там американских туристов, не в пику Белому дому и даже не для того, чтобы понаблюдать за еще одной цветной революцией – с меня их, честно говоря, хватит.

У меня с детства... вирус Зико. Не Зика, а Зико. Артура Антуньеса Коимбра. Пацаном, в далеком 1982-м году, я плакал горячими слезами после того, как бразильцы проиграли 2:3 итальянцам и вылетели с Чемпионата мира по футболу. Ту команду, хоть она и осталась без медалей, до сих пор считают одной из величайших в истории самой футбольной в мире страны. Больше того, двое игроков из той команды причислены в Бразилии к... лику ангелов. Убедиться в этом можно в Музее футбола на стадионе «Пакаэмбу». Одна из экспозиций так

и называется – «25 ангелов». В этом сонме рядом с Зико и Сократесом другие великие бразильцы – Пеле, Гарринча, Диди, Жаирзиньо, Ривелино, Ромарио, Рональдо, Рональдиньо...

Для кого-то Бразилия – это джунгли Амазонки, для кого-то – знаменитый карнавал, для кого-то – «много диких обезьян», для кого-то – Адриана Лима, Таис Оливейра и другие сногшибательные бразильские модели. Для меня же Бразилия – это футбол. Я знаю в лицо, наверное, десятка три бразильцев, и почти все они (ну, за исключением Дилмы Руссефф, Адрианы Лимы и Таис Оливейры) футболисты. Эдсон Арантес до Нассименто, известный всему миру как Пеле. Мануэль Франсиско дос Сантос или просто Гарринча, Артур Антуњес Коимбра или Зико. Эти имена звучали для меня в детстве как магические заклинания. Ну и вот теперь, лет через 30 после детства, я в этой сказочной футбольной стране.

Нет ничего отвратительнее, чем пролететь двенадцать тысяч километров, сойти с трапа самолета и увидеть человека в точно таких же джинсах, как у тебя, и с точно таким же телефоном в руке. Глобализация, черт ее подери. В пятидесятых годах прошлого века великий латиноамериканский писатель Габриэль Гарсиа Маркес приехал в СССР на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Из этой поездки родилась книга «22 миллиона 400 тысяч квадратных километров без единой рекламы кока-колы». Сегодня это кажется утопией. «Кока-кола», «Ливайс» и «Эппл» захватили весь мир.

Сан-Паулу. Самый большой город в южном полушарии. И, может быть, одновременно, город самых больших контрастов в мире.

Помните, «тема лекции: «Нью-Йорк – город контрастов».

– Но я не был в Нью-Йорке, – уточняет Горбунков.

– А где же вы были?

– Я был в Стамбуле, Марселе...

– Пожалуйста: «Стамбул – город контрастов», какая разница? Объявление перепишем».

Я лекцию читать не буду. Ограничусь наблюдением о том, что главные улицы Сампа кишат (и этот глагол – не преувеличение) бездомными, а над ними летают на вертолетах богатые мира сего. Квинтэссенция дикого капитализма, в котором каждый сам за себя. Бомжи, улегшись в ряд, ночуют прямо на тротуарах в центре города – благо, климат позволяет, и местные жители, равно как и местные полицейские, похоже, давно перестали обращать на них внимание.

Утро. Авенида Паулиста. Бездомный спит, завернувшись в одеяло, прямо посреди уже довольно оживленного тротуара. Рядом – роскошные небоскребы. Банк Бразилии. Карл Лагерфельд. Прохожие просто переступают через бомжа и идут дальше по своим самым важным в мире неотложным делам. В первые бразильские дни нищета буквально лезет тебе в глаза, а потом ты, вслед за местными, начинаешь смотреть на оборванцев просто как на часть пейзажа.

Боги футбола

Одно из самых ярких впечатлений от Бразилии – джунгли. Буйная всепобеждающая растительность. Кажется, она связана с национальным характером жителей этой страны. Может быть, даже – во многом определяет этот характер, выплескивающийся в знаменитом бразильском карнавале, страстном бразильском футболе и каменном хаосе бразильских мегаполисов. Посреди Сан-Паулу есть маленький клочок воссозданного атлантического леса – парк Трианон. Те самые настоящие джунгли. Вот что здесь было в 1554 году, когда сюда пришли иезуиты нести дикарям свет европейской цивилизации. И вот что стало... В XX веке на смену первозданным джунглям пришли джунгли каменные. На них можно посмотреть сверху вниз – с крыши знаменитого небоскреба «Италия», а можно погрузиться в них, бродя по центру города.

Однако вернусь к футболу. В Бразилии это гораздо больше, чем спорт. Чем счет на табло. Чем пять кубков мира. Это национальное искусство. Или, еще точнее, культ. Не случайно ведь та музейная экспозиция, о которой я уже упоминал, сравнивает Пеле, Гарринчу и прочих великих игроков с ангелами. А другое расхожее сравнение гласит, что они – боги футбола.

В разное время Бразилия экспортировала разные товары – сахар, кофе, какао, каучук, золото, нефть. Сейчас один из главных видов национального экспорта – ...футболисты. Тысячи бразильцев играют в профессиональных лигах по всему миру, включая Россию. Маурисио в «Зените», Марио Фернандес в ЦСКА, Ромуло в «Спартаке», Гильерме в «Локомотиве», Ари, Вандерсон и Жоазиньо в «Краснодаре»... Денежные переводы бразильских легионеров на родину – это сотни миллионов долларов в год. Один Неймар в «Барселоне» зарабатывает около 10 миллионов. Такие себе бразильские «заробитчане».

Бразильская мечта – стать футболистом и вырваться из нищеты. Другого пути наверх у миллионов пацанов из бедных семей просто нет. И, наверное, ещё и поэтому именно дети – главные посетители футбольных музеев. Кто знает, может быть, лет через десять-пятнадцать кто-то из ребят, встреченных мною в музее Пеле в Сантусе, принесёт Бразилии шестой или седьмой кубок мира.

Собственно говоря, Пеле и есть воплощение бразильской мечты. Мальчишка из бедной провинциальной семьи, превратившийся в короля футбола. Причём это выражение – не просто метафора. Настоящие короны, и не одна, которыми увенчивали Пеле, хранятся в его музее. А сразу за окнами дома, в котором расположен музей, начинаются трущобы. Или, по-бразильски, фавелы.

Туристические открытки с видами Сантуса, которые продаются в ларьках, выглядят одновременно и издевательством, и надувательством. На самом деле этот город представляет собой довольно жалкое зрелище – даже если смотреть на него из окна скрежещущего допотопного туристического трамвайчика. А уж если побродить по улицам чуть в стороне от туристического маршрута...

– Муззу Пе-ле? – спрашивал я прохожих.

- Пеле! – оживлялись они и, бросив все свои дела, принимались объяснять мне, гринго, куда двигаться дальше.

- Руссо туристо, – объяснял я. – Облико морале. Привет вам с родины Льва Яшина, который был большим другом Пеле. Последней фразы, естественно, никто не понимал. И только один старик наклонил голову, прислушался и произнёс:

– О-о-о, Йа-шин!

И показал большой палец.

«Романтика» трущоб

Фавелы – один из символов Бразилии, романтизированный и одновременно демонизированный писателями, журналистами, кинематографистами и туристическими путеводителями. Трущоб в стране действительно хватает. На выезде из Сан-Паулу в сторону Сантуса они, например, тянутся на несколько километров. Если верить Бразильскому институту географии и статистики, по всей стране в фавелах живут около 12 миллионов человек. А мне так, например, показалось, что еще больше. Вот только, в отличие от многих, я не вижу в фавелах ничего романтического. Равно как, кстати, и ничего необыкновенного. Не верите – прогуляйтесь, например, по Старому городу в Симферополе. Думается, я не случайно так и не смог досмотреть до конца «Город Бога» Фернанду Мейреллиша – это всего-навсего история из жизни шпаны, которой хватает в любой стране мира.

Преувеличенной мне показалась и проблема преступности, которую так любят живописать средства массовой информации. Просто, как в любом мегаполисе мира, не нужно разезать варежку, шляться по окраинам и бродить ночью в одиночку по безлюдным улицам. Абсолютное, подавляющее большинство бразильцев – открытые, радушные люди, которые не собираются никого грабить, насиловать или убивать, да и власти стремятся сделать все возможное, чтобы обезопасить «курортников» – все туристические места патрулируют вооруженные до зубов полицейские.

Пожалуй, главная бросающаяся в глаза «косметическая» проблема Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро – это тот факт, что центры этих городов «окупировали» бездомные, страшные, источающие непередаваемый смрад бродяги. Их сотни – и куда их девать, решительно непонятно.

Бразилия – огромная страна. Одна из самых больших в мире. Больше нее только Россия, Канада, Китай и США. Обустроить такую громадину «от и до» – архисложная задача. Тем не менее, успехи Бразилии последних лет не заметить нельзя. Не случайно она добилась права провести два крупнейших спортивных соревнования планеты – Чемпионат мира по футболу в 2014 году и Олимпиаду, которая начнется через несколько дней в Рио-де-Жанейро. Это не просто спортивные, но и политические, экономические, инфраструктурные проекты, которые свидетельствуют о возможностях современной Бра-

зилии. Провести два таких форума подряд на достойном уровне под силу далеко не каждой державе. И, кстати говоря, это роднит Бразилию с Россией. У нас ведь вслед за сочинской Олимпиадой грядет Чемпионат мира по футболу – 2018.

Все это – и новые рабочие места, и новые спортивные и инфраструктурные объекты, которые будут служить ещё многие годы после окончания соревнований. Ну и, конечно, новые туристы со всего мира.

На перекрестке трех стран

Туристический потенциал Бразилии – грандиозен. Ежегодно эту страну посещают десятки миллионов туристов со всего мира. Ночные клубы Сан-Паулу, пляжи Рио-де-Жанейро, джунгли Амазонки, водопады Игуасу...

После Сан-Паулу городок Фос-ду-Игуасу и его окрестности выглядят глухой деревней. Это напоминает контрастный душ. Глубокое синее небо, оглушительный стрекот насекомых, ни с чем не сравнимый запах тропиков. После смога и пробок Сампа – настоящий рай в двух часах лета.

Водопады Игуасу – одно из общепризнанных чудес света. В мои задачи не входит их описание – это сделали авторы сотен путеводителей. Могу лишь сказать, что не родился ещё тот человек, который смог бы словами передать великолепие Игуасу что по одну, что по другую сторону бразильско-аргентинской границы.

Поэтому расскажу лучше о Светлане, с которой я познакомился, осматривая водопады. Она родилась в Тольятти, жила в Севастополе, потом на Донбассе. 12 лет назад уехала оттуда в Аргентину. Сейчас у неё небольшой бизнес в Буэнос-Айресе. Разговор, естественно, зашёл и о Крыме, и о Донбассе.

– Как у вас там со светом сейчас? – с уже появившимся едва уловимым акцентом интересовалась моя собеседница, демонстрируя хорошую осведомленность о ситуации на полуострове.

– Все окей, завершили строительство энергомоста с Кубани, – рапортовал я. Так что русская диаспора в Латинской Америке с крымчанами.

А еще водопады дали мне возможность отметить в Аргентине. Заглянуть хоть на полдня в страну Эрнесто Че Гевары и Диего Марадоны было делом принципа. Во всяком случае – для меня. Да и виды оттуда открываются на водопады как минимум не хуже, чем из Бразилии.

На аргентинской стороне индейцы гуарани торговали всяким хламом на туристическом рынке. Видеть этих ребят в амплуа барахольщиков было грустно, учитывая, что мои романтические представления о них формировали Фенимор Купер и Майн Рид. Обидно стало за деградацию гордого индейского народа, но я все-таки купил у потомков Чингачгука и Ункаса (не нужно мне рассказывать о том, что Чингачгук и Ункас – из другого племени, и вообще жили в Северной Америке, я знаю) калабасу и пачку матэ. Теперь вот, лежа на диване, потягиваю любимый напиток Че Гевары и сочиняю эти заметки.

Если в Аргентину я заглянул на полдня, то в Парагвай – на несколько секунд. В прямом смысле – одной ногой. Дело в том, что в Фос-ду-Игуасу есть такое место – три границы. Там даже обелиск специальный установлен. Направо пойдёшь – попадёшь в Аргентину, налево – в Парагвай, прямо – в Бразилию...

Ну и я, значит, одной ногой в Парагвай и бежать от парагвайских пограничников в аэропорт. На рейс в Рио-де-Жанейро.

Шесть миллионов жителей, и ни одного человека в белых штанах

Представления об этом городе среднестатистического россиянина базируются на романах Ильфа и Петрова «12 стульев» и «Золотой телёнок». Я прилетел в город мечты Остапа в белых... носках. Белых штанов у меня нет. И, вы знаете, может быть, это даже хорошо, что Бендер так и не попал в Рио. Иначе его ждало бы страшное разочарование. За пять дней я не встретил там ни одного человека в этих самых белых штанах. Хрупкое сердце командора могло не выдержать такого удара. Да и вообще, представление о Рио как о городе-празднике если и не полностью ошибочно, то уж во всяком случае односторонне. Хотя жители Сан-Паулу действительно немного презирают пляжников из Рио-де-Жанейро.

Главный пляж города – конечно, Копакабана. Хотя есть еще Леблон, Ипанема, Ботафого, Фламенго и многие другие. Пляж в Рио – это стиль жизни, олицетворение которого *beach boys* – загорелые спортивные парни, которые, кажется, проводят на песке у берега Атлантического океана подавляющую часть своего времени. Здесь ведь никто толком и не купается – в нашем привычном, «черноморском» смысле этого слова. Так, зайдут на пару минут в полосу тяжелого океанского прибоя и назад – к футволею.

На самом деле, в пляжный футбол на Копакабана не играют, во всяком случае, я не видел ни разу. Неудобно это, играть в футбол на пляжном песке – неудобнее, чем на огороде. А вот в футволей, волейбол без рук, шпилятся много и с удовольствием. Пляж в Рио – это философия, экзистенциализм по-бразильски. Жизнь здесь и сейчас.

Ещё одна визитная карточка Рио-де-Жанейро – легендарная «Маракана», когда-то вмещавшая 200 тысяч (!!!) зрителей. После реконструкции вместимость знаменитого стадиона стала поменьше – тысяч 170 – но все равно впечатляет. Да и не только во вместимости дело. «Маракана» – символ бразильского футбола – самого лучшего (по совокупности наград) футбола в мире. Я приехал на стадион за несколько дней до финального матча чемпионата штата между «Васко да Гама» и «Ботафого». Вокруг огромной чаши вилась очередь из нескольких тысяч человек – не видел такой ни разу в жизни – из желающих купить билеты на игру. Увы, матч был назначен на день, в который я улетал в Россию. Так что смотреть его пришлось дома, в записи. Игра завершилась со счетом 1:1, но по сумме двух матчей победу одержал «Васко да Гама» – 2:1.

Рио-де-Жанейро – это, как сейчас выражаются, набор вью-пойнтов. Смотровых площадок, с которых открываются пейзажи необыкновенной красоты. Самая известная из них – гора Корковадо, на вершине которой установлена статуя Христа. Большинство бразильцев – ревностные католики, это самая большая католическая страна в мире. У папы Римского здесь паствы больше, чем во всей безбожной старушке Европе. Хотя, с другой стороны, искать местных на вершине Корковадо – гиблый номер, если, конечно, не считать обслуживающий персонал. Зато наверняка за день здесь можно встретить граждан едва ли не всех стран мира.

Вьюпойнт №2 – гора «Сахарная голова». Это название – дань... структуре национальной экономики. Сахар был первым богатством Бразилии. Ее белым золотом. Основой экономики. Да и до сих пор страна остается крупнейшим в мире производителем этого продукта.

Великолепные виды открываются также с двух фортов по краям Копакабаны и с мыса Апроадор на стыке Копакабаны и Ипанемы. Однако я не путеводитель пишу. Путеводителей по Бразилии без меня написаны сотни. Я пытаюсь понять Бразилию как страну моей детской мечты.

Вкус Бразилии

«Я беспечный русский бродяга родом с берегов реки Волги, – пел у меня в наушниках Гребенщиков. – Я ел, что дают, и пил, что Бог пошлет под песни соловья и иволги. Я пил в Петербурге и я пил в Москве, я пил в Костроме и в Рязани. Я пил Лагавулин и я пил Лафройг, закусывал травой и грибами».

Не знаю, может быть, я и правда был бродягой в какой-нибудь прошлой жизни. Так или иначе, но на этот раз я пил в Сампа и в Рио-де-Жанейро. Бог посылал кашасу и кайпиринью. Закусывал шурраско, фейжоадой и разными тропическими фруктами. Пробовал страну на вкус.

«Я упал в Енисей, я выплыл из Невы, хотя, может быть, это была Припять, но я вышел элегантно сухой из воды и немедленно нашел, с кем здесь выпить», – продолжал бормотать в наушниках Борис Борисыч. Я достал из старенького походного рюкзака номер «Парламентской газеты» с фотографией президента России Владимира Владимировича Путина – может быть, единственного русского, которого знают в лицо бразильцы, и спросил своего случайного собутыльника Родриго: «Ты его уважаешь?» Родриго меня, конечно, не понял. Но поднял вверх большой палец – точно так же, как тот старик в Сантусе при упоминании Льва Ивановича Яшина.

Главная цель любого путешествия – почувствовать ту страну, то место, в котором ты оказался. Потому что изучить их, в скучном, школьном значении этого глагола, можно по учебникам и по телевизору. Просто усвоить набор фактов. Столица, население, география, экономика. Как говорил по другому поводу один из героев этих заметок Остап Сулейман Берта Мария Бендер-бей Задунайский: «Скучно, деушки».

Для того, чтобы почувствовать город, регион, страну, нужно время. Иногда – дни, иногда – месяцы, бывает – годы. Это зависит от многих факторов. У меня на то, чтобы почувствовать Бразилию на месте, было всего несколько дней. Хотя, с другой стороны, как я уже говорил, моё познание этой страны началось много лет назад. С телевизионных репортажей с чемпионатов мира по футболу. С книг известного советского журналиста Игоря Фесуненко – «Чаша Мараканы» и «Пеле, Гарринча и другие». С авторизованной биографии Пеле «Моя жизнь и эта прекрасная игра». С песен Карлоса Сантаны, хотя это, конечно, было уже попозже. *Black magic woman. Got your spell on me, baby. Got your spell on me...*

«Тело Бразилии находится в Америке, а душа в Африке», прочитал я в Национальном историческом музее в Рио высказывание священника Антонио Виейра. И, по крайней мере, отчасти он прав. За 400 лет работорговли в Америку привезли от 10 до 15 миллионов африканских рабов. И около сорока процентов из них пришлось на Бразилию.

Туризм – это завоевание мира на новый, постиндустриальный лад. Как там у Гумилева, «я – конквистадор в панцире железном, я весело преследую звезду». Я смотрел в Национальном историческом музее в Рио и в Пинакотеке в Сан-Паулу картины, на которых изображены открытие и завоевание Америки и представлял себя на месте тех первых европейцев, которые приплыли сюда пятьсот с лишним лет тому назад.

Бразилия была моей.

Прошло двое суток, в которые уместились четыре перелета. Я сошёл с трапа самолёта. Нет, это был уже не Рио-де-Жанейро. Это был Симферополь. Крым. Россия. Здесь нет таких джунглей, таких водопадов и таких футболистов. Но здесь есть заповедные горные леса, дворцы Большой Ялты, памятники Севастополя, пляжи Нового Света, водопады Учан-Су и Джур-Джур, обрывы Тарханкута и много всего другого. Да и в футбол мы тоже немного играем...

Много лет назад кто-то из советских журналистов поинтересовался у Пеле, когда, на его взгляд, сборная СССР станет чемпионом мира по футболу?

– Наверное, тогда, когда сборная Бразилии станет чемпионом мира по хоккею, – не растерялся король.

Не так давно в Москве завершился чемпионат мира по хоккею. Выиграть его у России не получилось, но она все-таки заняла третье призовое место. Бразильцев на этом чемпионате, естественно, не было. Наши на следующем чемпионате мира по футболу, который пройдет в России в 2018 году, точно будут. Так что во всяком случае мы в футболе – куда лучше, чем бразильцы в хоккее.

Я вернулся. В тот же день меня стали рвать на тысячу маленьких диких обезьян. И уже к обеду мне казалось, что не был я ни в какой Бразилии. Или того хлеще, как говорил Остап Бендер, «нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки

нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана.»

Десять вещей, которые надо сделать в Рио-де-Жанейро

1. Постоять у ног Христа-искупителя на Корковадо.
2. Съесть кусочек тростникового сахара на вершине горы Пан-ди-Асукар (русское название – Сахарная голова).
3. Сходить на футбол – лучше всего на стадион «Маракана». И обязательно – хотя бы несколько минут попинать мяч с местными мальчишками на пляже.
4. Купить футболку сборной Бразилии или одного из местных футбольных клубов – «Фламенго», «Флуминенсе», «Ботафого», «Васко да Гама».
5. Провалиться целый день на песке Копакабаны, время от времени охлаждая свое тело в водах Атлантического океана.
6. Посмотреть на закат с мыса Апроадор между Копакабаной и Ипанемой.
7. Попробовать Бразилию на вкус – объесться мясом в шурраскарии и немного (только немного) опьянеть от кашасы и кайпириньи.
8. Посетить знаменитый карнавал – правда, для этого надо ехать в Рио в феврале. В другое время года можно просто сходить в клуб, где танцуют самбу.
9. Прокатиться на велосипеде вокруг Лагоа – живописной лагуны, которую иногда называют сердцем Рио-де-Жанейро.
10. Перечитать роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

КСТАТИ

- В разное время Бразилия экспортировала разные товары – сахар, кофе, какао, каучук, золото, нефть. Сейчас один из главных видов национального экспорта – ...футболисты. Тысячи бразильцев играют в профессиональных лигах по всему миру, включая Россию.
- По данным Бразильского института географии и статистики, по всей стране в фавелах живут около 12 миллионов человек.
- Сан-Паулу – самый большой город в Южном полушарии. С пригородами его население достигает 20 миллионов человек.
- Ежегодно водопады Игуасу посещают около двух миллионов туристов.

«Парламентская газета».

05.08.2016.

Абхазия на крымских ладонях

октябрь 2016

Ну вот я и уголовник. Во всяком случае, по грузинским законам, которые запрещают пересекать границу между Россией и Абхазией под страхом лишения свободы на целых пять лет. Другое дело – таких, как я, в России за год набирается около двух миллионов человек. И да, чуть не забыл: у нынешних властей Украины тоже наверняка найдётся, что мне, крымчанину, «предъявить» – вплоть до «измены родине».

Машина времени

Чёрт с ними, с этими «демократическими режимами». На границе между Россией и Абхазией как будто установлена невидимая машина времени. Проходишь пограничный и таможенный контроль и по мосту через реку Псоу попадаешь в... девяностые годы прошлого века. Едва ли не главная их примета – женщины с гружёными доверху барахлом и продуктами тачками-«кравчучками», названными так в честь первого президента Украины; приграничная торговля – один из основных источников существования абхазов.

Тёплый субтропический ветер гонит по серому-серому асфальту мандариновые шкурки, шелуху семечек и целлофановые пакеты. Грузюсь в выдавший виды пыльный автобус, и он трясёт по ухабам в сторону Гагры. Поздний – не зимний, а осенний вечер в Гаграх – границу я переходил «под покровом темноты». Мастер чечётки Алексей Иванович Беглов из старого доброго шахназаровского фильма едва ли узнал бы сегодня этот город. Уличного освещения почти нет – это особенно бросается в глаза после сияющего постолимпийскими огнями Сочи, часть домов брошена и стоит в руинах.

«Белая ладонь на красном фоне, изображённая на государственном флаге Абхазии, – это символ гостеприимства», – рассказывает гид Эсма Горгулия. По легенде, абхазы опоздали к Богу на раздачу земель, так как у них были гости. Господь простил их по такому важному случаю и дал «участок», припасённый для себя. Так что абхазы живут на божьей земле, которая в изобилии родит мандарины, инжир, хурму, фейхуа и, конечно, главный «источник радости» – виноград, из которого производятся знаменитое абхазское вино и не менее знаменитая чача.

Апсуара – морально-этический кодекс абхазов – считает гостеприимство одной из главных добродетелей, но, увы, есть и негодяи, которые этот кодекс нарушают. Например, те, кто пытался выдать мне дешёвую крепленую бормотуху наподобие портвейна «Агдам» за хорошее вино, или те, кто в поисках легкой наживы расстегнул рюкзаки у моих друзей – хорошо, вытащить бумажники с документами и деньгами не хватило «квалификации». Так что апсуара апсуарой, а ухо в Абхазии лучше держать востро.

Главные кормильцы – российские туристы

На стенах советских многоэтажек – «шрамы» от осколков. Война здесь закончилась 24 года назад, но иногда кажется, что боевые действия велись ещё буквально вчера. Тому есть много разных причин. Главная, как утверждают сами абхазы, – блокада республики, которую в девяностых поддерживала не только Грузия, но и старая «ельцинская Россия». Много лет запертая со всех сторон Абхазия не жила, а выживала, и только в последние годы, после официального признания Россией, которое состоялось сразу после войны 08.08.08, дела в республике понемногу начинают идти на лад.

Ведущая отрасль экономики растянувшейся на 240 километров вдоль Черного моря субтропической Абхазии – туризм. Сухум, Гагра, Пицунда, Новый Афон, озеро Рица. Те самые два миллиона российских отдыхающих – главные кормильцы. Плюс, как сказали бы на Украине, абхазские «заробитчане», которые работают в России. Плюс благодатная абхазская земля. Огромное количество жителей республики фактически ведут натуральное хозяйство. Это единственный способ выжить при здешних зарплатах в 8–10 тысяч рублей и безработице в 50 процентов.

На обед Бог послал нам чачу, вино, мамалыгу, сыр, хачапури, лобио, мясо, помидоры, огурцы и много всего другого. «Я не отвечаю только за те продукты, которые изготовлены не у меня дома», – говорит наш хозяин и тамада Закан Агрба. Выясняется, что таких продуктов – ...два – минералка и лимонад. Всё остальное – собственного производства. Хотя, конечно, в обычной жизни столы у абхазов так не ломаются. Апсуара...

Абхазия и Крым

Гостеприимная Абхазия лежит на моих ладонях. Она похожа на Крым и внешне – горами, морем, солнцем – и внутренне. В теперь уже довольно далеком 1993 году я радовался победе абхазов. Они с оружием в руках отстаивали своё право на независимость от Грузии. Крымчанам пришлось терпеть Украину ещё 21 год – утешает лишь, что у нас на полуострове всё обошлось без большой крови. Да и сейчас мы живем, в общем, в похожих условиях. Так же, как у нас в Крыму, здесь под страхом санкций не работают крупные российские и иностранные компании. Подавляющая часть так называемого международного сообщества с упорством, достойным лучшего применения, продолжает считать Крым частью Украины, а Абхазию частью Грузии (на сегодняшний день независимость Абхазии признана Россией, Венесуэлой, Никарагуа, Науру, Южной Осетией, Нагорно-Карабахской Республикой, Приднестровской Молдавской Республикой и Донецкой народной республикой). Всем этим лощёным кабинетным западным дипломатам нужно понять одну простую вещь – они могут создать сколько угодно «контактных групп» по урегулированию конфликта, но вернуть Абхазию в состав Грузии им не удастся никогда. Точно так же, как им никогда не удастся вернуть в состав Украины Донбасс.

Их души тают над горами

В Абхазии не один День Победы, а два. Первый – 9 Мая. Второй – 30 сентября. Первый – День Победы в Великой Отечественной войне. Второй – День Победы в отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 годов. Кстати, грузин Мелитон Кантария, водрузивший флаг Победы над Рейхстагом, всю свою жизнь прожил в Абхазии, был депутатом Верховного Совета Абхазской АССР. Рассказывают, в последние годы Советской власти, ещё при живом Кантарии, кому-то из местного начальства пришло в голову воздвигнуть совместный абхазо-грузинский мемориал славы и похоронить там рядом двух героев Советского Союза: абхаза Варлама Габлию и грузина Мелитона Кантарию. Однако воплотиться в жизнь эпической задумке не довелось. В 1992 году грянула грузино-абхазская война, и Кантария вынужден был бежать в Москву, где и умер 26 декабря 1993 года. Похоронили его... в Тбилиси.

Вместе с Кантарией во время и после войны 1992–1993 годов из Абхазии бежали около 250 тысяч грузин, поселившихся там главным образом в советские годы. Сегодня население страны составляет 250 тысяч человек – примерно в два раза меньше, чем на момент распада Советского Союза. Половина из этих 250 тысяч – абхазы. Далее следуют грузины (около 19 процентов), армяне (около 18 процентов) и “лица славянской национальности” – ещё около 10 процентов.

День Победы в отечественной войне 1992–1993 годов и он же, одновременно, День независимости – главный национальный праздник. Да и как может быть иначе, если эта война – часть истории каждой абхазской семьи. «У меня погиб родной дядя – Геннадий Григолия», – рассказывает Эсма. У другого знакомого, Дмитрия Акуция, воевал отец. Третий, Закан Агрба, воевал сам вместе со своими сыновьями. А наш водитель рассказывает, что у него дома до сих пор лежат гранатомет «Муха» и автомат Калашникова. «Команды разоружаться не было, – говорит он. – Если, не дай бог, российские миротворцы уйдут, у нас есть, чем постоять за себя».

Каждое застолье обязательно сопровождается тостом за тех, кто отдал свои жизни за свободу страны. «Помянем тех, кто были с нами, / Кого судьба не сберегла. / Их души тают над горами, / Как след орлиного крыла» – это стихи русского поэта Александра Бардодыма, погибшего добровольцем на грузино-абхазской войне и похороненного в Новом Афоне.

За Россию!

«Ещё один обязательный тост – за великую Россию, поднимает Закан Агрба. – Если бы она не протянула нам руку помощи, никого из нас сегодня не было бы в живых», – говорит Агрба. В 2008 году Россия признала независимость Абхазии. И именно российские солдаты обеспечивают сегодня мир в этой стране, контролируя в составе миротворческого контингента границу с Грузией. Осенью 2014 года наши страны подписали Договор о союзничестве

и стратегическом партнёрстве сроком на 10 лет, согласно которому создаётся общее оборонное пространство и совместная группировка войск с перспективой полной военно-политической интеграции двух государств. Начиная с 2015 года Россия ежегодно выделяет на осуществление инвестиционной программы социально-экономического развития Абхазии по 4 миллиарда рублей. Наконец, практически у всех абхазов есть ещё и российские паспорта.

В Абхазии культ первого президента страны Владислава Ардзинбы – известного ученого-историка, востоковеда, возглавившего народ во время войны с Грузией. «Такие люди рождаются раз в столетие», – немного торжественно говорит Дмитрий Акуция.

На набережной в Сухуме абхазские мужики рубятся в нарды и шахматы, пьют самый вкусный в городе кофе и обсуждают большую политику. Рассказывают, Владислав Ардзинба в бытность президентом не брезговал приходить к ним и объяснять свои решения, а вот его «наследники» дорогу к простым людям забыли. «Мы Анкваба (президент Абхазии с 28 августа 2011 года по 1 июня 2014 года. – Прим. ред.) выгнали, выгоним и любого другого, если не будет слушать народ», – говорит Акуция.

Первый тост в Абхазии поднимают за Всевышнего. Второй – за встречу. Третий – за погибших. Но главный тост здесь – как, наверное, в любой стране, хорошо знающей, что такое война, – за мир. Мир, гарантом которого на Кавказе является Россия. «Когда едешь на Кавказ солнце светит прямо в глаз, возвращаешься в Европу, солнце светит прямо в...» – распевают современные абхазские частушки брат и сестра – Эраст и Эллада. Эрасту лет семь. Элладе – еще меньше. Здесь, в Абхазии, даже дети знают правду о России и Европе.

«Парламентская газета».

24.10.2016

Крым или Кавказ?

октябрь 2016

Ай-Петри или Эльбрус? Ялта или Сочи? Севастополь или Новороссийск? Анапа или Евпатория? В поисках ответов на эти вопросы собственный корреспондент «Парламентской газеты» в Крыму отправился на Кавказ – сравнить два главных курортных региона России.

Автобус мчит нас по дороге, которую в Крыму вот уже два с половиной года называют «дорогой жизни» – к Керчи. Навстречу движутся тяжёлые грузовики – полуостров зависит от поставок с материка больше чем наполовину. Трясясь на колдобинах, хорошо понимаешь, почему так необходима федеральная трасса «Таврида» от Севастополя до Керчи.

Нынешняя «дорога жизни» местами – например, последние километры перед переправой – разбита так, как будто здесь на самом деле идут боевые действия. Почему за два с половиной года нельзя было привести её в порядок – вопрос почти риторический. Особенно учитывая тот факт, что по ту сторону Керченского пролива с дорогами всё хорошо.

Другая лига

Теперь, после возвращения домой, я могу смело сказать: я видел новый российский Крым, о котором так много говорят (и для строительства которого, увы, не так много делают) на полуострове. Я видел его на... российском Кавказе. Хорошие дороги, чистые города и посёлки, благоустроенные сияющие набережные, доступные пляжи – таким может и должен стать наш Крым.

Вместе со мной в этой поездке были специалисты в области туризма – руководители и менеджеры нескольких крымских турфирм, экскурсоводы, путешественники, повидавшие не одну страну мира. Нас не встречали «на официальном уровне», иначе говоря – никто не втирал нам очки. Мы просто ездили по региону и смотрели на него своими глазами. Единогласное мнение экспертов – по уровню инфраструктуры Крым отстал от Кавказа на десятилетия. Об олимпийском Сочи молчу – другая лига. Это заметно, едва въезжаешь в город, а ведь когда-то Ялта была как минимум не хуже. При этом не Сочи единым. Чего стоит, скажем, 14-километровая набережная в Геленджике, по протяжённости (и не только) в одиночку превосходящая все набережные Крыма!

Экскурсионный потенциал

В нынешнем году Крым посетили уже около шести миллионов туристов из самых разных регионов России. Причин тому – несколько. Во-первых, страна у нас большая, а теплых приморских регионов в ней мало. Во-вторых, в силу экономического кризиса туристические поездки за границу стали значитель-

но менее доступными, чем пару лет назад. В-третьих, несмотря на архаичную полуразрушенную инфраструктуру и ненавязчивый сервис, у Крыма всё-таки есть свои несомненные преимущества. Прежде всего это действительно настоящий музей под открытым небом. Грандиозное количество туристических объектов. Начиная от пресловутого Ласточкиного гнезда и заканчивая заповедными Генеральскими пляжами. Хотя почему заканчивая? Одним перечислением этих объектов можно на спор забить всю газетную полосу. Не буду. Путеводители вам в руки. Тем не менее факт остаётся фактом: по количеству объектов показа и удобству, компактности их расположения Крым у Кавказа выигрывает.

«С точки зрения экскурсионного потенциала Крым – вне конкуренции, – говорит руководитель одной из турфирм Дмитрий Погребняк. – У нас даже не десятки, а сотни туристических маршрутов, один интереснее другого. Кавказ в этом смысле беднее. «Роза Хутор» – очень круто, но это не экскурсионный объект. Равно как и все эти «Мэрриоты», «Рэдиссоны» и прочие «Хилтоны». У нас ведь в Крыму никому не приходит в голову включать в экскурсионный маршрут пятизвёздочный комплекс «Мрия».

«И ещё – у нас лучше военно-патриотическая составляющая. Город-герой Новороссийск – это хорошо, но всё-таки наши объекты, прежде всего в Севастополе и Керчи, – богаче и разнообразнее», – добавляет путешественник и турист Александр Егоров.

Пример для подражания

За четверть века после распада СССР Краснодарский край заметно изменился к лучшему. Красная поляна, например, не уступит ни одному горному курорту Европы. «Видно, что в Кавказ вложены серьёзные деньги, – продолжает Егоров. – Это привело к конкретным, осязаемым, зримым результатам, которые можно увидеть не только в Сочи, но и в Геленджике, Анапе, Новороссийске». В Крыму почти все изменения постсоветского периода – к худшему. С 1991 по 2014 год полуостров, как и всю Украину, дерибанили, не вкладывая в развитие ни копейки. Вот эта разница между Крымом и Кавказом – и есть лучшая иллюстрация разницы между Украиной и Россией. Все, кто рассказывает о свободной, демократической, движущейся в Европу Украине, должны просто сравнить постукраинский Крым и российский Кавказ. И таких точек роста, регионов роста по стране не один, не две и не три.

«Надо отправить руководителей крымских городов и посёлков в учебный тур на Кавказ, чтобы они посмотрели, какими должны быть современные курорты», – предлагает специалист одной из турфирм Татьяна Коваленко.

Отличия бросаются в глаза на разных уровнях – и там, где нужны миллионы рублей инвестиций, и там, где всё дело в соблюдении закона, организации и дисциплине. «Здесь все пляжи открыты, а у нас, особенно на Южном берегу, одни заборы, – продолжает Коваленко. – Вокруг чистота, я не видела

ни одного забитого до отказа мусорного бака. Повсюду – велосипедные дорожки».

«Отставание Крыма в качестве сервиса становится всё опаснее, – считает Дмитрий Погребняк. – Знаете, первый курортный сезон после воссоединения был героическим, второй – патриотическим, а сейчас отдыхающие уже хотят нормальных услуг, а их нет».

В России есть где отдохнуть

«На самом деле мы во многом похожи, – говорит географ, дипломированный экскурсовод Яна Яковлёва. – Первые поселения на берегах Крыма и Кавказа основали древние греки, в последние столетия мы вместе развивались в составе Российской империи и Советского Союза. К распаду СССР наши регионы подошли в равных условиях. И тем заметнее, как сильно отстали мы за последние четверть века, которые Крым провёл в составе Украины. Мне стыдно перед нашими гостями за дороги, за качество обслуживания – особенно в больших «советских» санаториях, за неадекватный «ценник», за шалманы на Ай-Петри и в приморских городах и поселках».

Кавказ, ну или если быть более точным – Краснодарский край, показывает нам, крымчанам, к чему стремиться и на кого равняться. И тем не менее, отвечая на вопросы, которые были поставлены в начале этих заметок, я бы заменил союзы «или» на союзы «и». Получится: Ай-Петри и Эльбрус, Ялта и Сочи, Севастополь и Новороссийск, Анапа и Евпатория, Феодосия и Геленджик. Крым и Кавказ. Россия, в которой ещё очень много работы. И в которой есть где отдохнуть.

«Парламентская газета».

17.10.2016

Ближний Восток: время собирать камни

декабрь 2016

Двести тысяч арабских выпускников наших вузов говорят, поют, пьют и едят по-русски

Первым человеком, который встретил нас на древней иорданской земле, был Аллам Осман Садек – журналист и экскурсовод, свободно говорящий по-русски, выпускник журфака Ташкентского государственного университета. Аллам окончил его в 1993 году, затем 18 лет работал в местных иорданских газетах, пока наконец не переквалифицировался в экскурсоводы.

Из аэропорта мы, сквозь пустыню, направляемся в столицу Иордании Амман, где пройдет IX Всеарабская встреча выпускников советских и российских вузов. Первое, что бросается в глаза, – здесь слишком много камней. Это самая каменистая земля из всех, что довелось мне видеть, а видел я не так уж и мало. В голову, конечно, немедленно лезут строчки из Екклесиаста: «Всему свое время... Время разбрасывать камни, и время собирать камни...»

Камни здесь, на Ближнем Востоке разбрасывали все, кому не лень – начиная с Господа Бога и заканчивая американскими президентами, на денежных знаках у которых красуется та самая сакраментальная фраза: «In God we trust». Что-то вроде «с нами Бог» или «на Бога уповаем». Собирать камни на этой благословенной Богом земле приходится всем миром...

На войне как на войне

Мы в прифронтовой зоне. Иордания граничит и с Сирией, и с Ираком – двумя государствами, где идут самые кровопролитные войны сегодняшнего дня. А впрочем, здесь, на Ближнем Востоке, война уже много десятилетий подряд – почти естественное состояние. Арабо-израильская война 1948 года, Суэцкий кризис 1956-го, Шестидневная война в 1967-м, война «Судного дня» в 1973-м, Первая ливанская война в 1982-м, Вторая ливанская война в 2006-м, вторжение Ирака в Кувейт в 1990-м, война в Заливе в 1991-м, операция «Лиса в пустыне» в 1998-м, вторжение так называемой «международной коалиции» во главе с США в Ирак в 2003-м и последовавшая вслед за этим гражданская война, Арабская весна 2011-го, гражданская война в Йемене, начавшаяся в 2014-м... Конца-края этому не видно – кажется, что красноватая ближневосточная земля приобрела свой зловещий оттенок именно от пролитой на ней крови.

От Аммана до Алеппо – около пятисот километров. До Мосула – около тысячи. Эхо войны доносится сюда, в столицу Иордании, не гулом авианалетов или грохотом артобстрелов, а... голосами беженцев. Примерно полтора миллиона сирийцев и еще несколько сот тысяч иракцев нашли пристанище в Иордании. В результате, население страны выросло до девяти миллионов человек. Как заявил в феврале нынешнего года король Иордании Абдулла II, беженцы составляют 20 процентов от населения страны, а расходы на их содержание – около четверти государственного бюджета.

У въезда на территорию отеля салон и багажник нашей машины осматривает охрана. Войти в здание можно только через «рамку». И дело здесь не только в том, что Иордания окружена воюющими государствами, но и в том, что здесь хорошо помнят террористические акты 9 ноября 2005 года. Тогда шахиды-смертники из «Аль-Каиды» взорвали в Аммане три известных международных отеля – Grand Hyatt, Radisson и Days Inn. В результате терактов погибло 67 человек, а еще 115 было ранено.

Послы Русского мира

Для нас, крымчан, этот визит в Иорданию является ответным. В августе нынешнего года иорданская делегация посетила полуостров, побывала в Севастополе, Ялте, Бахчисарае. «В 2014 году, когда вы вернулись в Россию, наше общество сразу выслало вам телеграмму со словами поддержки, – говорил тогда председатель Общества российско-иорданской дружбы Исса Даббах. – А теперь наш народ хотел бы укрепить дружбу и установить экономическое сотрудничество».

Укреплять дружбу и устанавливать сотрудничество в сфере образования мы и отправились. Главный центр обучения иностранцев в России – знаменитый Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, но и Крымский федеральный университет внес свой вклад в «русификацию Арабского мира». Первые студенты из арабских стран поступили в наш вуз в теперь уже очень далеком 1962 году. Это были 22 человека из Ирака, Йемена и Судана. С тех пор высшее образование в Крыму получили около трех тысяч человек из Арабского мира. Все они не только стали хорошими врачами, инженерами, строителями, историками или филологами, но и выучили русский язык, благодаря чему мы теперь можем приезжать к ним почти как к себе домой, стали послами Русского мира в Арабском мире.

Большое видится на расстоянии

Более двухсот тысяч выпускников советских и российских вузов в Арабском мире – это «мягкая», но внушительная сила. Они говорят и... поют по-русски – «Пусть всегда будет солнце», «Подмосковные вечера», «Миллион алых роз», «Эскадрон» и, конечно, «Катюшу» – главную русскую песню Арабского мира. Да что там, они и пьют, и едят по-русски. Скучают по водке и борщу. Ведущий

встречи, иорданский режиссер Рашид Малхаз начал свое выступление с воспоминаний о «Ностальгии» Тарковского – фильме, который удивительно точно передает те чувства, которые испытывают он и его соотечественники, много лет прожившие в Москве, Ленинграде (Петербурге), Киеве, Харькове, Минске и других городах бывшего Союза. Россия для них – это именно весь бывший Советский Союз, с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном и другими республиками. «Я плакал, когда узнал о распаде СССР», – признается палестинский политик и писатель Рашид Фаиз. «Мы никогда не забудем того, что сделал для нас СССР, – вторит ему руководитель клуба выпускников советских и российских вузов «Ибн-Сина» Салям Аль-Твай. – Без вас мы были бы никем».

Кроме багажа знаний, многие арабские выпускники привезли домой и... русских жен. В одной Иордании их несколько тысяч. Халед Хаддадин познакомился со своей будущей русской женой, Ириной, на БАМе, куда его, инженера-геодезиста, отправили на практику. Сейчас у Халеда своя строительная фирма. И вроде бы все есть, но чего-то не хватает. Молодости. И ее вкуса. Ирина ждет, пока кто-нибудь привезет из России настоящего черного хлеба – здесь, в Иордании, даже в русских магазинах он кажется ей ненастоящим. На сумке у Ирины повязана георгиевская ленточка. Такая же ленточка – и на машине ее арабского мужа, Халеда.

Есенин был прав: большое видится на расстоянии. Здесь, на Ближнем Востоке, общаясь с людьми, которые учились у нас на родине, еще лучше понимаешь, какой великой, притягательной для всего, не только арабского, мира страной был Советский Союз. И как слепы и глупы те, кто видит в нашем прошлом только ужасы ГУЛАГа или очереди за вареной колбасой по два десятка.

Земля и небо

Русское присутствие чувствуется и... на горе Моисея. Согласно Священному Писанию, отсюда Господь показал своему пророку землю обетованную. На месте, откуда Моисей увидел наконец цель своих сорокалетних странствий, стоит его символический жезл, а внизу расстилается иорданская долина.

Здесь же находится «мемориал Моисея» – считается, что, увидев землю обетованную, пророк умер прямо на горе – то ли от радости, то ли от изнеможения, то ли от чувства выполненного долга. На вершине сохранились остатки первой церкви, построенной в конце IV века с целью отметить место кончины ветхозаветного пророка, и остатки византийского монастыря IV–VI веков. Все это находится сейчас на попечении у ордена францисканцев.

Другое название горы Моисея – гора Небо или, как часто называют ее русскоговорящие экскурсоводы, гора неба. Так вот, если смотреть не в высокоое ясное синее иорданское небо, а под ноги, в землю, то там можно обнаружить высеченные на плитках русские имена и фамилии. Виталий Максимов, Ле-

онтий Архипов, Дмитрий Черниченко, Вячеслав и Кирилл Рековы и многие другие пожертвовали крупные суммы денег на обустройство «мемориала Моисея».

У монаха-францисканца... звонит айфон. Он достает из складок подпоясанного простой веревкой черного балахона суперсовременный гаджет, бросает взгляд на экран, сбрасывает и продолжает бубнить что-то из Священного Писания. Тысячелетия причудливо переплелись на этой древней земле...

Месси против короля

Иордании не повезло. В ее недрах, так же как и в недрах Израиля, нет «жидкости века». Пока соседние государства купаются в нефти (а некоторые, как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, – и в роскоши), Иордания вынуждена уповать на другие сферы экономики – экспорт фосфатов, торговлю, многие иорданцы отправляются на заработки в ту же Аравию или Эмираты. Все более важную роль в структуре экономики страны играет туризм – курорты двух морей, Красного и Мертвого, и одно из новых семи чудес света – знаменитая Петра, которую ежегодно посещают около полумиллиона путешественников со всего мира.

Естественно, отправляемся туда и мы. То тут, то там на стенах окрестных домов висят огромные изображения Лионеля Месси, рекламирующего один из современных дивайсов. По количеству фотографий с ним могут соревноваться только члены королевской семьи из династии Хашимитов: король Абдулла II, его отец, король Хусейн ибн Талал, правивший страной с 1952 по 1999 год, и наследник престола, 22-летний Хусейн ибн Абдулла. Штрих к портретам королевских особ: никому из них места на нашей встрече выпускников советских и арабских вузов нет, они учились в Великобритании и США со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Джордан и Джордан

– Джордан.

– Майкл Джордан?

– Ну, стэйт оф Джордан.

Иорданию связывает с США не только эта, но и другая игра слов. В эллинистическо-римскую эпоху нынешняя столица страны Амман носила название... Филадельфия. Однако еще важнее реальные политические отношения Иордании и Америки. Иордания – один из ключевых «союзников США вне НАТО» – это не просто констатация факта, а особый законодательно закрепленный союзнический статус. Впрочем, это касается в основном взаимоотношений элит. Простой народ Америку здесь не жалуется, возлагая на нее вину за войны на Ближнем Востоке.

К России отношение прямо противоположное. «Россия в Сирии воюет не за Асада, а за весь Арабский мир, – говорит заместитель председателя Клуба выпускников советских и российских вузов «Ибн-Сина», адвокат Юсеф

Хамдан. – Если боевики Исламского государства (запрещено в России – ред.) победят в Сирии, они двинутся дальше и рано или поздно доберутся и до Иордании».

Делаем остановку – выпить ароматного местного кофе с кардамоном и купить немного туристического мусора – магнитов, открыток и прочих брелоков. В огромном сувенирном супермаркете молодой парень говорит по-русски – почти свободно, с небольшим арабским акцентом. Спрашиваю, откуда? Отвечает: шесть лет учился на Украине, в Луганске.

«Луганск – это больше не Украина», – замечаю я.

Омар кивает: «Знаю, у меня там друзья остались, время от времени пишут о том, что там происходит, присылают фотографии, сейчас, говорят, стало спокойнее, но все равно почти как на войне».

Золото Петра

Петру долго описывать не стану. Это место из тех, которые лучше один раз увидеть, чем сто раз о нем прочитать. Да и написано об этом древнем городе уже столько, что мне предшественников ну никак не переплюнуть. Кстати, те, кто пока не добрался до столицы древней Идумеи, могут увидеть ее не только на наших фотографиях, но и в знаменитых фильмах – «Арабские ночи», «Индиана Джонс и последний крестовый поход», «Синдбад и глаз тигра» и многих других. Или сыграть на руинах каменного города в компьютерной игре Civilization V: Gods & Kings.

Как я уже замечал, Петра – это главная туристическая достопримечательность страны. Ежегодно ее посещают около полумиллиона туристов, каждый из которых выкладывает за вход по пятьдесят иорданских динаров (около 70 долларов). Итого, только за билеты, 35 миллионов долларов. Прибавьте к этому сопутствующие расходы на проезд, еду, сувениры, и вы поймете, что этот древний город на самом деле построен не из камня (Петра в переводе означает камень), а из золота. Туристов обслуживают не только люди, но и животные. Так же, как и у подножия египетских пирамид, здесь можно наблюдать за эволюцией... верблюда, который превратился из вьючного животного в туристическое. Величественные корабли пустынь больше не бороздят пески Аравы или Вади-Рам, а покорно подставляют свои горбатые спины туристам, чтобы те смогли за несколько динаров сфотографироваться на фоне Эль-Хазне – «Сокровищницы фараона».

За русский Крым и русскую Иорданию!

Дома у президента общества российско-иорданской дружбы, профессора Иссы Даббаха – небольшой (правильнее было бы написать – не маленький) «русский музей». Картины, посуда, книги, внушительная коллекция советских орденов и медалей, значков и марок. На торжественном ужине профессор поднимает тост за русский Крым. Мое алаверды – за русскую Иорданию.

Исса Даббах был первым иорданским выпускником советского вуза, в 1966 году он окончил Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Уверен, последнего иорданского, последнего арабского выпускника российских вузов не будет никогда. Представители Арабского мира всегда будут учиться у нас в стране, становясь затем послами Русского мира на своей родине.

Поздно вечером мы едем в аэропорт. Вновь – через каменистую иорданскую пустыню. И мне вновь вспоминается Екклесиаст: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

Время возвращаться домой. И время наступить наконец миру на этой красной от минералов и крови земле.

ЦИФРА:

- 1,5 миллиона иностранных студентов практически из всех стран мира окончили в разные годы советские и российские вузы.
-

«Парламентская газета».

02.12.2016.

Куба – полвека в блокаде

июнь 2017

С Полуострова свободы на Остров свободы

Три года под санкциями в Крыму показали – это надолго. Янки так просто не отступят. И я отправился туда, где, наверное, лучше всех в мире знают, каково это – жить в условиях экономической блокады. Куба существует в таких условиях уже больше полувека. Вот у кого можно учиться выживать в душных объятиях мирового империализма.

Русский бриллиант в основании «дорог Свободы»

В гаванском аэропорту Хосе Марти меня встретил таксист Пабло на огромном черном «понтаке», сошедшем с конвейера в Детройте в пятидесятых годах прошлого века. Машины – первое, что поражает путешественника на Кубе. Колесящие по дорогам Острова свободы раскрашенные в яркие тропические цвета «форды», «шеви», «бьюики», «плимусы» и прочие допотопные американские примусы в таком количестве не сохранились больше нигде в мире, включая саму Америку. Другая составная часть автопарка – советская классика. Старые «волги», «москвичи», «жигули» и ЗИЛы – знаменитые грузовики с голубыми кабинами – их нынче в таком количестве тоже не сыщешь ни в одном российском городе. Это автомобильное «противостояние» как бы иллюстрирует борьбу за Кубу между Америкой и Советским Союзом в XX столетии. Ну а Куба XXI века – это китайские «джили». Такой, весьма вероятно, будет и политическая эволюция страны – к многоукладной китайской модели социализма.

«Дороги свободы» – так себе, но лучше, чем в Симферополе. Огромная надпись на заборе заявляет о выборе, сделанном в теперь уже далеком 1959 году, – «социализм или смерть».

Я остановился у Луиса. В восьмидесятых он, как и многие другие его соотечественники, учился в СССР. Окончил Ленинградский политех, что дело не простое. Много лет работал инженером-гидротехником, а сейчас, как говорят у нас в Крыму, «держит курортников». 30 куков-долларов в сутки. Самый распространенный «частный бизнес» на острове. В 2016 году Кубу посетило около четырех миллионов иностранных туристов, что позволило пополнить государственную казну на два миллиарда долларов – больше доходов стране дает только сахарная промышленность.

Главный туристический центр Гаваны – местный Капитолий, построенный в 1929 году «по мотивам старшего вашингтонского брата». Однако есть там и

наш, «русский след». В основании всех дорог Острова свободы, которые ведут свой отсчет с расположенной в Капитолии отметки нулевого километра, лежит алмаз в 25 карат, принадлежавший когда-то последнему российскому императору Николаю Второму.

Большинство кубинцев очень доброжелательны и по первой просьбе (а часто и без нее) бросаются тебе на помощь. Черта социалистического воспитания. Как пела черепаха Тортила, «я сама была такою триста лет тому назад». В автобусе я знакомлюсь с еще одной бывшей советской студенткой – Вивиан училась в Московском текстильном институте, а потом несколько лет жила с мужем в Донецке. «Там война», – роняю я. «Знаю, – отвечает собеседница, – и не понимаю, как могут воевать друг с другом братья».

Сейчас Вивиан живёт в старой Гаване вместе с отцом, которому 91 год. Автобус проезжает мимо здания Министерства связи, со стены которого на нас смотрит Камило Сьенфуэгос в своем знаменитом сомбреро. «Мой папа, Рамиро Круз Салвиа, воевал в его колонне, – говорит Вивиан, – и по-прежнему верит в идеалы революции, хоть наша жизнь и не похожа на знаменитый кубинский тростниковый сахар». Я рассказываю ей, что собираюсь из Гаваны в Сантьяго-де-Куба – на могилу Фиделя. Вивиан достаёт мобильный телефон и звонит на другой конец острова своей старой приятельнице с просьбой встретить меня в аэропорту и приютить у себя дома.

С Хемингуэем на брудершафт

Однако это будет ещё через несколько дней, а пока я направляюсь в Кохимар – тихий приморский городишко, чем-то напоминающий наши крымские посёлки у моря. Когда-то в его гавани швартовал свою «Пилар» Эрнест Хемингуэй. Сейчас на берегу установлен памятник писателю. Сама яхта стоит на вечном приколе на вилле Хемингуэя «Финка Вихия» в Сан-Франциско, объясняет мне хозяин расположенного рядом бара «Папаша Хэм». «Сан-Франциско, Ю-Эс-Эй?» – переспрашиваю я. «Нет, – смеётся мой собеседник, – Сан-Франциско, Куба».

«Никогда не поздно изменить маршрут, все путеводители немного да врут», – напеваю я вслед за «Сплином». Придется раскошелиться на тачку. Видавший виды «форд» глохнет на полпути. На выручку приходит кто-то из местных. Заводимся с толкача. В доме Хемингуэя со всех стен на меня смотрят остеклевшие глаза диких африканских животных, добытых писателем во время его многочисленных путешествий. Афиши корриды, притащенные им из Испании. Опустошенные бутылки. Белое кресло за длинным-длинным столом и такая же большая белая мусорная корзина – один из главных аксессуаров хорошего писателя, чтобы было куда выбрасывать неудавшиеся рукописи. Газеты, журналы, книги. «Война и мир» и «Анна Каренина» Толстого, «Братья Карамазовы» Достоевского, «Записки охотника» Тургенева, «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств» Флобера, «Улисс» Джойса и многие другие.

«В наше время писателю надо либо писать о том, о чем еще не писали, или обскакать писателей прошлого в их же области. И единственный способ понять, на что ты способен, это соревнование с писателями прошлого. Большинство живых писателей просто не существует. Их слава создана критиками, которым всегда нужен очередной гений, писатель, им всецело понятный, хвалить которого можно безошибочно. Но когда эти дутые гении умирают, от них не остается ничего», – сказал однажды Хемингуэй.

От Хемингуэя нам остались бессмертные рассказы, повести, романы, над многими из которых он работал на Кубе – «Праздник, который всегда с тобой», «По ком звонит колокол», «Старик и море», «Острова в океане». И еще от него нам остался литературно-алкогольный ритуал: выпить в двух знаменитых гаванских барах – «Бодигите» и «Флоридите». По священному литературному преданию, в «Бодигите» писатель закидывался мохито, а в «Флоридите» – дайкири. Теперь его примеру следуют толпы туристов со всего, ну или почти со всего мира, переплачивая за напитки как минимум раза в три. Многие ли из них помнят, как звали главного героя романа «Иметь и не иметь», – не знаю. Бронзовый классик философски взирает на это из своего угла, благодушно фотографируясь с любым желающим. На стойке прямо перед писателем кто-то поставил пустую бутылку из-под... пива. Да уж, старина Хэм выпил свою «чашу» до дна. Я панибратски беру классика под руку и разворачиваю перед ним номер «Парламентской газеты». Почитаем? Ничем не хуже «Торонто Стар», собственным корреспондентом которой он работал немало лет.

Нет, я не гринго, я другой

Историю рома, который составляет основу мохито и дайкири, можно узнать в музее в старой Гаване, надпись на фронтоне которого гласит: «Ром – сын Кубы». Экскурсии проводятся на английском, французском, немецком, испанском и португальском языках. Я спрашиваю у билетёрши, почему такая несправедливость? Почему нет экскурсий на русском, ведь русские – самые большие пропойцы в мире. Билетерша смеётся, а потом объясняет, что русскоязычных посетителей в музее немного, так что экономического смысла проводить для них отдельные экскурсии нет.

После рома мучительно хочется попробовать еще одно национальное достояние Кубы – сигару. В магазине, расположенном в старом здании самой знаменитой кубинской табачной фабрики «Партагас», всегда очередь из иностранцев. Местным сигары «не по зубам». Дорого. На стенах фотографии знаменитостей, посещавших фабрику. Чаще других «позируют» Жерар Депардьё и Джек Николсон. Насколько можно судить, три самые продаваемые марки – «Черчилль», «Коиба» и «Монте Кристо». С первой все ясно без лишних слов, вторую любил Фидель, третью – Че.

В очереди в Музей кубинской революции больше всего янки, которые после установления в 2015 году дипломатических отношений между США

и Кубой ринулись открывать для себя запретный остров. Для них Фидель, Рауль, Че – злодеи из телевизионных сказок Си-Эн-Эн. «Почему нас все ненавидят?» – вот о чем надо бы задуматься вслед за классиком современной американской литературы Гором Видалом этим туристам, глазеющим в музее на фотографии горстки герильерос, перевернувших в 1959 году их «американскую сахарницу» – так иногда называли в те годы Кубу – вверх дном. Маленькая Куба, больше полувека успешно противостоящая американской блокаде, вместе со многими другими странами Латинской Америки – Венесуэлой, Боливией, Никарагуа, – отличная иллюстрация того, что США далеко не всеисильны.

Я возвращаюсь «домой» по знаменитому гаванскому малекону. Двое уличных музыкантов поют мне что-то о гринго. «No soy gringo, – возражаю я. – soy ruso». Русо туристо на Кубе братьев Кастро Рус. Через дорогу над русским рестораном «Nazdarovic» развевается красный флаг с серпом и молотом.

Sapienti set

Сантьяго-де-Куба – второй по величине город острова – лежит на противоположном конце страны. Большую часть туристического пирога съедают в Гаване, Варадеро и на Кайо-Коко. Поэтому в Сантьяго турист на вес золота. Луисито и Мигель, кажется, готовы сделать все что угодно, лишь бы я остановился у них. И это неудивительно. Я заплачу им за двое суток 50 куков – больше чем месячная зарплата среднего кубинца. Как и Гавану, Сантьяго-де-Куба основал в начале XVI века Диего Веласкес. Здесь даже сохранился дом знаменитого испанского конкистадора. Однако не он главная достопримечательность города. Именно отсюда родом два национальных героя – Хосе Марти и Фидель Кастро. Именно здесь расположена главная усыпальница страны – кладбище святой Ифигении, где покоится их прах. Хосе Марти – в огромном, резко выделяющемся на фоне других захоронений мавзолее. Кастро – под небольшим, напоминающим булыжник серым камнем, к которому прикручена табличка с одним словом – Фидель. Сколько в мире людей, к имени которых можно ничего не прибавлять – ни титулов, ни званий, ни даже фамилии? Как говорили древние, sapienti set. Умному достаточно.

Умирая, Фидель запретил устанавливать ему памятники и переименовывать в его честь улицы, площади и города. «Мы не согласны с этим, – говорит Вивиан, – но такова была его воля». Так что «кубинского Ленина» не будет.

Сейчас у власти – «последний из могикан» кубинской революции, младший брат Фиделя Рауль. Кастро Второй. Однако совсем скоро у страны появится новый лидер. В следующем году на Кубе пройдут выборы главы государства – председателя Государственного совета. При этом 85-летний Рауль Кастро уже заявил, что не собирается в них участвовать. Среди вероятных преемников чаще всего эксперты называют его первого заместителя в правительстве Мигеля Диаса-Канеля.

Флаг Полуострова свободы над Островом свободы

2 декабря 1956 года недалеко от Сантьяго высадились 82 кубинских революционера, чтобы уйти в окрестные горы Сьерра-Маэстра для организации партизанского движения против режима Фульхенсио Батисты. В самый тяжелый момент их оставалось 17 человек. И тем не менее два с небольшим года спустя они вошли в Гавану, а Батиста бежал в США.

Собираюсь в горы и я. «Испытать на себе трудности партизанской жизни». В три часа ночи выдавший виды «Хендэ» везёт меня к подножию пика Туркино – высочайшей вершины Острова свободы. Водитель Фернандо пытается что-то рассказывать на смеси испанских и английских слов. Я дремлю, и в полусне мне мерещатся прячущиеся в джунглях барбудос в оливковой униформе. Совсем недалеко, буквально в нескольких километрах, засели на своей базе в Гуантанамо чёртовы янки и не выкуришь их оттуда уже без малого 60 лет. По действующему договору от 1934 года, аренда базы является бессрочной и может быть расторгнута «только по обоюдному согласию сторон».

Справа необычно низко для русского глаза «висит» Большая медведица. Звезды в тропиках ярче, чем уличные фонари в Симферополе. Слева плещется море. Впереди дорогу преграждают сотни кубинских... крабов, словно не пуская нас к священной вершине кубинцев. Где можно, Фернандо их объезжает, где членистоногий строй оказывается слишком плотным – давит.

Высота пика Туркино «всего-навсего» 1974 метра, но поверьте мне, взбравшемуся на греческий Олимп поболтать о том, о сём с Зевсом-Вседержителем и на крышу Африки потрогать воспетые стариком Хемингуэем снега Килиманджаро, это отнюдь не легкая прогулка. Секрет в том, что подъем начинается у самого моря, и это полновесные два километра вверх и два вниз за один день.

Однако где наша не пропадала. Если выжили здесь Фидель с Че, выживу и я. Вместе со мной поднимаются итальянец из Милана Микеле и французенки Анаис и Шерзад.

- Ну, кто же не знает Милана, – реагирую я.
- Крым? – в затруднении переспрашивает Микеле.
- Севастополь, – помогаю я ему понять, с кем он имеет дело.
- А-а-а, ну, кто же не знает битву за Севастополь, – улыбается итальянец.
- Крым... Это же вроде бы Украина, – Анаис и Шерзад иногда смотрят свой французский телевизор. Приходится провести небольшую политинформацию о воссоединении полуострова с Россией. Девчонки слушают одновременно с интересом и недоверием – мой рассказ явно не вписывается в их картину современного мира. А впрочем, не они в этом виноваты. Заодно я рассказываю о Крымской войне, в которой Франция, Англия, Турция и Сардиния воевали против России. И, конечно, о том, что в их стране полно крымских топонимов – Севастопольский бульвар и Альминский мост, тот самый, в туннеле под ко-

торым погибла принцесса Диана, в Париже, или маленький городок Малахов, названный так в честь Малахова кургана.

Семь часов подъема – и мы на вершине, которую украшает памятник Хосе Марти. Весьма вероятно, впервые в истории над Островом свободы – Кубой взвивается флаг Полуострова свободы – Крыма. Я разворачиваю крымский флаг и достаю почитать... «Парламентскую газету». Пик Туркино расположен в одноименном национальном парке, и наш проводник-кубинец, ни бельмеса, конечно, не понимающий по-русски, с интересом рассматривает на последней странице номера фотографии национального парка Зюраткуль. Особенно сильное впечатление на него производит ледяной фонтан – вот уж действительно, такого на Кубе не сыщешь ни за какие куки.

Барбудос

Следующая остановка на кубинской земле – «оккупированный» тысячами туристов открыточный колониальный городок Тринидад, полностью включенный в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Здесь в атмосфере праздности и безделья красиво течет образцовая романно-кинематографическая карибская жизнь. Однако меня больше поражает расположенная в 16 километрах от городка четырехъярусная сторожевая башня Манака-Иснага, построенная местным латифундистом Педро Иснагой для того, чтобы наблюдать за работой 30 тысяч рабов, обрабатывавших его плантации сахарного тростника.

Пришедшие в начале XX века на смену испанцам американские колонизаторы принесли с собой лишь более изощренные технологии эксплуатации человека человеком, превратив Кубу в большой тропический бордель. И так продолжалось до тех пор, пока в этих местах не появился аргентинец Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна или попросту – Че.

1 января 1959 года отряды команданте разбили правительственные войска Фульхенсио Батисты в сражении за Санта-Клару. Путь на Гавану был открыт. Кубинская революция победила. И, победив, вдохнула новые силы в революционное движение по всему миру, в самую идею революции.

К тому времени, к 1959 году, революционные идеалы в Советском Союзе были если не развенчаны, то в существенной мере дискредитированы. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что в 1953 году был арестован и расстрелян Лаврентий Берия, а в 1956 году состоялся XX съезд КПСС, на котором было принято постановление о преодолении культа личности Сталина. Пройдет еще пару лет, и в 1961 году тело «вождя народов» вынесут из мавзолея.

В общем, в истории Советского Союза к концу пятидесятых – началу шестидесятых годов было уже слишком много грязных пятен – коллективизация, лагеря, Берия, Сталин... И вот здесь и появились кубинские барбудос, бородачи Эрнесто Гевара, Фидель и Рауль Кастро. Как бы на смену другому знаменитому бородатому трио – Маркс, Энгельс, Ленин.

Молодые, красивые, свободные, с автоматами наперевес. Секс-символы шестидесятых годов – в не меньшей степени, чем «Битлз» или «Роллинг стоунз». Новые романтические герои. Исключительные личности в исключительных обстоятельствах. Бунтари. Люди, бросившие вызов несправедливости окружающего мира. В одиночку или с горсткой товарищей против многократно превосходящих сил противника. Крошечный отряд повстанцев против армии диктатора Батисты. Маленький, почти безоружный Остров свободы против огромной Америки, арсенала которой хватит на то, чтобы сотни раз пустить этот остров ко дну вместе со всеми его жителями.

До и после Карибского кризиса

Защитить новую чистую светлую революционную страну, да еще и так удачно расположившуюся под самым носом, под самым брюхом, «на заднем дворе» у проклятых американских империалистов, мог только СССР. Что он и сделал. Как сказал Никита Хрущев, давайте подсунем американцам ежа, чтобы они не смогли проглотить Остров свободы.

Советско-кубинское военное сотрудничество началось в конце 1960 года. А 21 мая 1962 года строго ограниченный круг руководителей Министерства обороны СССР получил задание спланировать беспрецедентную по масштабам и срокам операцию «Анадырь» по доставке и размещению на Кубе баллистических ядерных ракет средней дальности и крупной группировки советских войск. В перевозках войск, боевой техники и вооружения приняли участие 85 судов, которые совершили 180 рейсов на Кубу и обратно.

14 октября того же 1962 года американский разведывательный самолет заснял строительство на Кубе стартовых позиций ракет Р-12, 16 октября о результатах аэрофотосъемки доложили президенту Джону Кеннеди. Вооруженные силы США были приведены в повышенную боевую готовность. Карибский кризис грозил перерасти в мировую катастрофу. Но в последний момент у Кеннеди и Хрущева хватило здравого смысла и выдержки. После переговоров американский президент дал гарантию не вторгаться на Кубу, если СССР уберет с острова наступательное оружие. На Кубе остался символический контингент советских войск – одна мотострелковая бригада. В октябре 1991 года было принято решение о полном выводе наших военных специалистов с Кубы – на тот момент их там было около полутора тысяч. Последние, уже не советские, а российские военнотружущие покинули Остров свободы в 1993 году.

До свидания, команданте!

Однако вернемся назад, в Санта-Клару, где захоронены останки команданте Че Гевары и его товарищей, погибших в 1967 году в джунглях Боливии. Погибших, замечу, не зря. Их дело в этой стране в итоге победило. В прошлом году нынешний президент Боливии Эво Моралес торжественно открыл в деревушке Ла-Игера, где был расстрелян Че, Культурный центр имени легендарного

команданте. «Мы продолжаем возвращать память о борьбе, мыслях и идеалах Че», – сказал глава современной Боливии.

В музее-мавзолее в Санта-Кларе лежат книги, которые Эрнесто читал в детстве, – «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Остров сокровищ» Стивенсона, «Дон Кихот» Сервантеса. А потом фотография команданте в партизанской хижине с томиком Гёте в руках и сигарой «Монте Кристо» в зубах. Помните «Балладу о книжных детях» Владимира Высоцкого? «Липли волосы нам на вспотевшие лбы, И сосало под ложечкой сладко от фраз, И кружил наши головы запах борьбы, Со страниц пожелтевших слетая на нас... И злодея следам не давали остыть, И прекраснейших дам обещали любить, И, друзей успокоив и ближних любя, Мы на роли героев вводили себя». «Если, путь прорубая отцовским мечом, Ты соленые слезы на ус намотал, Если в жарком бою испытал, что почем, – Значит, нужные книги ты в детстве читал!» – Высоцкий пел как будто о нем – самом знаменитом революционере XX столетия.

О нем же вечером пела нам в Санта-Кларе и наша хозяйка, врач-офтальмолог и музыкант Лиза Эрнандес Бланко. *Nasta siempre, Comandante*. До свидания, команданте! «Ты жил на свете недаром, Ты продолжаешься в песне И в новых битвах воскреснешь, команданте Че Гевара». А потом были «Подмосковные вечера». И я как мог объяснял Лизе, о чем поется в этой русской песне. На память о нашем мимолетном знакомстве на ее допотопном холодильнике в старинном дореволюционном доме остались висеть магниты с «Ласточкиным гнездом» и «Памятником затопленным кораблям». А я, прилетев в Симферополь и немного взгрустнув после путешествия, достал сигару «Монте Кристо» и обнаружил, что у меня в доме нет спичек. Спустился вниз, в магазин, и, обведя глазами прилавок, увидел на нем зажигалку с портретом Че.

КСТАТИ.

- К 60-й годовщине советских Вооруженных Сил, в феврале 1978 года, на Кубе был открыт мемориал, посвященный советскому солдату-интернационалисту. Вечный огонь этого мемориала зажег команданте Рауль Кастро – тогда министр обороны, а сегодня – председатель Государственного Совета, председатель Совета министров, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы. В своем выступлении на открытии мемориала он назвал его символом нерушимой дружбы, которая объединяет народы двух наших стран.
- На Кубе расположено 9 объектов Всемирного культурного наследия – Старая Гавана, Тринидад, исторический центр города Сьенфуэгос, исторический центр города Камагуэй, крепость Сан-Педро-де-ла-Рока, национальный парк Десембарко-дель-Гранма, культурный ландшафт долины Виньялес, археологический ландшафт первых кофейных плантаций на юго-востоке острова и Национальный парк имени Александра Гумбольдта.

«Российская Федерация сегодня». – №6. – 2017.

Каждый россиянин должен хотя бы раз в жизни побывать в Бородине

январь 2018

Электричка мчит нас к Можайску. За окнами хлопьями валит снег. Примерно этим же путём, только гораздо медленнее и с куда меньшими удобствами, больше двухсот лет тому назад отступали из Первопрестольной французы во главе с Наполеоном Бонапартом. При одной только мысли о том, каково сейчас там, в зимнем лесу, хочется поднять воротник и поудобнее закутаться в пуховик.

Солдаты Отечества

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французу отдана?» Я знал это длиннущее стихотворение наизусть уже лет в шесть. Потом повторял в школе и на филологическом факультете университета. Выученное в детстве помнится всю жизнь. Сегодняшний опыт – ещё одно тому подтверждение. Не перечитывал Лермонтова, наверное, лет двадцать, но, извлекая слова поэта с дальних полок памяти, споткнулся буквально пару раз...

Конечная станция – «Бородино». Ежегодно всемирно известный музей-заповедник посещает более полумиллиона человек, но сегодня мы с коллегой Эдуардом Воротниковым выходим из электрички одни. Студёный ветер порывами гонит по перрону позёмку.

– Владимир Константинович Ушаков, – представляется встречающий нас сотрудник, и мне, жителю Крыма, сразу становится... теплее. У Владимира Константиновича очень тёплая, крымская фамилия. Его тёзка, адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, в своё время строил легендарный Севастополь и командовал Черноморским флотом. Так неожиданно начинают проявляться многообразные связи между Крымом и Бородином – местами, которые навсегда вписаны в историю нашей страны кровью русских солдат.

Прямо на станции «Бородино» в самом конце прошлого года открылась удивительная выставка «Солдаты Отечества», на которой представлены русский военный костюм и амуниция со времён Ермака Тимофеевича. В тесном строю стоят воины, сражавшиеся в русско-турецких войнах, итогом которых стало присоединение Крыма, на Бородинском поле, в дни обороны Севастополя. Да, были люди в наше время, могучее, лихое племя.

Создатель выставки, историк Владимир Петров сам успел принять участие в... двадцати с лишним бородинских сражениях, бился с французами при Ау-

стерлице и защищал Севастополь сначала в годы Крымской, а потом и Великой Отечественной войн. Разгадка «исторического парадокса» на самом деле проста – во всех этих кампаниях Владимир сражался в качестве реконструктора.

«Севастополь – мой любимый город, – рассказывает Петров. – Я принимал участие в военно-исторических фестивалях в Крыму, начиная с девяностых годов прошлого века, но, к сожалению, с начала нынешнего столетия приезжать на полуостров стало трудно. Украина боялась даже старинного бутафорского русского войска». Сейчас, к счастью, времена изменились, и в следующем году Владимир снова собирается в город русской славы.

И вот нашли большое поле...

С железнодорожной станции мы отправляемся на Бородинское поле. Везёт нас туда не кто-нибудь, а... Михаил Барклай-де-Толли. Имя знаменитого полководца начертано на микроавтобусе, предоставленном Российским военно-историческим обществом музею-заповеднику. По пути вместе с Владимиром Ушаковым наперебой перечисляем другие параллели, связывающие эти места с Крымом. Ну, например, командующий русской армией под Бородином Михаил Илларионович Кутузов воевал на полуострове с турками и был ранен под Алуштой в 1774 году, о чём сегодня напоминает Кутузовский фонтан и названия сразу двух крымских сёл – Верхняя и Нижняя Кутузовка. А граф Михаил Семёнович Воронцов, командовавший в Бородинском сражении Второй сводно-гренадёрской дивизией, стал позже новороссийским генерал-губернатором и построил в Алушке знаменитый дворец, ещё раз вошедший в историю уже в дни Ялтинской конференции 1945 года в качестве резиденции премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

«Бородинское поле» – старейший в мире военный музей, созданный непосредственно на поле сражения. И лучший военный музей нашей страны по оценке Российского военно-исторического общества. Он был основан в 1839 году и занимает площадь 110 квадратных километров, на которой находится больше трёхсот памятников. Здесь же располагаются не только музеефицированные объекты, но и обыкновенные (правильнее, конечно, – необыкновенные) русские деревни. Так, например, в нынешней деревне Бородино проживают 60 человек. Место жительства – Можайский район, деревня Бородино. Звучит ведь? А ещё есть Валуево, Грязи, Доронино, Романцево, Семёновское, Шевардино...

У последней деревни, на западной окраине Бородинского поля, находится знаменитый Шевардинский редут. Помните: «И вот нашли большое поле/ Есть разгуляться где на воле!/ Построили редут. /У наших ушки на макушке! /Чуть утро осветило пушки /И леса синие верхушки – /Французы тут как тут. /Забил снаряд я в пушку туго /И думал: угощу я друга! /Постой-ка, брат мусью!»

«Никогда не забыть мне зрелища, которое я увидел, – описывал бой за Шевардинский редут классик французской литературы, «мусью» Проспер Мери́ме. – Почти весь дым поднялся кверху и на высоте двадцати футов висел над

редутом, как балдахин. Сквозь голубоватый туман позади полуразрушенного бруствера виднелись русские гренадёры с поднятыми ружьями, недвижные, как статуи. Я и сейчас будто вижу этих солдат: каждый левым глазом смотрел на нас, а правый был скрыт за наведённым ружьем. В амбразуре, в нескольких шагах от нас, человек возле пушки держал зажжённый фитиль. Я вздрогнул и подумал, что настал мой последний час...»

Сейчас здесь, у Шевардинского редута, где во время Бородинской битвы находился командный пункт Наполеона, стоит памятник «мёртвым Великой армии». Он был установлен в 1913 году французами с согласия российского правительства.

Без «Севастопольских рассказов» не было бы «Войны и мира»

«Люди едут сюда со всего мира, – рассказывает Владимир Ушаков. – Только за последние месяцы я проводил экскурсии для гостей из Франции, Великобритании, Германии, США, Австралии. И это неудивительно. На Бородинском поле решалась судьба не только России и Европы, но и всего мира. От её итога зависел ход всей дальнейшей истории».

Главный русский летописец Бородинского сражения – конечно же, Лев Николаевич Толстой. Ему в заповеднике посвящена отдельная экспозиция «Герои романа «Война и мир» на Бородинском поле», расположенная в здании бывшей гостиницы Спасо-Бородинского монастыря, где в 1867 году останавливался писатель. Два дня, 26 и 27 сентября, он ходил и ездил по той местности, где за полстолетия до того пало более ста тысяч человек, делал свои заметки и рисовал план сражения. Вернувшись в Москву, Толстой сообщил жене: «Я напишу такое Бородинское сражение, какого ещё не было».

Первый зал экспозиции не случайно рассказывает о Толстом – участнике Крымской войны. Без «Севастопольских рассказов» не было бы «Войны и мира». Не имея писатель опыта участия в боевых действиях, ему никогда бы не удалось так точно изобразить батальные сцены и передать чувства и мысли участников битвы в главном романе всей русской литературы. «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну, – говорит князь Болконский Пьеру Безухову перед началом Бородинского сражения. – Надо принимать строго и серьёзно эту страшную необходимость. Всё в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. А то война – это любимая забава праздных и легкомысленных людей... Военное сословие самое почётное. А что такое война, что нужно для успеха в военном деле, какие нравы военного общества? Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями...» Эти слова, вложенные великим писателем в уста своего героя, и сегодня надо бы помнить сильным мира сего.

Другую, живописную панораму Бородинского сражения создал знаменитый русский художник Франц Алексеевич Рубо. Точка на поле, с которой художник рисовал своё знаменитое полотно, называется «высота Рубо». Бородинская панорама была написана к столетию битвы по заказу последнего российского императора Николая II и экспонируется в музее-панораме в Москве. А немного ранее, в 1902-1904 годах, Рубо написал панораму... обороны Севастополя – главный экспонат Севастопольского музея обороны и освобождения города.

Ну и вот, наконец, мы на батарее Раевского, или на Роковом редуте, как называли это место французы. Во время Бородинского сражения его защищал Седьмой корпус генерала Николая Николаевича Раевского – того самого Раевского, с семьёй которого путешествовал по Крыму в 1820 году Александр Сергеевич Пушкин. После Отечественной войны Николай Николаевич жил в Киеве. Умер в селе Болтышка Киевской губернии. Похоронен в семейной усыпальнице в селе Разумовка Кировоградской области. На его надгробной плите начертаны слова: «Он был в Смоленске щит, в Париже меч России». Боюсь, неуютно сегодня прославленному русскому генералу на враждебной Украине. А между тем тогда, в Бородинском сражении, в составе Русской армии воевали десятки полков, которые можно назвать украинскими, – Волынский, Харьковский, Киевский, Черниговский, Новороссийский, Ахтырский, Мариупольский, Екатеринославский, Павлоградский, Елисаветградский... «То, что сейчас происходит в отношениях между Россией и Украиной, нельзя назвать иначе, чем трагедией, – соглашаюсь я с Ушаковым. – Мы не можем и не сможем жить друг без друга. И рано или поздно время обязательно расставит всё по своим местам».

Доблесть родителей – наследие детей

Бородинское поле известно прежде всего как место знаменитого сражения 1812 года, однако на самом деле это мемориал двух Отечественных войн. Экспозиция, посвящённая Великой Отечественной, размещена в одном из зданий Спасо-Бородинского монастыря, где с июля по сентябрь 1941 года находилась полевой передвижной госпиталь. В октябре 1941-го советские солдаты на шесть дней задержали на Бородинском поле рвавшихся к Москве фашистов.

Один из экспонатов – открытка, которую начальник штаба 133-го лёгкого артполка Павел Сарыгин отправил родным с Бородинского поля в октябре 1941 года: «Живу на поле Отечественной войны, где вёл бой Кутузов, силы наши крепки и дух тоже». Как написал потом классик советской литературы и журналистики Илья Эренбург, «Бородино снова увидело своих героев, в других шинелях, но с вечно русским сердцем».

Традиции Кутузова, Барклая, Багратиона и других героев той первой Отечественной войны помогали нашим солдатам бить врага в годы войны с фашистами, помогают и сегодня, в мирное время. «Только музей даёт возможность почувствовать эпоху. Люди приезжают к нам со всех регионов России, чтобы

прикоснуться к великой русской истории, потрогать её руками, понять, кто мы, какое у нас прошлое и что нас ждёт в будущем! – уверен Владимир Ушаков. – Наполеон говорил, что Россию надо выбросить из Европы, чтобы она не вмешивалась в европейские дела. Читая это, я думаю: Господи, как будто это было написано не двести лет назад, а вчера или сегодня». В известном смысле, Владимир Константинович сам – прошлое, настоящее и будущее. Он пришёл на работу в музей-заповедник больше пятидесяти лет назад, в 1967 году, ещё студентом-историком. И перед его глазами прошло не одно поколение россиян и иностранцев, приезжающих посмотреть на одно из ратных полей России.

«Доблесть родителей – наследие детей...» – золотом начертано на памятниках Бородинского поля. Экскурсии, тематические вечера, работа по реставрации памятников, летние лагеря для воспитанников кадетских корпусов, принятие воинской присяги – вот далеко не полный перечень мероприятий, связанных с патриотическим воспитанием, которые проводятся в музее-заповеднике. Ну а их апофеоз – это, конечно, традиционные военно-исторические фестивали «Стойкий оловянный солдатик» в мае, «День Бородина» в сентябре и «Москва за нами» в октябре.

«Каждый россиянин должен хотя бы раз в жизни побывать в Бородине», – говорит директор музея-заповедника Игорь Валерьевич Корнеев. Музей должен жить, считает Корнеев и ищет новые формы его существования. «Наш секрет в том, что мы не ограничиваемся только экспозиционной деятельностью, а проводим множество интерактивных мероприятий, которые делают наших гостей не просто зрителями, а участниками исторических событий», – говорит он.

Буквально на днях, 7 января, в Бородине состоялось празднование 205-й годовщины Победы в Отечественной войне 1812 года. Именно в этот день, по старому стилю – 25 декабря 1812 года, последний иноземный солдат был изгнан из пределов России. «Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знамёнами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, – а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своём бессилии, была одержана русскими под Бородиным», – объяснял Лев Николаевич Толстой успехи русского оружия. На Бородинском поле на армию иноземных захватчиков была наложена рука сильнейшего духом противника.

Так было и до, и после Бородина, и так будет всегда – кто бы и каким бы способом не пытался воевать с Россией. Свидетельствую об этом как журналист, а о нашей профессии сам Наполеон писал в своё время: «Четырёх враждебно настроенных газет надо бояться больше, чем тысячи штыков». В чём, в чём, а в «штыках» Бонапарт толк знал – пусть и немного хуже, чем Кутузов.

«Парламентская газета».

10.01.2018

Ежегодно в русскую сказку попадают миллионы туристов со всего мира

январь 2019

**«Золотое кольцо России» не уступает
ни «Романтической дороге» в Германии,
ни «Кольцу Керри» в Ирландии,
ни «Золотому треугольнику» в Индии**

Новогодние каникулы – короткий, но бурный туристический сезон, во время которого можно отправиться за границу, но лучше остаться в России. Благо, она огромна, и в ней есть туристические бренды, известные во всем мире. Наверное, самый знаменитый из них – «Золотое кольцо России», ничем не уступающее ни «Романтической дороге» в Германии, ни «Кольцу Керри» в Ирландии, ни «Золотому треугольнику» в Индии.

Задача – войти в пятёрку стран-лидеров по числу объектов Всемирного культурного наследия

Суздаль. Суз-даль. В детстве в этом названии мне чудились дальние звонкие дали. Дальние – понятно почему. Звонкие – наверное, от сочетания двух звонких согласных в середине слова. С тех пор прошло лет сорок, и – так уж получилось – я впервые в жизни еду в этот старинный русский город, на самом деле находящийся для москвичей в зоне «экскурсии выходного дня».

Ранним утром «Ласточка» мчит меня с Курского вокзала в сторону Владимира. Оттуда – еще пятьдесят минут на местном рейсовом автобусе. Из семнадцати пассажиров десять – иностранцы. Группа китайцев откуда-то из-под Гонконга. Самая разговорчивая девушка предлагает называть ее... Любашей – толком расслышать ее китайское имя у меня с нескольких попыток так и не получилось.

Как и положено, Суздаль встречает нас колокольным перезвоном. Снег. Минус десять. Я греюсь горячей медовухой, которую продает на главной, Торговой площади города Лидия Николаевна, и расспрашиваю ее о местном туристическом бизнесе. «Работаем без выходных», – отвечает моя новая знакомая и предлагает... огуречного варенья. Предлагает неслучайно. Суздаль – если можно так выразиться, огуречная столица России. Летом, во вторую субботу июля, здесь проводят «Праздник огурца», который собирает больше десяти

тысяч участников. Ну а зимой остается только пить чай с огуречным вареньем или закусывать солеными суздальскими огурцами суздальскую же хреновуху.

– It's fairy tale. Russian snow fairy tale, – кричит мне, пробегая мимо, Любаша.

– Во-во, от китайцев у нас отбоя нет, – комментирует Лидия Николаевна.

Я допиваю медовуху и, пообещав вернуться за огуречным вареньем под вечер, отправляюсь в русскую сказку. Именно за ней сюда и едут люди со всего мира.

Главные достопримечательности Суздаля – белокаменные памятники, внесенные в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО: Кремль с Рождественским собором и Спасо-Евфимиев монастырь, где похоронен один из главных национальных героев России, князь Дмитрий Пожарский.

А еще в Суздале расположен музей, в котором собраны под открытым небом уникальные образчики русского деревянного зодчества – церкви, старинные крестьянские избы, ветряные мельницы, овины и другие необыкновенные памятники, еще ждущие признания ЮНЕСКО. Минувшим летом в Суздале прошел VII парламентский форум «Историко-культурное наследие России», на котором председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко предложила принять Концепцию сохранения памятников деревянного зодчества, что позволит России решить стратегическую задачу – к 2030 году войти в пятёрку стран-лидеров по количеству объектов Всемирного культурного наследия в списке ЮНЕСКО.

Турпоток: иероглифов больше, чем латиницы

В книге отзывов Суздальского кремля отклики из разных городов России – Москвы, Владивостока, Екатеринбурга, Калининграда, Якутска. Записи на английском, французском, итальянском, испанском, китайском. Какой-то Крис добрался сюда из Филиппин. Пишет: «Grate place». Можно изучать мировую географию. При этом иероглифов в книгах, пожалуй, больше, чем записей латиницей, что иллюстрирует как направления турпотока, так и более сложные цивилизационные процессы.

Отсюда, из Суздаля, тянул свои руки к Киеву в далеком XII веке князь Юрий Владимирович Долгорукий. Здесь томилась в ссылке жена Петра Первого Евдокия Лопухина. Здесь, неподалеку, в селе Кистыш, находилось имение Александра Васильевича Суворова, и здесь же будущий великий русский полководец, еще совсем молодым, в должности командира Суздальского полка, составил инструкцию по обучению военному делу – так называемое «Суздальское учреждение», ставшее основой для знаменитого наставления «Наука побеждать». А еще именно здесь, в Суздале, хранится самая большая русская рукописная книга – евангелие XVII века из Рождественского собора. Размер вместе с окладом: 91,5 x 50 сантиметров. «Мелочь», но мне, дипломированно-му филологу, приятно.

Население некогда могущественного русского города сегодня составляет меньше 10 тысяч человек. И вряд ли будет большим преувеличением сказать, что каждый из них занят в туристической сфере. Вот такая эволюция бывшей столицы Великого Владимиро-Суздальского княжества. Когда-нибудь, когда экспозицию музея Суздальского кремля, рассказывающего об истории города со времен «царя гороха», расширят, и там появится выставка «Суздаль во второй половине XX-XXI веке», это будет рассказ о туристическом потенциале городка.

Собственно, можно сказать, именно здесь, в Суздале, в свое время и родился наш самый знаменитый провинциальный туристический бренд. В том смысле, что именно находясь в командировке в Суздале в 1965 году московский журналист Юрий Бычков придумал кольцевой туристический маршрут «Золотое кольцо России». По задумке Юрия Александровича, выехав из Москвы, можно было по очереди посетить Загорск (ныне Сергиев Посад), Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострому, Иваново, Суздаль, Владимир и вернуться назад в Первопрестольную. Получалось кольцо или, ещё правильнее, ожерелье, драгоценными украшениями которого стали старинные русские города.

Спустя два года, осенью 1967-го, Юрий Бычков осуществил задуманное на своем собственном автомобиле марки «Москвич» и написал о поездке цикл очерков, которые были опубликованы в газете «Советская культура». А в июле 1969-го в Ярославле состоялась научно-методическая конференция «Памятники истории и культуры Московской, Ярославской, Костромской, Ивановской, Владимирской областей и вопросы туризма», на которой был утвержден всесоюзный туристский маршрут «Золотое кольцо». В 1970 году по нему проехали первые советские туристы, а в 1972-м – первые иностранцы.

В этом году – Углич. Кто следующий?

17 августа 2017 года главы администраций Сергиева Посада, Переславля-Залесского, Ростова, Ярославля, Костромы, Иванова, Суздаля и Владимира подписали договор о создании «Союза городов Золотого кольца России». 7 марта 2018 года в этот «золотой клуб» вошел Углич. «Мы поставили перед собой задачу сделать «Золотое кольцо» своего рода элитарным клубом, по подобию ЮНЕСКО. Мы хотели бы, чтобы стать частью «Золотого кольца» было не только большой честью, но и показателем высокого уровня развития туристической инфраструктуры. Первым городом, который присоединился к маршруту по новой системе, стал Углич. Это заслуженная победа – Углич был первым малым городом, который утвердил собственную программу развития туризма, открыл туристический информационный центр», – сказал на той церемонии министр культуры России Владимир Мединский.

Теперь «Золотое кольцо России» будет украшаться не более, чем одним бриллиантом в год – Министерство культуры приняло решение включать в организацию не более одного города в год. Ближайшими кандидатами называют Тулу, Боровск, Тарусу и Калугу. А еще есть Александров, Боголюбово, Гороховец, Гусь-Хрустальный, Дмитров, Калязин, Кидекша, Муром, Мышкин, Палех, Плѣс, Рыбинск, Тутаев, Юрьев-Польский, Шуя.

Так получилось, что из Суздаля во Владимир я возвращался тем же автобусом, что и мои шапочные утренние китайские знакомые.

– Ну как, не жалеете о том, что забрались в снежные суздальские дали? Может быть, лучше было куда-нибудь на Бали? И ближе, и теплее? – спросил я у Любаши.

– Нет! – ответила она.

И я подарил ей за это банку огуречного варенья от Лидии Николаевны.

«Парламентская газета».

07.01.2019

Русские Филиппины

июнь 2019

Куда, скажите на милость, податься крымчанину в поисках приключений? Не в Европу же и не в Америку с Австралией и Новой Зеландией в придачу – не пустят как ренегата, променявшего в 2014 году западные ценности на варварский русский мир. Да и не очень надо, честно говоря. Сами рано или поздно придут и пригласят. А пока на карте мира есть ни много ни мало 75 государств, для посещения которых гражданам России не нужны никакие визы. А еще в 32 страны визу можно получить сразу по прилету или оформив заранее онлайн-разрешение на въезд. Так что выбор у меня, несмотря на все старания дядюшки Сэма и тетушки Ангелы, был богатый.

Родриго Дутерте – президент, а не губернатор колонии

Я крутанул глобус – раз, другой, третий... Из-под огромного полуторамиллиардного Китая выглянули и рассыпались по голубой океанской глади семьёй тысячами островов Филиппины, президент которых Родриго Дутерте изменил традиционную проамериканскую политику своей страны, заявив о намерении избавиться от американских военных баз, и стремится развивать дружеские связи с Россией.

«С момента моего прихода на пост президента отношения с Западом ухудшились, поскольку было принято решение проводить независимую внешнюю политику», – сказал Дутерте в одном из своих интервью. И, согласитесь, это очень похоже на то, как развиваются отношения с Западом у России.

«Я не позволю обращаться со мной, как с губернатором колонии. Мы независимое государство, и я хочу, чтобы к моей стране относились с уважением», – обозначил свое кредо президент Филиппин.

Россия помогает Филиппинам в борьбе с ИГИЛ (запрещенная в России организация) и другими международными террористическими организациями, которые пытаются дестабилизировать ситуацию в мусульманской провинции Минданао. Наше высокоточное современное оружие получило высокую оценку Родриго Дутерте. «Хотел бы передать вам слова особой благодарности от имени филиппинского народа за своевременную помощь, которую Россия оказала нам, предоставив грузовики и вооружение... Мы никогда этого не забудем», – говорил Дутерте в беседе с Владимиром Путиным осенью 2017 года.

В общем, лечу туда! – решил я. Тем более, что для россиян Филиппины – еще и достаточно популярное туристическое направление. По информации департамента туризма этой страны, в прошлом году Филиппины посетили около 30

тысяч наших соотечественников. Это, конечно, не турецкие масштабы (почти 6 миллионов российских туристов в год) и даже не соседние с Филиппинами Таиланд (1 миллион 173 тысячи) и Вьетнам (531 тысяча – данные turstat.com), но все-таки русские на островах сегодня не в диковинку.

Наши на островах: Головнин, Литке, Миклухо-Маклай и Гончаров

Первые контакты между Российской империей и Филиппинами были установлены в начале XIX века. В сентябре 1812 года американский коммерсант Питер Добелл (после принятия российского подданства – Петр Васильевич Добель), долгое время работавший в Юго-Восточной Азии, предложил российским властям открыть официальное представительство в Маниле и в 1817 году был назначен первым российским консулом на Филиппинах. Впоследствии, правда, консульство закрылось, однако в 1870-х годах было учреждено вновь в связи с частыми заходами российских кораблей в манильский порт. В XIX веке Филиппины посещали известные мореплаватели Василий Головнин и Федор Литке, а путешественник Николай Миклухо-Маклай проводил антропологические исследования на острове Лусон. Однако широкой российской публике Филиппины открыл знаменитый писатель Иван Гончаров, побывавший в этой стране в 1854 году во время экспедиции на фрегате «Паллада».

«У кого ни посмотришь, описание Манилы в руках. Все заранее обольщают себя мечтами, кто – увидеть природу, еще роскошнее виденной, кто – новых жителей, новые нравы, кто льститя встретиться с крокодилом, кто с креолкой, иной рассчитывает на сигары; тот хочет заказать белье из травяного холста; у всех различные желанья», – писал классик, предвосхищая встречу с экзотической страной.

С тех пор прошло уже больше полутора веков, но Манила, прошу прощения за невольную тавтологию, по-прежнему манит миллионы путешественников – несмотря ни на террористическую угрозу, ни на природные катаклизмы.

О двух очередных крупных землетрясениях на Филиппинах, которые унесли в конце апреля жизни нескольких десятков человек, я узнал уже в самолете, мчавшем меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятое царство, подсолнечное филиппинское государство. Отступать было поздно.

В аэропорту Манилы я прыгнул в такси и первым делом спросил у водителя Хосе, как страна пережила стихийное бедствие?

– Что? – переспросил Хосе.

– Ну, землетрясение, – уточнил я.

– А, никаких проблем, – отмахнулся таксист.

Филиппинцы живут, наверное, на самой зыбкой почве в мире. Земля в буквальном смысле этого выражения уходит у них из-под ног, и они давно к этому привыкли.

День независимости Филиппины отмечают вместе с Россией

Моим следующим собеседником стал портье в отеле. Его звали Бенинго. Подавляющее большинство филиппинцев носят испанские имена и фамилии, но при этом по-испански не знают ни бельмеса, зато более или менее сносно объясняются на английском. И то, и другое – наследие колониального прошлого. На протяжении более чем трех столетий Филиппины были колонией Испании, а потом еще около полувека принадлежали Соединенным Штатам Америки.

Надо признать, языковая политика американцев оказалась намного дальновиднее испанской. Если испанцы не допускали основную массу туземцев к изучению и использованию своего языка, сохраняя за ним статус языка высшего общества, то американцы, наоборот, старались как можно быстрее распространить английский среди населения колонии, логично усматривая в этом одно из действенных средств «американизации». С 1901 года обучение на английском языке было введено во всех государственных учебных заведениях – от начальной до высшей школы. Английский стал языком управления, бизнеса, средств массовой информации со всеми вытекающими отсюда социальными и культурными последствиями, а испанцы несолоно хлебавши убрались к себе на Пиренеи.

США предоставили независимость Филиппинам аккурат 4 июля 1946 года. Так что поначалу острова отмечали свой главный национальный праздник в один день с американцами, однако затем, в начале семидесятых годов прошлого века, решили перенести его на дату провозглашения независимости от Испании в 1898 году – ...12 июня. Напомню, тогда же отмечается и День России. Совпадение, конечно, случайное, но в каждом случае, как в каждой шутке, есть доля истины. В данной ситуации она заключается в постепенной внешнеполитической переориентации Филиппин.

Америка хоть и предоставила островам независимость в 1946 году, но обложила ее такими условиями, что долгие годы она носила бутафорский характер. Упомяну лишь, что в один день с провозглашением независимости был подписан договор «об основах взаимоотношений между США и Филиппинами», включавший статью о сохранении на архипелаге целой сети американских военных баз. Немного позже, в марте 1947 года было заключено дополнительное соглашение, по которому в пользование США на 99 лет передавалось 23 участка на территории архипелага. И пододру-поздорову, будьте уверены, американцы оттуда не уберутся. Вон из Гуантанамо кубинцы их сколько лет пытаются выкурить, и всё безрезультатно.

Ляпу-Ляпу против европейского агрессора Магеллана

Слово за слово, Бенинго рассказал, что, оказывается, я приехал в Манилу как раз накануне большого национального праздника – Дня Лапу-Лапу или, как мягко произносят филиппинцы, Ляпу-Ляпу. Это филиппинский вождь,

который 27 апреля 1521 года убил легендарного испанского мореплавателя Фернана Магеллана, добравшегося сюда во время своего исторического кругосветного путешествия и попытавшегося сходу захватить архипелаг. То, что не удалось Магеллану, позже сделали его соотечественники. Как уже говорилось, с середины XVI века Филиппины на протяжении более чем трех столетий находились под властью испанцев, которых в 1898 году сменили американцы, тех, в 1942 году, – японцы, а японцев – снова американцы.

По случаю Дня Ляпу-Ляпу у огромного памятника вождю в главном национальном парке страны в Маниле давали бесплатный праздничный концерт, на который я и поспешил. Сначала дети из кружка художественной самодеятельности на языке танца изобразили сражение между испанскими конкистадорами и мужественными туземными воинами, в финале которого Ляпу-Ляпу убил европейского завоевателя. А потом на сцену вышла чиновница из правительственной комиссии по культуре и произнесла длинную эмоциональную речь.

«Ляпу-Ляпу – наш первый национальный герой, – сказала представительница власти. – Он отдал жизнь в борьбе за свободу филиппинского народа от европейских захватчиков, и мы должны воспитывать молодые поколения на его примере». «Дела, – отметила чиновница, – говорят лучше любых слов. Уже тогда, в XVI веке, наш народ показал всему миру свой характер и стремление к независимости».

Впрочем, главное культовое место, связанное с именами Ляпу-Ляпу и Магеллана, находится все-таки не в Маниле, а в городе Себу, на острове Мактан. Именно там ступила на филиппинский берег нога первого европейского агрессора и случилась историческая битва. Памятник Ляпу-Ляпу на Мактане стоит прямо на том месте, где вождь убил почти 500 лет тому назад Магеллана (если быть точным, то 498, так что через два года на Филиппинах грядет большой юбилей). А всего в нескольких метрах от монумента Ляпу-Ляпу расположена часовня в честь... испанского мореплавателя, вместе с которым на архипелаг пришло католическое христианство. И в целом оба героя сегодня мирно уживаются на островах, помогая филиппинцам зарабатывать их насущный туристический хлеб.

Филиппины и Крым: ключевые «заслонки» в своих регионах

Другой национальный герой филиппинского народа, революционер и писатель, классик филиппинской художественной литературы Хосе Рисаль – из более близких к нам времён. Он боролся за независимость Филиппин от Испании в конце XIX века и был расстрелян колонизаторами 30 декабря 1896 года. Сейчас на месте расстрела Рисаля работает диорама, изображающая казнь революционера, и разбит главный национальный парк, который носит его имя.

Об истории, природе и искусстве Филиппин рассказывает расположенный в этом же парке большой Национальный музей. Вход в него бесплатный, нужно лишь записаться, назвав имя и страну. Пользуясь случаем, я рассказываю о

том, что прилетел из российского Крыма, и спрашиваю у сотрудников, знают ли они что-нибудь о наших местах.

«Россия – большая северная страна, – отвечают они, – а Крым – ...»

«Крым – это крайний юг России, такие «российские Филиппины», куда приезжают люди со всей страны отдохнуть у самого синего в мире Черного моря», – просвещаю я местных музейщиков, вспоминая, как филиппинские дети зачарованно рассматривали снег на одном из аттракционов в манильском океанариуме.

«А-а-а, так вы наши конкуренты», – улыбаются мои собеседники.

«И еще, – добавляю я, – наш полуостров занимает такое же важное стратегическое положение в причерноморском регионе, как ваши острова – в тихоокеанском».

И действительно, я уже несколько раз ловил себя на мысли о том, что мой Крым хоть и лежит почти в девяти тысячах километров от Филиппин, но между ними есть нечто общее. И это общее – не только море, солнце, туристы, но и стратегическое географическое положение. «Империи строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля», – писал Збигнев Бжезинский. Так вот, и Филиппины, и Крым – безусловно, такие же важные географические точки в системе имперского контроля, как и любая из вышеуказанных. Неслучайно так долго и ожесточенно сражались в разные века за Филиппины испанцы, англичане, голландцы, японцы, так дорожат своими военными базами там «прямо сейчас» американцы. И так отчаянно они же пытаются повернуть вспять ход истории, препятствуя признанию российского статуса Крыма. Борьба за полуостров между крупнейшими мировыми державами разных эпох – Грецией, Древним Римом, Византией, Турцией, Россией, Великобританией, Францией, Германией, США идет еще дольше, чем борьба за Филиппины или тот же Сингапур.

Интрамурс: белое солнце... тропиков

Если внедрить на островах свой язык испанцы то ли не смогли, то ли не захотели, то с религией у них всё получилось. Августинцы, доминиканцы, францисканцы, иезуиты и реколеты окрестили подавляющее большинство филиппинцев, сделав их истовыми католиками. Исключение – уже упоминавшиеся в этих заметках упрямые мусульмане с южных островов Минданао и Сулу, которые на протяжении многих столетий упорно борются за свою веру и независимость. Эта борьба продолжается и сейчас, увы, приобретая иногда террористическую форму. В остальном же Филиппины – настоящая цитадель католицизма в Юго-Восточной Азии, символом которой является средневековая испанская крепость Интрамурс в центре старой Манилы – приземистая, вросшая камнями в ненадежную, часто колышущуюся филиппинскую землю, с уникальными историческими памятниками внутри, главные из которых – внесенная в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО церковь свя-

того Августина, форт Сантьяго и кафедральный собор Непорочного зачатия пресвятой Девы Марии.

Интрамурос воспроизводит классическую схему всех средневековых испанских городов. В центре его находится главная площадь с собором и дворцом генерал-губернатора, а от нее расходятся улицы, вливающиеся в площади меньших размеров.

«Я пошел по площади кругом; она образует параллелограмм: с одной стороны дворец генерал-губернатора – большое двухэтажное каменное здание новейшей постройки; внизу, в окнах, вместо рам большие железные решетки. Здесь все дома в два этажа; в нижних этажах помещаются лавки и кладовые, но не жилые покои, по причине землетрясений. Здания строятся по двум способам: или чрезвычайно массивно, как строятся монастыри, казармы, казенные дома, так что надо необыкновенное землетрясение, чтоб поколебать громадные стены этих зданий; или же сколачиваются на «живую нитку, вроде балаганов, как выстроена фонда и почти все другие частные дома. В них потолки и полы так легки и эластичны, что покоряются движению почвы и, пошатавшись немного, остаются на своем месте. Здесь, говорят, все привыкли к землетрясениям: и дома, и люди. Напротив дворца – ратуша с башенкой наверху. С третьей стороны собор, на четвертой – ряд больших, выстроенных в линию, частных домов», – описывал эти места Иван Гончаров и жаловался: «Площадь вся так и горела жаром – нужды нет, что был уже в исходе пятый час».

Присоединяюсь к классику. Я бродил по «гончаровскому Интрамуросу» под раскаленным белым солнцем тропиков, которое жгло сильнее, чем в фильме Владимира Мотыля, а я – человек такой же белокожий, как красноармеец Федор Иванович Сухов. Видимо, на этом основании уличный торговец и попытался впарить мне бамбуковую шляпу за пятьсот филиппинских рублей-песо.

– Сто! – говорю я ему.

Туземец хватается за голову и снижает цену до трехсот.

– Двести! – отвечаю я, и ни сантиметром больше.

– Ты откуда? – спрашивает торговец.

– Из России.

– А-а-а! Рос-си-я! Пу-тин! – тянет он уважительно и продает таки мне шляпу за 250 песо.

– Американцу, – говорит, – за такие деньги не продал бы ни в жизнь, а ты – бери!

И я думаю, это правда. Не зря же другой классик – американский – Гор Видал – задавался почти риторическим вопросом: «За что нас все ненавидят?» А вы покопайтесь немного в истории. Хоть филиппинской, хоть российской, а хоть и крымской. Ответ лежит почти на поверхности.

День Победы: общий праздник

Среди старинных памятников Интрамуроса есть один сравнительно современный. Это мемориал в память о жертвах Второй мировой войны. Филип-

пины – вообще хорошее место для того, чтобы почувствовать, что та война была действительно мировой. Ожесточенные бои за острова кипели сначала в 1941-1942, а потом в 1944-1945 годах и унесли в общей сложности более полумиллиона человеческих жизней. Помните ведь, Филиппины – это одна из ключевых стратегических «заслонок» в Тихоокеанском регионе.

Еще один военный мемориал той поры расположен у входа в Манильскую бухту, на островке Коррехидор – своеобразной филиппинской «Брестской крепости», чей гарнизон продержался под ударами японцев в 1941-1942 годах на несколько месяцев дольше самой Манилы.

У обоих мемориалов – живые цветы. Вторая мировая война здесь – не просто глава из учебника истории. И, кстати, даже сюда, за тридевять земель, за тридевять морей дошел российский Бессмертный полк. 8 мая на улицы Манилы вышли почтить память тех, кто отдал свои жизни в борьбе с фашизмом, дипломаты российского посольства, представители Иверского прихода Русской православной церкви и просто наши соотечественники, живущие на Филиппинах или путешествующие по островам.

При этом, конечно, главное, чем привлекают современные Филиппины миллионы туристов – это все-таки не история и не стратегическое географическое положение, а удивительная тропическая природа: шоколадные холмы Бохола, водопады Лусона, подземная река Сабанга, романтические островки Эль-Нидо и многие другие чудеса филиппинского света. Я видел их, изумлялся их необыкновенной красоте, колесил по островам на экзотическом местном транспорте – драконообразных джипни и смешных мультипликационных трициклах, купался в теплом, слишком теплом для меня филиппинском море, жарился под раскаленным филиппинским солнцем, пил филиппинский ром, курил филиппинские сигары и повторяю за Иваном Александровичем Гончаровым: «И при всём том ни за что не остался бы я жить среди этой природы!.. Всё захочешь на север, пусть там, кроме снега, не приснится ничего! Не нашим нервам выносить эти жаркие ласки и могучие излияния сил здешней природы».

Объекты Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на Филиппинах:

1. Церкви Филиппин в стиле барокко (святого Августина, Миагао, Паоай и Санта-Мария).
2. Морской парк «Риф Туббатаха».
3. Рисовые террасы в Филиппинских Кордильерах.
4. Исторический город Виган.
5. Подземная река Пуэрто-Принцесса.
6. Природный заповедник «Горная цепь Хамигуйтан».

«Парламентская газета».

22.06.2019.

Китайская грамота

октябрь 2019

«Три вещи никогда не возвращаются обратно – время, слово, возможность. Поэтому не теряй времени, выбирай слова и не упускай возможности», – учил китайский мудрец Конфуций. Когда у меня появилась возможность отправиться в Поднебесную, я решил последовать совету философа и, не теряя времени, принялся паковать чемодан. А сейчас выбираю слова для того, чтобы рассказать, какой я увидел эту страну.

Беспокойное сердце Поднебесной

Сердце Китая – площадь Тяньаньмэнь в Пекине. Ее название переводится как «Врата небесного спокойствия», однако на самом деле тут часто кипели страсти мирового масштаба. На входе милиционер внимательно изучает мой паспорт. Со стороны за ним одобрительно наблюдает сам председатель Мао, его огромный портрет украшает главный вход в Императорский город. В этом нет ничего парадоксального. Мао действительно был в известном смысле императором красного коммунистического Китая – эта страна, как и Россия, остается (и останется) империей при любых исторических перипетиях.

– Eluosi! Zhongguo! Youyi! – излагаю я на ломаном-переломанном китайском, что означает: Россия! Китай! Дружба!

Милиционер едва заметно улыбается.

Постигаю запутанную китайскую грамоту. «Да здравствует великий союз народов мира!» – извиваясь причудливым восточным узором провозглашают древние, как сам этот мир, иероглифы на Вратах небесного спокойствия. Возникновение китайской письменности датируется вторым тысячелетием до нашей эры – Древний Египет переживал тогда пик своей славы, а великие пописы Древней Греции еще не существовали.

«Поехать в Китай – значит не просто оказаться в зарубежной стране. Это равносильно перемещению в иной мир, в царство загадочных знаков и неведомых символов», – знаменитый советский журналист-китаист Всеволод Овчинников был абсолютно прав.

Среди сотен людей, заполнивших главную площадь страны, глаз выхватывает мальчишек и девчонок в пионерских галстуках. Наверное, потому что я и сам был таким много лет тому назад.

Как это там пелось в песенке из далекого детства:

«Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры – дети рабочих.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Именно отсюда, с трибуны Ворот небесного спокойствия, семьдесят лет назад, 1 октября 1949 года Мао Цзэдун провозгласил создание Китайской Народной Республики. Его голос услышали за тысячи километров, в Москве. Советский Союз стал первой страной, которая официально признала новое государство. Это произошло аккуратно на следующий день, 2 октября.

«В трудные дни восстановления и развития нашей страны многочисленные советские специалисты своим умом и трудом помогли нам заложить промышленную базу Китая, оставили яркие следы в истории дружбы между народами двух стран», – говорил председатель КНР Си Цзиньпин во время недавнего, июньского, визита в Россию.

Только за первую китайскую пятилетку благодаря советской помощи были построены и модернизированы 18 предприятий черной и цветной металлургии, 19 электростанций, 24 машиностроительных завода, открылась Академия наук и 40 научных центров, были созданы первые китайские автомобили, трактора, самолеты, первые детские театры и балетные студии.

Как закалялась китайская сталь

Да, формально Китайской Народной Республике – всего-навсего семьдесят лет, однако на самом деле история китайской государственности уходит своими корнями в таинственную глубь веков. И, пожалуй, главный ключ к ее пониманию – Великая китайская стена. Недаром этот памятник ежегодно посещают около десяти миллионов человек со всего мира. Я – один из них. По своей давней традиции разворачиваю на стене выдавший виды разных континентов и стран флаг Республики Крым.

– Where are you from? – спрашивают меня, разглядывая необычный сине-бело-красный триколор, любопытные китайцы.

– Russian Federation. Republic of Crimea, – отвечаю я.

Для возведения невероятного сооружения длиной почти в девять тысяч километров понадобились столетия. Строительство началось в III веке до нашей эры, а завершилось в XVII веке нашей эры. Все это время закалялись главные черты национального характера – невероятное трудолюбие, способность к изнуряющей монотонной работе, готовность к лишениям, организованность и терпение, которые в конце концов и позволили Китаю стать одной из величайших мировых держав.

Китайцы научились никогда не отчаиваться. Кстати, обратите внимание на то, что в корне этого слова «лежит» национальный китайский напиток – чай. У них была тяжелая школа жизни. На протяжении целого «столетия унижений» – с середины XIX века до 1949 года – Китай фактически находился в колониальной зависимости от стран Запада. И лишь Мао удалось наконец сбросить это ярмо, за что его и почитают как национального героя, несмотря на трагические ошибки эпохи «великого скачка» и «культурной революции».

В очереди в мавзолей «великого кормчего» ежедневно стоят тысячи китайцев и туристов из других стран. Коротая время, я повторяю врезавшиеся когда-то в юности в память строчки:

«Увидав многоцветный простор пред собою,

Что теряется где-то во мгле,

Задаёшься вопросом: кто правит судьбою

Всех живых на бескрайной земле?»

Мао был не только революционером, но и поэтом. И правил судьбой всех китайцев на протяжении почти трех десятилетий.

Кошки Конфуция и Дэн Сяопина

Если Мао Цзэдун вернул Китаю суверенитет, то архитектором его современной экономической мощи стал Дэн Сяопин. В отличие от поэта и философа Мао Дэн был прагматиком до мозга костей, как будто иллюстрируя таким образом другую сторону китайского национального характера.

На сентябрьский Пекин опускается ночь, принося с собой долгожданную после изнурительного дневного зноя прохладу. Я закуриваю. В порядке исключения, можно даже сказать – в порядке экзистенциального опыта. Просто потому, что это «Панда» – любимые сигареты «маленького Дэна». И думаю о том, как он «развил» учение Конфуция. Помните знаменитый афоризм этого мудреца: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет? Так вот, Дэн «продолжил» его следующим образом: «Белая кошка или черная – значения не имеет; пока кошка ловит мышей – кошка хорошая». Иначе говоря, главное – это польза, эффективность, результат.

«Только те, кому на собственном опыте довелось узнать Китай Мао Цзэдуна, могут полностью оценить преобразования, инициированные Дэн Сяопином, – писал Генри Киссинджер. – Китай с его шумными городами, строительным бумом, дорожными пробками, с не имеющей ничего общего с коммунизмом дилеммой, когда темпам роста временами угрожает инфляция; страна, на которую подчас обращают все взоры западные демократии как на оплот в борьбе с глобальной рецессией, – все это было немислимо в сером Китае при Мао Цзэдуне с его сельскими коммунами, застойной экономикой, населением, носящим стандартные куртки, черпающим идеологический запал из «маленьких красных книжечек» цитатника Мао».

Мастерская мира

В нынешней Поднебесной легендарные цитатники Мао годятся лишь как популярные сувениры, которые охотно скупают иностранные туристы, – можно приобрести прямо в мавзолее.

Еще в пятидесятые годы обеспечение ежедневного одноразового питания выглядело здесь выдающимся достижением в деле повышения уровня жизни,

а сегодня Китай – вторая (и скоро будет первой) по величине экономика в мире с самым большим объемом золотовалютных резервов.

Великие политики прошлого прекрасно понимали потенциал этой страны. Достаточно вспомнить хотя бы Наполеона Бонапарта: «Пусть Китай спит, ибо, когда он проснется, мир будет потрясен». Или Ричарда Никсона: «Ну, вы просто остановитесь на минутку и подумайте, что произойдет, если кто-нибудь, обладая нормальной системой управления, получит контроль над материком. Бог мой!.. В мире не найдется страны, которая сможет сравниться с ними. Я имею в виду, если вы сможете заставить 800 миллионов китайцев работать при нормальной системе... они станут ведущими в мире».

Сейчас их уже без малого полтора миллиарда. Китай XXI века – это настоящая «мастерская мира». Крупнейший производитель автомобилей, текстильных изделий, одежды, обуви, часов. Здесь выпускается 50% продающихся в мире фотоаппаратов, 30% кондиционеров, 25% стиральных машин и примерно 20% холодильников. Вообще, строго говоря, чтобы купить что-нибудь китайское «на память», не надо никуда ехать. Ни из России, ни из США, ни из любой другой страны. Нужно просто... заглянуть в ближайший магазинчик.

Рассказывают, в свое время Барак Обама в личной беседе со Стивом Джобсом просил его перевести производство айфонов из Китая в США, но Стив решительно отказал, даже не дослушав президента до конца. И не потому, что в Китае дешевле рабочая сила, а потому, что в США попросту нет работников должной квалификации и дисциплины.

«Руководящая и направляющая» роль Коммунистической партии плюс рыночная экономика, – так звучит формула «китайского социализма» от Дэн Сяопина, воплощение которой в жизнь позволило стране совершить самый грандиозный экономический рывок в новейшей истории человечества.

От Тяньаньмэня до Гонконга

Именно Дэн Сяопин принял историческое решение о подавлении китайской цветной революции, которая заваривалась на Тяньаньмэнь весной 1989 года. 13 мая, накануне визита в Пекин Михаила Горбачева, группа студентов, жаждущих перестройки, гласности и нового мышления не только для СССР, но и для Китая, объявила голодовку. Символом протестов стала сооруженная на площади огромная гипсовая статуя Богини демократии, напоминавшая пресловутую статую Свободы в Нью-Йорке. Однако «перестроить» Китай не удалось. Через несколько дней после отлета Горбачева Дэн Сяопин отдал приказ о разгоне палаточного лагеря. В отличие от наивных студентов, он слишком хорошо, на собственном опыте, знал цену социальных катаклизмов: «Хаос приходит однажды очень легко. Но поддерживать порядок и спокойствие не так легко. Если бы китайское правительство не предприняло решительных шагов в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь, в Китае наступила бы гражданская война. А поскольку население Китая составляет одну пятую населения земли,

нестабильность в Китае вызвала бы нестабильность во всем мире, включая даже великие державы». Позже, в 1990 году, председатель КНР Цзян Цзэминь прямо скажет Генри Киссинджеру: «Ваши усилия найти китайского Горбачева напрасны».

Хаос приходит однажды очень легко. Кому, как не нам, рожденным в СССР, понимать это. И тут в памяти опять всплывает Конфуций: «Три пути ведут к знанию: путь размышления – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый легкий, и путь опыта – это путь самый горький». Мы, увы, выбрали последний. А впрочем, и китайцы тоже знают, что такое хаос и распад государства на своем собственном горьком опыте «столетия унижений».

По официальным данным, в ходе разгона демонстрантов на Тяньаньмэнь погиб 241 человек. Неофициальные источники утверждают, что погибших было больше тысячи. В наказание за наведение порядка в стране Конгресс США ввел против Китайской Народной Республики экономические санкции, под которыми она живет и успешно, успешнее всех в мире, развивается до сих пор.

При этом сегодня Запад опять лелеет мечту о цветной революции в Китае. На этот раз – поддерживая протесты в Гонконге. Как заявила спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси, «Америка стоит вместе с народом Гонконга. Сердца всех свободолюбивых людей тронуты мужеством миллиона мужчин и женщин, которые вышли на улицы, чтобы мирно потребовать свои права». Да что там, сам Дональд Трамп посвятил этим событиям несколько своих знаменитых твитов, например, перепостив фотографии протестующих, размахивающих звездно-полосатыми флагами, и деланно изумившись: «Многие обвиняют меня и Соединенные Штаты в проблемах, происходящих в Гонконге. Я не могу себе представить, почему?»

Впрочем, если я хоть что-то понял в нынешнем Китае, новой твиттерной революции здесь не будет, даже если за дело взялся целый Трамп. «Дела Гонконга – это внутренние дела Китая, вы не имеете к ним отношения и не имеете права бессмысленно их комментировать. Занимайтесь своими делами и не лезьте в дела Гонконга», – пояснила Вашингтону официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин.

Две великие стены

В СССР, в России, в Китае США и Ко боролись и борются не с тоталитаризмом, а с конкурентами. Сражение идет не за демократизацию, не за права человека, гласность, перестройку и новое мышление, а за уничтожение, раздробление и ограбление опасного соперника. Запад занимается этим испокон веков. Однажды, во второй половине XIX столетия, ему удалось практически уничтожить и разложить Китай в ходе позорных для либералов и гуманистов опиумных войн. Сейчас он хотел бы повторить тот успех.

Один из моих знакомых, Андрей, в 2014 году учился в Киеве, а сегодня проходит магистратуру в Гонконге. Мы встретились с ним в Пекине, куда он при-

летел на несколько дней. Разговор, естественно, зашел о ситуации в бывшей британской колонии, «стремящейся вернуться к ценностям великой либеральной демократии».

– Знаешь, – сказал Андрей. – У меня стойкое ощущение дежа вю. То, что происходит сегодня в Гонконге, внешне очень, прямо до дрожи, похоже на наш киевский майдан осени 2013 – весны 2014 года.

Технологии цветных революций, по большому счету, одинаковы во всем мире. Вот только нынешний Китай – не та страна, где эти технологии могут сработать. И у власти здесь не Виктор Янукович, а Си Цзиньпин.

При этом сам Китай вовсе не собирается переделывать мир по своему образу и подобию. Ему это просто не нужно. Он велик и самодостаточен. «Американская исключительность носит миссионерский характер. Считается, что Соединенные Штаты руководствуются долгом распространения своих ценностей во все части планеты. Исключительность Китая – в его культуре. Китай не занимается обращением других в свою веру», – признавал Генри Киссинджер.

Сегодня в Поднебесной есть две великие стены. Одна – та самая древняя Великая китайская стена, которая, потеряв военное значение, стала самым известным в мире китайским туристическим объектом. Ну а в виртуальном мире третьего тысячелетия китайцы построили другую, гораздо более высокотехнологичную стену – Great Chinese Firewall, которая защищает страну от таких инструментов западного информационного и идеологического влияния, как Гугл, Фэйсбук, Инстаграмм и прочие твиттеры. И хотя в нынешнем квазиоткрытом мире это непрогрессивно, я думаю, что китайский опыт нуждается в изучении, а может быть, и внедрении в том или ином виде и у нас. Потому что роль тех же западных социальных сетей и в сборе разведывательной информации, и в организации цветных революций хорошо известна. Китай больше не хочет отгородиться от остального мира, он хочет защититься от его разрушительных инструментов.

Российско-китайские рекорды

Как уже говорилось, Советский Союз стал первой страной, которая официально признала Китайскую Народную Республику. Поэтому в нынешнем году отмечается не только 70-летие КНР, но и 70-летие дипломатических отношений между нашими странами.

Как отмечал во время июньского визита в Россию Си Цзиньпин, «70 лет спустя китайско-российские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия достигли беспрецедентного уровня развития. Обе страны, установив между собой прочное политическое взаимодоверие, оказывают друг другу решительную поддержку в вопросах, касающихся коренных интересов друг друга».

В свою очередь, по словам Владимира Путина, Китай прочно занимает позицию ведущего внешнеторгового партнера России. В прошлом году товаро-

оборот между нашими странами достиг рекордного уровня в 108 миллиардов долларов. С участием китайских партнёров в России реализуются порядка 30 инвестиционных проектов на общую сумму 22 миллиарда долларов. Россия лидирует по поставкам нефти в Китай: в прошлом году отгружено 67 миллионов тонн сырья. В декабре нынешнего года будет введён в эксплуатацию трубопровод для транспортировки в КНР газа по так называемому восточному маршруту. Запущена третья очередь завода «Ямал СПГ», значительная доля в котором принадлежит китайской стороне. Заключён контракт на сооружение третьего и четвёртого блоков АЭС «Сюйдапу». При участии «Росатома» начинается строительство в Китае демонстрационного реактора на быстрых нейтронах. В Тульской области открылся завод ведущего китайского автопроизводителя – компании Great Wall. В ближайших планах – реализация совместных проектов в авиа- и вертолётостроении, освоении космоса, биотехнологиях и фармацевтике, других наукоёмких отраслях.

Россию и Китай соединяют не только идеологические, политические, экономические, но и культурные, философские, литературные нити. В Пекинском университете языка и культуры – своеобразном аналоге нашего Российского университета дружбы народов – мне подарили книжку Лао-цзы, мудрость которого была так близка в свое время Льву Толстому, что он даже собирался выучить китайский язык. Классик русской литературы видел в философе своего единомышленника. Особенно близок ему был так называемый принцип недеяния. «Все бедствия людей, по учению Лао-цзы, происходят не столько оттого, что они не сделали, сколько оттого, что они делают то, чего не нужно делать... Чего же не нужно делать? Не нужно сердиться, не нужно блудить, не нужно клясться, не нужно противиться злу злом, не нужно воевать», – объяснял Лев Николаевич учение своего китайского «тезки».

Пять великих изобретений

Чтобы понять Китай, надо не только изучить его историю и культуру, взобраться на Великую китайскую стену, посетить Тяньаньмэнь и мавзолей Мао, увидеть своими глазами храмы Пекина и небоскребы Шанхая или выкурить любимую сигарету Дэн Сяопина, но и попробовать эту страну на вкус. Причем, не ложкой, не ножом и вилкой, а палочками.

«Каждый китаец со школьной скамьи знает о четырех великих изобретениях, которыми его родина обогатила человечество. Это порох, компас, бумага и книгопечатание. Но как бы неофициально в этом ряду стоит и пятое открытие – палочки для еды», – писал гурман Всеволод Овчинников.

Исторически, в силу перенаселенности страны, китайцы едят всё или почти всё. И, надо отдать им должное, они научились это «всё» великолепно готовить. Как гласит пословица, для хорошего китайского повара годится всё, кроме луны и ее отражения в воде. Более современный вариант этой старинной присказки: в Китае едят всё, что бегаёт – кроме автомашины; всё, что ползает

– кроме трактора; всё, что летает – кроме самолета; и всё, что плавает – кроме подводной лодки. И это тоже ключ к национальному характеру, важнейшая черта которого – умение использовать для выживания и достижения своих целей всё, что можно.

В одной китайской притче, которую, кстати, очень любил председатель Мао, рассказывается о старике по имени Юй-гун. Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы – Тайханшань и Ваньшань. И вот Юй-гун решил вместе со своими сыновьями срыть эти горы мотыгами. Другой старик, по имени Чжи-соу, увидев их, рассмеялся и сказал: «Всё это глупости. Где уж вам и вашим сыновьям срыть две такие большие горы!» Юй-гун ответил ему: «Я умру – останутся мои дети, дети умрут – останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Хоть горы эти и высоки, но еще выше они стать не могут. Сколько сроем, на столько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их срыть?» И, не колеблясь, принялся за работу. В итоге это так растрогало бога, что тот послал на землю двух святых, которые унесли горы.

Но даже если бы господь не вмешался, я вас уверяю: китайцы в конце концов срыли бы эти горы и без его помощи!

«Парламентская газета».

01.10.2019.

Камчатка наша: с полуострова пляжей на полуостров вулканов

август 2020

Вообще-то я собирался на Огненную землю – ту самую Терра дель Фуэго, что открыл когда-то отважный португалец Фернан Магеллан. Этой поездке помешал коронавирус, закрывший государственные границы. Однако, изучив карту России, я нашёл на ней нашу собственную Огненную землю, расположенную на другом, прямо противоположном, краю света, и отправился со своего Крымского полуострова пляжей на Камчатский полуостров вулканов. Люблю это место со школы. Сядешь бывало за задней партой на каком-нибудь скучном уроке и давай мечтать о путешествиях. Что ж, мечты сбываются.

Берингия

– О-о, это странное место Камчатка, О-о, это сладкое слово «Камчатка», – прицепилась ко мне в самолете старая песенка Виктора Цоя, которую я бормотал сквозь антикоронавирусную маску.

Кстати, на том же альбоме «Начальник Камчатки» Цой впервые спел и песню «Последний герой»: «Доброе утро, последний герой! Доброе утро, – тебе, и таким как ты!»

Самолет приземлился на полуострове вулканов действительно аккурат добрым камчатским утром, а в моих краях, на расстоянии девяти часовых поясов, в это время была глубокая ночь. Да-да, сейчас не Великобритания, сейчас Россия – страна, над которой никогда не заходит солнце.

Аэропорт Петропавловска-Камчатского носит имя главного исторического героя этих мест Витуса Беринга, ничем не уступающего Магеллану. В первой половине XVIII века знаменитый российский мореплаватель руководил двумя Камчатскими экспедициями, во время которых открыл пролив между Чукоткой и Аляской и достиг Северной Америки.

В первой экспедиции, в 1729 году, Беринг обогнул Камчатку с юга, открыв Камчатский залив и Авачинскую губу, а во второй, в 1740 году, основал на берегу Авачинской бухты город Петропавловск-Камчатский, названный так в честь двух кораблей экспедиции – пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел». Во время этой же второй экспедиции Витус Беринг скончался от болезни 8 декабря 1841 года на острове, которому впоследствии было дано имя мореплавателя.

Берингов пролив. Берингово море. Остров Беринга. Мыс Беринга. Ледник Беринга. Камчатский государственный университет имени Беринга. Аэро-

порт имени Беринга. Настоящая страна Берингия – неслучайно археологи называют этим термином всю северо-восточную часть Сибири, Чукотку и Аляску.

Недалеко от аэропорта имени Беринга установлен памятник, у которого фотографируется почти каждый прилетающий на Камчатку турист. Надпись на монументе утверждает: «Здесь начинается Россия», хотя правильнее было бы написать: «Здесь заканчивается Россия». Все-таки наша страна расширилась (помните: широка страна моя родная) с запада на восток, а не наоборот. Ну или в качестве компромисса могу предложить друзьям камчадалам другую формулу: здесь восходит солнце России.

Рядом с памятником – указатели на Москву, Санкт-Петербург, Владивосток, Хабаровск, Токио, Сеул, Пекин, Анкоридж, Париж и... Крым. Между нашими полуостровами почти восемь тысяч километров и много общего. Ну, например, на Камчатке был один из фронтов... Крымской войны. Историки иногда называют Восточную (Крымскую) войну 1853-1856 годов нулевой мировой. И действительно, боевые действия между Россией и коалицией союзников в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства велись не только в Крыму, но и на Кавказе, на Балтике, на Белом море и даже на Дальнем Востоке.

Форпосты России

Англия и Франция хотели отобрать у России тогда еще не проданную американцам Аляску, богатые промыслами Алеутские и Командорские острова, побережье Берингова и Охотского морей, проникнуть на Камчатку и на Сахалин. 18 августа 1854 года эскадра союзников под командованием контр-адмирала Дэвида Прайса вошла в Авачинскую бухту. В ее составе было шесть кораблей – фрегаты «Президент», «Пик», «Форт», «Евридика», бриг «Облигадо» и пароход «Вираго». Неприятель располагал 216 орудиями, а его личный состав насчитывал 2700 человек. Им противостояли два русских корабля – фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» – и около тысячи защитников города. Накануне военный губернатор Камчатки Василий Завойко обратился к жителям Петропавловска с воззванием, в котором говорилось: «Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови».

Несмотря на неравные силы, два предпринятых союзниками штурма завершились ничем: англичанам с французами пришлось несолоно хлебавши убраться с русской земли. Как заметил российский историк Евгений Тарле, «впечатление в Лондоне и Париже от этого Петропавловского дела было убийственное». «Борт только одного русского фрегата и нескольких батарей оказались непобедимыми перед соединённой морской силой Англии и Франции, и две величайшие державы Земного шара были осилены и разбиты небольшим русским поселением», – сетовали в Британии.

Памятником историческим событиям является Никольская сопка, на которой разворачивались главные бои во время обороны города, а именем Василия Завойко названа одна из улиц Петропавловска-Камчатского.

С тех давних пор прошло больше полутора столетий, а Крым и Камчатка по-прежнему остаются важнейшими форпостами России на ее стратегических рубежах – на тёплом близком юге и дальнем, часто холодном востоке. Севастополь является главной базой Черноморского флота, а расположенный на берегу той же Авачинской бухты, что и Петропавловск-Камчатский, городок Вилучинск – базой атомных подводных лодок Тихоокеанского флота. Как поется в гимне Севастополя: «Знает вся страна родная, Что не дремлют корабли И надёжно охраняют Берега родной земли». При этом Черноморский и Тихоокеанский флоты не только обеспечивают обороноспособность нашей страны, но и являются, как сейчас модно выражаться, драйверами инфраструктурного и экономического развития регионов, в которых они базируются. Развитие флотов влечет за собой модернизацию береговой инфраструктуры, а достаточно высокие зарплаты военных моряков обеспечивают платёжеспособность значительной доли населения.

Затерянный мир

Другая стратегическая отрасль, с которой связано развитие как Крыма, так и Камчатки, – туризм. В Крыму – прежде всего пляжный. На Камчатке – ... Наверное, правильное всего назвать его экологическим. По официальной статистике, в прошлом году Крым посетило около семи с половиной миллионов туристов, а Камчатку – 240 тысяч. С одной стороны, разница огромная. С другой, здесь не уложишь отдыхающих штабелями вдоль берега Охотского моря или Тихого океана. Здесь их нужно тащить на вершины вулканов, сплавливать на плотах по быстрым холодным рекам, вдоль берегов которых рыбачат медведи, забрасывать вертолетами в отрезанную от цивилизации Долину гейзеров. Ну и добираться до Камчатки из густо населенных регионов России, конечно, сложнее, дольше и дороже, чем до Крыма.

Тем не менее, в последние годы турпоток в регион стабильно рос. Значительную часть туристов составляют иностранцы. В прошлом году их побывало на полуострове 36,3 тысячи человек. Основные страны – США, Германия, Франция, Китай, Япония, Корея. Иностранцы стремятся в этот дикий первозданный край прочь из своего благоустроенного, расчерченного, разлинованного бутафорского мирка. Камчатка восполняет дефицит первозданности, и ей не нужно меняться. Не нужно строить здесь города и заселять их миллионами жителей, не нужно прокладывать современные автострады к подножиям вулканов. Туда обязательно надо добираться на вахтовке – самодельном автобусе на базе «КамАЗа» или «Урала» с огромными, почти в человеческий рост колёсами, раскачиваясь на ухабах. Иначе Камчатка перестанет быть Камчаткой.

В этом году Камчатка, как и вся страна, для иностранцев пока закрыта из-за коронавируса, да и в целом число туристов будет меньше, чем в последние годы. Однако рано или поздно вирус отступит, а туристический потенциал региона – останется. Как отметил на всероссийской онлайн-конференции «Туристический сезон 2020: ожидания и реальность» врио губернатора края Владимир Солодов, текущая ситуация создаёт огромный потенциал для повышения привлекательности экологических видов туризма. «Я уверен, что после коронавируса уединённые места полуострова с чистейшим воздухом и водой будут вполне конкурентоспособны по сравнению с переполненными пляжами Турции или музеями Флоренции, так как здесь более безопасно с точки зрения здоровья», – полагает глава региона.

Уже сейчас в списке камчатских туроператоров более ста компаний. В сфере туризма легально работают около шести тысяч жителей полуострова, и власти региона полагают, что их число в перспективе может вырасти примерно вдвое.

Наверное, самый известный туристический объект на полуострове, – Долина гейзеров, считающаяся одним из семи чудес России. Затерянный мир Долины гейзеров был открыт совсем недавно – в 1941 году. И не выдуманным английским профессором Челленджером из романа Конана Дойля, а настоящим советским геологом Татьяной Устиновой, которая, между прочим, родилась у нас в Крыму, в Алуште. Так что эпоха великих географических открытий в нашей бескрайней России продолжается.

В 1989 году, перед распадом СССР, Устинова уехала к своей дочери в Канаду, где и умерла 4 сентября 2009 года, однако свой прах завещала похоронить в Долине гейзеров. Завещание первооткрывательницы было выполнено 5 августа 2010 года.

Увы, Долина гейзеров и сегодня остается труднодоступным для посещения местом. Пешеходных маршрутов туда нет, а стоимость вертолетной экскурсии составляет 45 тысяч рублей для туристов из других регионов России и 35 тысяч – для камчадалов. При этом вертолёту Ми-8 на Камчатке стоит заслуженный памятник. Вклад этой винтокрылой машины в освоение края трудно переоценить. Автомобильные дороги заканчиваются в Усть-Камчатске. Дальше на север можно добраться только по воздуху или морем.

Жизнь на вулканах

Символ Камчатки – вулкан, а главный краевой праздник – отмечающийся в августе День вулкана. На полуострове около 30 действующих и 160 потухших вулканов. Крупнейший из них – Ключевская сопка высотой 4750 метров. По своей активности она уступает только гавайскому вулкану Килауэа. За последние 300 лет здесь зафиксировано более 50 извержений, последнее из которых завершилось в июле нынешнего года.

День вулкана – отличный повод для того, чтобы взобраться на вершину какого-нибудь из них. Я выбрал для этого Авачинскую сопку – действующий вулкан, последнее извержение которого было зафиксировано 5 октября 2001

года. С лежащей у подножия сопки туристической базы покрытая снегом курящаяся вершина кажется далёкой и труднодостижимой. 2741 метр над уровнем моря. Или, точнее, – Тихого океана. По другую руку высится ещё более грозная, остропикая, с зубринами, громада Корякского вулкана. К восхождению на него, как и на Ключевскую сопку, надо готовиться серьёзнее.

Однако и Авачинский – не фунт изюма. 6 часов 49 минут понадобилось мне для того, чтобы взобраться на его дымящую серой вершину и водрузить там флаг Республики Крым.

Камчатка наша!

Мой проводник Сергей родился и вырос в Петропавловске-Камчатском. Служил срочную в Уссурийске. После армии вернулся домой. Его друзья недавно переехали в Крым, в Бахчисарайский район, а он не хочет никуда уезжать. Говорит, на Камчатке есть все, что ему нужно. Раньше хотелось поездить по России, а сейчас осталось две мечты – слетать в Москву и к Чёрному морю. Если к Чёрному морю, то к нам, приглашаю я его.

Энергия вулканов даёт силы камчадалам жить в этом красивом, но суровом краю. Иногда Камчатку называют русской Исландией. И зря. Во-первых, потому что климат здесь намного суровее – температура зимой градусов на десять ниже. Во-вторых, потому, что Камчатка не является ничьей копией, она неповторима. Неповторима настолько, что заставила меня писать стихи, чем я не грешил уже три десятка лет:

Что гонит нас за тридевять земель,
За трижды восемь рек, озёр, морей
От дома, где уютную постель
Для нас устроил ортопед Морфей?
Банально – тяга к перемене мест,
Инстинкт бежать из замкнутого круга,
Стремление поставить жирный крест
И вместо росписи отправить другу;
Обнять мою красавицу-страну
И выпить за неё из старой фляги,
И передать медведю-шатуну
Камчатскому привет от Аю-Дага;
Взобраться на курящийся вулкан,
Минздрав забыл предупредить о риске,
И разглядеть с вершины океан,
Отметившись в заветном белом списке.

Десять вещей, которые надо обязательно сделать на Камчатке

1. Взобраться на вершину вулкана. Для профессиональных альпинистов лучше всего подойдут Ключевская или Корякская сопки, для хорошо готовых

физически туристов – Авачинская сопка, для всех остальных – Мутновская сопка.

2. Слетать в Долину гейзеров, которая входит в список семи чудес России.

3. Почтить память защитников Петропавловска-Камчатского на Никольской сопке.

4. Побывать на Курильском озере или сплавиться на плоту по одной из камчатских рек, чтобы понаблюдать за рыбачащими медведями.

5. Порыбачить самому, поймать хотя бы одного лосося, приготовить и попробовать красную икру-«пятиминутку».

6. Выйти на катере из Авачинской бухты в Тихий океан и увидеть касатку и рубку атомной подводной лодки.

7. Побывать на Халактырском пляже и искупаться в Тихом океане.

8. Пожать клешню камчатскому крабу, а потом съесть его, запивая холодным местным пивом.

9. Искупаться в горячем источнике, желательно не оборудованном и в плохую погоду.

10. Познакомиться с культурой коренных народов полуострова – коряков, ительменов, эвенов и алеутов.

«Парламентская газета».

18.08.2020.

Пароль доступа к Русскому миру: 06061799

Пушкинское путешествие из Санкт-Петербурга в Михайловское и обратно, июнь 2021

6 июня весь мир отмечает Международный день русского языка. Накануне этой даты корреспондент «РФ сегодня» проехал по местам, связанным с жизнью и творчеством того, к чьему дню рождения приурочен праздник.

От Михайловского замка до Сенатской площади

Санкт-Петербург – застывший в камне и бронзе, стихах и прозе – видите, я и сам заговорил в рифму – учебник русской литературы. Здесь сконцентрирована двухвековая история отечественной словесности.

Невский проспект Гоголя, Сенная площадь Достоевского, гостиница «Англетер» Есенина, дом Набокова на Большой Морской, Фонтанный дом Ахматовой, «полторы комнаты» Бродского на Литейном... Но мы сегодня только о Пушкине, ибо, как точно заметил другой, пусть и «коллективный» классик – Козьма Прутков, нельзя объять необъятное.

Мое пушкинское путешествие начинается, может быть, в не самом очевидном месте, у Михайловского замка. Здесь на заре XIX века, в 1801 году, был убит заговорщиками император Павел Первый. А Александр Пушкин в ноябре 1817-го, ровно за век до Русской революции, глядя на этот «пустынный памятник тирана, забвенью брошенный дворец», написал свою одновременно скандальную и пророческую оду «Вольность»:

«Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!»

Друзья боялись, что поэта сошлют в Сибирь или на Соловки, однако «самовластительный злодей» Александр Первый рассудил иначе. За неподозволительную «вольность» он выдал коллежскому секретарю Александру Пушкину тысячу рублей на дорожные расходы и отправил на юг «лечиться от либерализма» – сначала в Екатеринослав, а потом на Кавказ и ко мне домой – в Крым. В известном смысле, именно тут, у Михайловского замка, начался путь Пушкина к веселым берегам Салгира.

Ну а мы с вами пока отправляемся по гоголевскому Невскому проспекту к воспетой Пушкиным адмиралтейской игле. Как точно заметил Николай Васи-

льевич, «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга... Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу...»

Ну и туфли Пушкина, конечно, тоже оставили в свое время здесь тысячи и тысячи отпечатков, добавлю я. Однако, не верьте этому Невскому проспекту! – призывал Гоголь: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется! Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат? Ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка... Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте...» Лучше простите меня за то, что немного увлекся Гоголем, и идемте на Сенатскую площадь.

«Всю жизнь свою провёл в дороге, простыл и умер в Таганроге», – отреагировал на смерть Александра Первого Пушкин. А декабристы отреагировали на нее восстанием против самодержавия.

Я не историк, а журналист. И, пользуясь этой «вольностью», могу немного пофантазировать. Думаю, если бы император не упек в 1824 году Пушкина за «увлечение атеистическими идеями» в очередную ссылку – только теперь уже не на юг, а на северо-запад – в Михайловское, 14 (26) декабря 1825 года поэт наверняка был бы вместе со своими друзьями на Сенатской площади. Собственно, он сам признался в этом вступившему на престол Николаю Первому, который вернул Пушкина из деревни в столицу.

«Император долго беседовал со мною и спросил меня:

— Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?

— Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в возможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо», – пересказала со слов поэта этот разговор писательница Анна Хомутова.

До «разряда» пятерых повешенных заговорщиков – Рылеева, Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола – Пушкин не дотягивал, но на каторгу в случае участия в восстании отправился бы почти наверняка. Как его ближайшие друзья – Кюхельбекер и Пущин.

Дворцовая площадь: как Пушкин «унизил» Александра Первого

Уже в конце своей жизни, в 1834 году, в письме жене Пушкин иронично заметил: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут». Первый (прошу прощения за много порядковых числитель-

ных) – это Павел Первый. Второй – Александр Первый. И третий – Николай Первый.

С Николаем у Пушкина действительно сложились хорошие отношения. Специально для него поэт написал в 1826 году записку «О народном воспитании». Она свидетельствует об успешном излечении от либерализма (Крым – лучший курорт для исцеления от этого недуга, события весны 2014 года еще одно тому подтверждение) и остается поразительно злободневной до сегодняшнего дня, боюсь, и завтрашнего дня тоже. «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения, – писал классик. – ...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания... литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные».

«Должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой – необъятную силу правительства, основанную на силе вещей», – замечал классик, имея в виду и своих друзей декабристов, и самого себя.

И призывал «защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления».

Поэт указывал на пагубное влияние чужеземного идеологизма для нашего отечества и предлагал противопоставить ему патриотическую систему просвещения: «Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Мы надолго задержались на Сенатской площади, но это ключевое место в истории России и русской литературы. Медный всадник (который на самом деле никакой не медный, а бронзовый, однако чего не сделает поэт из-за лишнего слога) – тому свидетель. «Петру Первому от Екатерины Второй», – начертано на пьедестале. Великая императрица умела играть словами и быть краткой – Чехову было у кого учиться.

В Санкт-Петербурге – огромное количество пушкинских мест. Ну, например, через Неву, на Васильевском острове – «Пушкинский дом» – Институт русской литературы. А на Дворцовой площади – «униженная» поэтом Александровская колонна – в честь победы над Наполеоном Александра Первого, который поэта не жаловал. Помните же:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александровского столпа».

Постоим, задрвав головы, несколько минут вместе с другими туристами на Дворцовой, и на автовокзал на Обводном канале. «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия», а я отправляюсь в тот уголок земли, где Пушкин провел изгнанником два года незаметных.

Из Михайловского в Тригорское: Пушкин-работодатель

06061799 – это не просто пароль к вайфаю в гостевом доме в деревне Савкино, где я приютился на несколько дней. 06061799 – это пароль доступа к Русскому миру.

На стенах в моей комнате – картинки с изображением поэта и цитата из его письма к хозяйке Тригорского Прасковье Александровне Осиповой: «Я просил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году... меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь...»

Этот проект Пушкину осуществить не удалось, но все равно здесь, «у себя в горах», он – один из главных, если не самый главный кормилец. Ему обязаны своим благополучием хозяева гостиниц, экскурсоводы, таксисты. Да и в целом туризм – важный источник наполнения бюджета этого района Псковской области. И в этом нет ничего дурного. Как у Пушкина в «Разговоре книгопродавца с поэтом»:

«Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят...»

Отправляюсь побродить и я. Сначала в Михайловское. Тут почти нет подлинных пушкинских вещей, сам дом несколько раз горел и строился заново; но подлинно главное – атмосфера места, в котором рождались гениальные стихи.

Вообще, лучший рассказ о Михайловском, да не обидятся на меня местные экскурсоводы, принадлежит собственно Пушкину. Обнаружить его можно в «Евгении Онегине»:

«Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали

Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые...»

И жил здесь Пушкин примерно так же, как Онегин – анахоретом: «Прогулки, чтение, сон глубокой... бутылка светлого вина, уединенье, тишина...»

Из Михайловского, от Пушкина-Онегина, наш путь лежит в соседнее Тригорское – имение уже упоминавшейся здесь Прасковьи Александровны Осиповой, чьи дочери Анна и Евпраксия по одной из версий были прототипами сестер Лариных – Татьяны и Ольги. Где-то здесь

«Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью
Упала...»

Потом

«Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел...»

От этих размышлений меня отрывает внезапный сильный холодный дождь, тоже, впрочем, тотчас напоминая пушкинские стихи:

«Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим».

Недуг, которого причину давно бы отыскать пора – нет, не российская хандра

Действительно, пора собираться на юг, в «Земли полуденной волшебные края». И мне – работать, и многим нашим читателям – отдыхать. Но по пути – снова Санкт-Петербург. Черная речка. Два взгляда на одну из самых трагических страниц русской истории и точно самую трагическую страницу истории русской литературы. Одна – Лермонтова:

«Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!»

Другая – Булгарина: «Великий был человек, а пропал, как заяц...»

Дом на набережной Мойки, 12. Последняя квартира поэта. Отсюда он поехал на дуэль, сюда же его привезли умирать. Картина Александра Козлова «Пушкин в гробу». Лицо усталого, немолодого уже человека – поэту было без малого тридцать восемь.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем

Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем...»

У Пушкина остались огромные – около 150 тысяч рублей долги, которые погасил Николай Первый. Жена и дети покойного получили пенсии. Кроме того, царь выкупил доли совладельцев в родовых имениях поэта – Болдино и Михайловском, которые получили сыновья. Камергер Павел Дурново (это вам не какой-то ничтожный камер-юнкер) написал по поводу такого «аттракциона невиданной щедрости»: «Это превосходно, но это слишком».

Однако на самом деле это мы с вами остались должны Пушкину и не расплатимся с ним никогда – если уместно здесь такое выражение. Формула Аполлона Григорьева «Пушкин – наше всё», может быть, и звучит сегодня трюизмом, однако не перестает от этого быть абсолютной истиной. Она – как «дважды два четыре» для Русского мира. Будь моя воля, я бы хранил произведения Пушкина где-нибудь в Музее мер и весов как эталон Русского слова.

А еще, как точно отметил Достоевский, именно Пушкин первый указал на «самую большую язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества»: неверие в Россию и слепое, бездумное подражание Западу. «Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаением болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено...», – говорил Федор Михайлович в своей знаменитой Пушкинской речи.

Признаем из нашего XXI столетия: «недуг, которого причину давно бы отыскать пора» (нет, не российская хандра – «поправлю» я классика) оказался трудно излечимым, но надежда не потеряна. Главное – следовать пушкинскому рецепту: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Александр Сергеевич Пушкин похоронен на родовом кладбище в Святогорском монастыре – в тех местах, где мы с вами уже побывали во время этого путешествия. И в этом факте тоже эволюция его мировоззрения: от атеиста, сочинителя «Гаврилады», до автора вот таких строк:

«Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

Ну а дух Пушкина, согласно его поэтическому завещанию, обретается у меня дома в Крыму:

«Так, если удаляться можно
Отголь, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит...»

Лечу и я.

«Российская Федерация сегодня».
Июнь 2021

На троих с классиками

Русский алфавит – наше единственное богатство,
июнь 2021

Рука сама потянулась к стоявшему на колченогом столе старинному, советских времен, граненому стакану. Я оглянулся по сторонам – никого. Тетенька-смотрительница куда-то вышла. Достал из кармана флягу с водкой.

Вина клюквенного крепкого, пустая бутылка из-под которого стояла рядом, увы, ныне не купить ни за какие деньги – рецептура и секреты производства утрачены вместе с ушедшей эпохой. Плеснул в стакан бесцветной сорокаградусной жидкости и немедленно выпил. Тепло растеклось по жилам. Русская литература была у меня в крови.

Память услужливо подсказала:

«Любимая, я в Пушкинских горах,
Здесь без тебя – уныние и скука,
Брожу по заповеднику, как сука,
И душу мне терзает жуткий страх...»

Музей Сергея Довлатова в деревне Берёзино расположен в том самом мемориальном доме, который описан в повести «Заповедник».

Помните?

«Дом Михал Иваныча производил страшное впечатление. На фоне облаков чернела покосившаяся антенна. Крыша местами провалилась, оголив неровные темные балки. Стены были небрежно обиты фанерой. Треснувшие стекла – заклеены газетной бумагой. Из бесчисленных щелей торчала грязная пакля.

В комнате хозяина стоял запах прокисшей еды. Над столом я увидел цветной портрет Мао из «Огонька». Рядом широко улыбался Гагарин. В раковине с черными кругами отбитой эмали плавали макароны. Ходики стояли. Утюг, заменявший гирию, касался пола».

С тех пор минуло лет сорок пять, за которые ходики не двинулись с места. Я осторожно поставил пустой стакан на стол. Гагарин – сам не дурак выпить был – одобрительно улыбнулся мне со стены.

Сегодня, 6 июня, большой праздник – день рождения Александра Сергеевича Пушкина, который отмечается во всем мире еще и как Международный день русского языка.

Им виртуозно владели и Александр Сергеевич, и Сергей Донатович, и... Михаил Иванович.

«Членораздельно и ответственно Миша выговаривал лишь существительные и глаголы. Главным образом, в непристойных сочетаниях. Второстепен-

ные же члены употреблял Михал Иванныч совершенно произвольно. Какие подвернутся. Я уже не говорю о предложениях, частицах и междометиях. Их он создавал прямо на ходу. Речь его была сродни классической музыке, абстрактной живописи или пению щегла. Эмоции явно преобладали над смыслом.

Допустим, я говорил:

— Миша, пора тебе завязывать хотя бы на время.

В ответ раздавалось:

— Эт сидор-пидор бозна где... Пятерку утром хва и знатобьсь в гадюшник... Аванс мой тыкашто на дипоненте... Кого же еньть завязывать?.. Без пользы тыка... И душа не взойде...

Мишины выступления напоминали звукопись ремизовской школы.

Болтливых женщин он называл таратайками. Плохих хозяек – росомахами. Неверных жен – шаландами. Пиво и водку – балдой, отравой и керосином. Молодое поколение – описью...

«На турбазе опись гаешная бозна халабудит...»

В смысле – молодежь, несовершеннолетняя шпана озорничает и творит бог знает что...»

Пушкинские горы – одно из самых красивых мест в мире, можете мне поверить на слово. Недостаток один – здесь слишком много... Пушкина. Классик смотрит на вас из-за каждого угла. Сходство, как заметил еще Довлатов, часто исчерпывается бакенбардами, размеры которых варьируются произвольно. У советских художников было три любимых объекта, изображая которые они не знали предела размаху и вдохновению, – борода Карла Маркса, лоб Ильича и бакенбарды Сергеича.

Может быть, еще и поэтому после нескольких дней интоксикации Пушкиным в Михайловском, Тригорском и Петровском так хорошо зайти «похмелиться» в довлатовский музей. Сообразить на троих с классиками. Благо, у меня с ними есть по крайней мере одна общая черта. Как писал Довлатов, русский алфавит – это наше единственное богатство. Переставляя его буквы в бесчисленных вариантах, мы зарабатываем на кусок хлеба и рюмку водки.

Я могу читать «Заповедник» с любого места. Открываю прямо сейчас, «при вас».

Ну!

«— Пушкин волочился за женщинами... Достоевский предавался азартным играм... Есенин кутил и дрался в ресторанах... Пороки были свойственны гениальным людям в такой же мере, как и добродетели...»

— Значит, ты наполовину гений, – соглашалась моя жена, – ибо пороков у тебя достаточно...»

Довлатов работал экскурсоводом в Пушкинских горах в 1976-1977 годах, после того, как лишился работы в советских газетах и журналах. И, вольно или невольно, примерял на себя судьбу классика:

«Я твердил себе:

— У Пушкина тоже были долги и неважные отношения с государством. Да и с женой приключилась беда. Не говоря о тяжелом характере...

И ничего. Открыли заповедник. Экскурсоводов – сорок человек. И все безумно любят Пушкина...»

Теперь у Довлатова тоже есть свой музей. Да еще прямо в Пушкинском заповеднике. Экскурсовод, правда, пока всего один, но, как говорят на Руси, лиха беда начало.

И еще, создатели музея обещают вскоре открыть в нем нетленный символ советской эпохи – рюмочную. Тогда, наконец, больше не придется, прячась от смотрительницы, пить из мемориального граненого стакана.

Как это там у классика XX века: «Я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать».

За Пушкина!

Отличный, согласитесь, повод...

Одно беспокоит. В стране опись гаешная бозна халабудит...

«Крымское эхо».

05.06.2021

Как я измерил Россию

июнь 2021

Так получилось, что за последние два года я «измерил» Россию с востока на запад. В августе прошлого года мне довелось побывать на Камчатке, на дальнем востоке нашей страны. В мае нынешнего – на «дальнем западе» – в Печорах. Между двумя этими точками – семь тысяч километров по прямой. Даже после распада Советского Союза Россия остается самой большой страной в мире, хотя могла бы быть еще больше.

Что общего между Камчаткой, Псковщиной и Крымом

Камчатка и Печоры «спорят» друг с другом за право говорить, что именно там начинается Россия – обратите внимание на одну из фотографий, иллюстрирующих эти заметки. На самом деле и Камчатка, и Псковская земля, и Крым – прежде всего, форпосты на границах России, которые не дают покоя нашим «партнерам».

Это сближает наши регионы. Ну, например, на Камчатке был один из фронтов... Крымской войны. Историки иногда называют Восточную (Крымскую) войну 1853-1856 годов нулевой мировой. И действительно, боевые действия между Россией и коалицией союзников в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства велись не только в Крыму, но и на Кавказе, на Балтике, на Белом море и даже на Дальнем Востоке.

Англия и Франция хотели отобрать у России тогда ещё не проданную американцам Аляску, богатые промыслами Алеутские и Командорские острова, побережье Берингова и Охотского морей, проникнуть на Камчатку и на Сахалин.

18 августа 1854 года эскадра союзников под командованием контр-адмирала Дэвида Прайса вошла в Авачинскую бухту. В её составе было шесть кораблей – фрегаты «Президент», «Пик», «Форт», «Евридика», бриг «Облигадо» и пароход «Вираго». Неприятель располагал 216 орудиями, а его личный состав насчитывал 2700 человек. Им противостояли два русских корабля – фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» – и около тысячи защитников города.

Накануне военный губернатор Камчатки Василий Завойко обратился к жителям Петропавловска с воззванием, в котором говорилось: «Я пребываю в твёрдой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия всё, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови».

Несмотря на неравные силы, два предпринятых союзниками штурма завершились ничем: англичанам с французами пришлось несолоно хлебавши

убраться с русской земли. Как заметил российский историк Евгений Тарле, «впечатление в Лондоне и Париже от этого Петропавловского дела было убийственное».

«Борт только одного русского фрегата и нескольких батарей оказались непобедимыми перед соединённой морской силой Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осилены и разбиты небольшим русским поселением», – сетовали в Британии.

Где установлен самый важный памятник для современной России

Как вы думаете, где установлен самый важный памятник для современной России?

Нет, не в Крыму.

Хотя у нас действительно есть памятники, очень важные для текущего исторического момента – народному ополчению, вежливым людям, Екатерине II и Александру III, великим полководцам и флотоводцам – Суворову, Кутузову, Нахимову, Корнилову, Ушакову, героям Великой Отечественной...

Тем не менее, самый важный памятник для современной России стоит на горе Соколиха в окрестностях Пскова, и это памятник Александру Невскому и его дружине.

Грандиозный монумент установили там в 1993 году – в смутное время, когда псковская земля вновь, как во времена Ледового побоища, стала западным форпостом России.

На Соколихе очень хорошо понимаешь, видишь, чувствуешь, как далеко, на семь с половиной веков назад, была отброшена Россия после распада Советского Союза. Фактически в 1991 году западные границы нашей страны были зафиксированы на рубеже XIII столетия!

Южные – на рубеже XVII-го, если взять за точку отсчета Переяславскую Раду, или XVIII-го, если отталкиваться от присоединения Крыма и Тамани в 1783 году.

Однако вернемся пока к Александру Невскому как одному из главных героев Русского мира. 5 апреля 1242 года князь и его дружина остановили первое нашествие западных «миссионеров-просветителей» на нашу землю. Рыцари Ливонского ордена закончили свой крестовый поход на Восток на дне холодного Чудского озера.

Неслучайно орден Александра Невского – единственная награда, которая существовала в трех разных «версиях» российского государства – Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Помните программную речь полководца из гениального фильма Сергея Эйзенштейна: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!»

Увы, с первого раза эта истина до многих западных лидеров не доходит. В XIX веке она не дошла до Наполеона Бонапарта, в XX-ом – до Адольфа Гитлера, в XXI-ом – ...

То, что происходит сейчас, это ведь тоже на самом деле очередное нашествие Запада на Русский мир – просто нашествие современное, как иногда говорят – гибридное, но от этого не менее опасное. Причем главный удар наносится как раз на нашем крымском направлении.

Кстати – тревожный момент. Эйзенштейн снял свой фильм в 1938 году – за три года до нападения Гитлера на Россию. Ничего не пытаюсь пророчить – просто привожу параллель.

Еще одно замечательное место, связанное с именем Александра Невского, – деревня Самолва на берегу Чудского озера, где как раз и произошло одно из главных сражений в русской истории. В 2015 году в Самолве был открыт музей Ледового побоища, рассказывающий не только о самой битве, но и о работе в середине прошлого века комплексной экспедиции Академии наук СССР под руководством военного историка Георгия Караева по определению точного места сражения. Инициатива создания этого музея принадлежит участнику той экспедиции, писателю, журналисту Владимиру Потресову. В экспедиции, которая определила место Ледового побоища, с 1956 по 1963 год во время отпусков и каникул бесплатно трудились десятки людей различных специальностей: историки, археологи, гидрологи, геологи. Военные округа, пароходства безвозмездно предоставляли в их распоряжение технику: самолеты, вертолеты, катера. Аквалангисты и водолазы обследовали дно озера, а группы туристов на байдарках находили водные пути, которыми мог двигаться Александр Невский. В экспозиции музея представлены документы, схемы, карты, книги, научные работы, рабочие тетради, полевые блокноты, путевые дневники, фотографии, личные вещи участников экспедиции, водолазное снаряжение, использовавшееся для погружения на дно Чудского озера.

Два Александра: Невский и Пушкин

Об истории противостояния «коллективному Западу» рассказывают и могучие стены псковских крепостей – собственно псковского кремля-крома, Печорской лавры, Изборска.

Печоры – самый западный город России, если не считать Калининградской области. Отсюда до границы с Эстонией – в буквальном смысле рукой подать.

Основанный в XV веке Псково-Печорский Свято-Успенский мужской монастырь одновременно был и военной крепостью, выдержавшей осады войск польского короля Стефана Батория и шведского короля Карла XII. Нынешний настоятель лавры – митрополит Тихон Шевкунов, председатель Патриаршего совета по культуре, главный редактор интернет-портала Православие.ru, автор книги «Несвятые святые» и фильмов «Гибель империи. Византийский урок» и «Гибель империи. Российский урок».

Шевкунова часто называют духовником Путина. Он сопровождал президента России во время его поездки в Псково-Печорский монастырь в 2000 году и во время визита в США в 2003-м, когда Путин передал приглашение патриарха Алексия Второго первоиерарху Русской православной церкви за границей Лавру посетить Россию.

В 2017 году сам Шевкунов так ответил на вопрос о том, действительно ли он является духовником президента: «Я уже не раз говорил, что по вопросам христианства, православия Владимир Владимирович Путин имеет возможность консультироваться с немалым числом компетентных людей – от Святейшего патриарха до простых священников и мирян. В числе таких священников и ваш покорный слуга, это действительно так».

В нескольких километрах от Печор – Изборск. Один из древнейших русских городов, а ныне деревушка с населением меньше восьмисот человек. Впервые Изборск упомянут в Повести временных лет в 862 году в связи с призванием варягов. Согласно летописи город достался младшему брату Рюрика Трувору, который княжил здесь два года. Три столетия «железный Изборск» был форпостом России в борьбе с крестоносцами, выдержав за это время восемь осад.

Неслучайно именно в таких исторических местах, как Изборск, Валдай, Ливадия, рождаются консервативные русские политические клубы. Среди членов Изборского – уже упоминавшийся здесь Тихон Шевкунов, Александр Проханов, Александр Дугин, Наталья Нарочницкая.

Я уже говорил, что между пограничными русскими регионами – огромные расстояния и... много общего. У нас в Крыму есть и свой консервативный политический клуб – Ливадийский, и свои памятники в честь Александра Невского – кафедральный Александро-Невский собор в Симферополе и собор святого Александра Невского в Ялте. Ну и, конечно, наши регионы объединяет имя еще одного русского гения – Александра Сергеевича Пушкина. Пушкин похоронен на псковской земле – в Святогорском монастыре, однако дух поэта, если верить его стихам, обретается у нас в Крыму.

Помните:

«Так, если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит».

«Крымское эхо».

19.05.2021

За героями Достоевского: из Петербурга в Скотопригоньевск

ноябрь 2021

*К 200-летию классика наш журналист прошел
по следам Раскольникова и братьев Карамазовых*

11 ноября 2021 года – дата даже не всероссийского, а планетарного масштаба. Двести лет назад родился Федор Михайлович Достоевский. Его произведения стали классикой мировой литературы. По ним за рубежом формируется представление о России, Русском мире, русском национальном характере. Накануне юбилея корреспондент журнала «Российская Федерация сегодня» прошел по следам главных героев произведений писателя – Раскольникова и братьев Карамазовых.

На месте преступления

Есть мемориальные дома писателей и поэтов – их много, а есть мемориальные дома литературных героев – их гораздо меньше. Дом на углу Столярного переулка (современный адрес: улица Гражданская, 19) – один из самых необыкновенных в Санкт-Петербурге. Здесь жил, может быть, самый известный персонаж в истории русской литературы – Родион Романович Раскольников.

«Трагические судьбы людей этой местности Петербурга послужили Достоевскому основой его страстной проповеди добра для всего человечества», – читаю я на мемориальной доске, установленной на доме. Рядом экскурсовод рассказывает группе иностранных туристов о создании «Преступления и наказания». «Crime and Punishment», «Crime et Châtiment», «Verbrechen und Strafe» – роман переведен едва ли не на все существующие языки и давно стал «транснациональной историей» – так же, как произведения Гомера, Данте или Шекспира.

Топографически Раскольников шел на убийство старухи процентщицы именно отсюда, из Столярного переулка, метафизически он проделывал этот же путь вместе со своими читателями в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине.

Топографически идти Раскольникову было недалеко, он точно знал, сколько шагов от его дома до дома старухи: семьсот тридцать. Он шел тихо и степенно, не торопясь, чтобы не подать подозрений. Мало глядел на прохожих, даже старался совсем не смотреть на лица и быть как можно неприметнее. Я двигался за ним с томиком Достоевского в руках. Но вот уже и близко,

вот и дом, вот и ворота. Набережная канала Грибоедова, 104. Здесь было совершено главное преступление в истории мировой литературы: «Ни одного мига нельзя было терять более. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом».

В огромном квадратном дворе, у парадного, школьники с учительницей литературы изучали роман «на местности». Эх, был бы богачом, обязательно купил бы квартиру в этом доме и открыл в ней Музей ломбарда. Какие сюжеты подарили и еще подарят эти учреждения писателям!

Тут же, неподалеку, на набережной, другой примечательный дом, где жила еще одна героиня «Преступления и наказания» – Соня Мармеладова. Современный адрес: Набережная канала Грибоедова, 73.

Адреса Достоевского

Петербург – главный город Достоевского. В 1838 году он приехал сюда учиться в Инженерном училище, расположенном в Михайловском замке, «забвенью брошенном дворце», где был убит заговорщиками император Павел Первый. Военного инженера из Достоевского, правда, не получилось, однако сделанные во время учебы знакомства как минимум однажды здорово выручили писателя. В 1856 году, служа после каторги в солдатах в далеком Семипалатинске, Достоевский написал герою Крымской войны генералу Эдуарду Тотлебену, с которым был знаком по училищу, письмо с просьбой ходатайствовать, чтобы ему разрешили публиковаться. Тотлебен согласился. Так, с помощью прославленного однокашника, Достоевский вернулся в литературу. А мы возвращаемся в Санкт-Петербург.

За время своей жизни в городе на Неве Достоевский переменял десятки квартир. Это обстоятельство подчеркивает не только материальную нужду, в которой много лет прожил писатель, но и его (а вместе с ним – и его литературных героев) склонность к... «бродяжничеству». Достоевский любил бесцельно бродить по тогдашней российской столице, «блуждал по самым темным и отдаленным улицам Петербурга. Во время ходьбы он разговаривал сам с собою, жестикулировал, так что прохожие оборачивались на него. Друзья, встречавшиеся с ним, считали его сумасшедшим», – вспоминала дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская.

Точно так же мы постоянно встречаем бродящими без видимой цели по улицам и площадям города героев классика. Именно на таких прогулках складывалась у Раскольниковых его идея о праве на насилие. Помните сакраментальный вопрос из школьной программы: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»

«Вы выходите из дому – еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и очевидно ни перед собой, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы освобождаете руку и

декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго», – характеризует Раскольникова Свидригайлов.

Сравните с воспоминаниями дочери писателя. Похоже, не правда ли? А впрочем, может, она свое описание из романа и взяла. Большие писатели все свои книги пишут о самих себе. Никак иначе не бывает.

Петербург – один из главных источников и, одновременно, главных героев произведений Достоевского. Как подсчитали литературоведы, город выступает как фон для развития сюжета в двадцати произведениях классика: «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Чужая жена и муж под кроватью», «Елка и свадьба», «Неточка Незванова», «Скверный анекдот», «Записки из подполья», «Крокодил», «Униженные и оскорбленные», «Вечный муж», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток», «Бобок», «Кроткая», «Бесь».

Подросток в одноименном романе говорит: «Есть у меня в Петербурге несколько мест счастливых, то есть таких, где я почему-нибудь бывал когда-нибудь счастлив, и что же – я берегу эти места и не захожу в них как можно дольше нарочно, чтобы потом, когда буду уж совсем один и несчастлив, зайти, погрузить и припомнить...» Думается, Достоевский «подарил» в этом случае своему герою собственную идею. Хотя у писателя было в Петербурге немало и других мест, где он, наоборот, был несчастлив. Петропавловская крепость, в камерах которой Достоевский несколько месяцев ждал наказания за участие в кружке петрашевцев. Семеновский плац (ныне – Пионерская площадь), где 22 декабря 1849 года Достоевский поднялся на эшафот, мысленно прощаясь с жизнью, однако в последний момент смертную казнь писателю заменили каторгой.

Главный петербургский адрес Достоевского прямо сейчас – Кузнечный переулок, дом №5. Там он прожил последние три года жизни, там располагается замечательный мемориальный музей писателя. Вечное успокоение классик нашел в Александро-Невской лавре. Могилу Достоевского украшает монумент из серого гранита. На скале – крест с терновым венцом, у подножия – бюст писателя. Надпись на камне гласит: «Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не оумреть, то едино пребываетъ: аще же оумреть, многъ плодъ сотворить». Цитата из Евангелия от Иоанна, выбранная Достоевским в качестве эпиграфа к его последнему роману – «Братья Карамазовы».

В поисках трактира

Туда, где разворачивались его события, в заштатный русский городок Скотопригоньевск, я и направляюсь из имперского Петербурга. Однако не ищите Скотопригоньевск на карте. Название выдумано писателем. В реальной жизни это городок Старая Русса в Новгородской области. Поезд привез меня туда рано утром, и я первым делом решил согреться в трактире «Столичный город»

– уверен был в том, что таковой должен в Старой Руссе существовать. Увы, ошибался. А ведь именно там, в скотопригоньевском трактире «Столичный город» состоялся едва ли не главный философский диспут в истории человечества. Там Иван Карамазов возвращал свой билет Господу Богу и излагал Алёше поэму о Великом инквизиторе. И вот если в Санкт-Петербурге я бы купил квартиру в доме старухи процентщицы, то в Старой Руссе всенеменно открыл бы трактир «Столичный город», который может стать местом паломничества не хуже, чем какая-нибудь гаванская «Бодигита». Ну а заодно там можно будет... защищать диссертации по русской литературе, философии и богословию.

За этими размышлениями я зашел в первое попавшееся по пути кафе. Заказал, как Иван Карамазов, чаю. Открыл роман.

«- Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О загранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?»

— Нет, не для этого.

— Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековечных вопросах теперь и толкует...

О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о перделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, всё те же вопросы, только с другого конца».

В «оправдание» жителям Старой Руссы можно сказать, что интерьер русского трактира эпохи Достоевского воспроизведен в одной из комнат музея романа «Братья Карамазовы». Перед нами – трактирная стойка и предметы быта XIX века: самовар, утварь, посуда, вешалка для одежды.

В Старой Руссе Достоевский провел восемь летних сезонов – с 1872 по 1880 год. На карте города обозначены места, которые посещал классик. По этим обозначениям можно легко воспроизвести маршруты его героев – Мити и Алеши Карамазовых. Из газеты «Новгородские ведомости» за 1875 год мы узнаем о деле Петра Назарова, старорусского мещанина, который убил своего отца. Этот случай, сообщенный Достоевскому, повлиял на развитие замысла сюжетной линии романа.

Любовь Федоровна Достоевская вспоминала: «Действие «Братьев Карамазовых» он перенес в этот город; читая их впоследствии, я легко узнавала топографию Старой Руссы. Дом старика Карамазова – это наш загородный дом с небольшими изменениями». В доме Достоевского-Карамазова на набережной реки Перерытыцы сейчас работает еще один музей классика. Жена писателя, Анна Григорьевна, впервые открыла его всего через два года после смерти Достоевского – в 1883 году.

Достоевский и «русские европейцы»

Старая Русса – единственный город, который Достоевский выбрал по собственному желанию. Все другие города, в которых приходилось жить писателю, за него выбирали или обстоятельства или другие люди. Полагаю, это был еще и цивилизационный выбор. Старая Русса. Старая Россия. У нас в стране литература – это не просто беллетристика, это способ философствования, способ постижения мира, способ решения самых главных вопросов как человеческого, так и государственного бытия. А Достоевский – не только один из самых известных за рубежом отечественных писателей и мыслителей, но и, одновременно, последовательный критик западной цивилизации, а вместе с ним и западного проекта развития России.

Представления классика об отличиях между Россией и Западом прошли самое главное испытание – испытание временем. «Да, вновь ошибка с Европой, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... Но, однако, чего нам гоняться за доверчивостью Европы? Мы вовсе не Европа и всё у нас до того особливо, что мы, в сравнении с Европой, почти как на Луне сидим», – писал классик в одном из своих дневников.

Сравните с нынешней ситуацией, когда Россия – едва ли не единственная остается защитницей традиционных ценностей, выступая против пропаганды ЛГБТ-ценностей и прочих вывихов современной западной цивилизации.

Европа боится Россию. «Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и «уничтожит цивилизацию»... Вот что кричат теперь в Англии, в Германии, и опять-таки лгут поголовно, сами не верят ни в одно слово из этих обвинений и опасений. Всё это лишь слова для возбуждения масс народа к ненависти, – писал Достоевский. – В Европе кричат о «русских захватах, о русском коварстве», но единственно лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны отнюдь тому не верят, да и никогда не верили». Похоже ведь на то, что кричат в Европе (и в Америке) и сейчас, вот уже семь с половиной лет после возвращения Крыма. А пожалуй, что и дольше – с «войны 08.08.08».

Ну и, конечно, здорово достается от Достоевского «русским европейцам»: «Мы начали с бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только... Мы только и делали, что пока лишь вид перенимали. Мы нагоняли на себя европейские вкусы, мы даже ели всякую пакость, стараясь не морщиться: «Вот, дескать, какой я англичанин, ничего без кайенского перцу есть не могу». Да, действительно есть и всегда были такие русские (имена многих из них известны), которые не только не отрицали европейской цивилизации, но, напротив, до того преклонялись перед нею, что уже теряли последнее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину... Зачем-де у нас все это не так, как в Европе? В Европе-де везде хорош талер, а у нас рубль

дурен. Так как же это мы не Европа, так зачем же это мы не Европа? Нужна-де только европейская формула, и все как раз спасено; приложить, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером. Главное, что приятно в этих механических успокоениях, – это то, что думать совсем не надо, а страдать и смущаться и подавно... Чего думать, чего голову ломать, еще заболит; взять готовое у чужих – и тотчас начнется музыка, согласный концерт –

Мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем.

Ну, а что коль вы в музыканты-то еще не годитесь, и это в огромнейшем, в колоссальнейшем большинстве, господа?»

Больше полутора веков прошло с тех пор, как были написаны эти слова, а кажется, что они о сегодняшнем дне.

*«Российская Федерация сегодня»,
№11, 2021.*

Славянская азбука тихого Дона

апрель-май 2022

Корреспондент «Парламентской газеты» прошел по одной из главных рек Русского мира

Михаил Шолохов родился 24 мая – в день, когда по православному календарю славят создателей азбуки, святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, а по светскому – отмечают День славянской письменности и культуры. К этому тройному празднику корреспондент «Парламентской газеты» прошел по одной из главных рек Русского мира – тихому Дону.

Литературный парад

Михаил Александрович Шолохов курил прямо на ростовской набережной. Правая рука в кармане брюк, в левой – папироса. Не хватало только таблички: «Осторожно! Набережная содержит сцены курения!» Аккурат напротив Михаила Александровича стоял Антон Павлович. Чехов. Казалось, вот-вот, и Шолохов его попросит: «Не загораживай тихий Дон».

Михаил Александрович Шолохов был памятником. Антон Павлович Чехов – теплоходом. Для компании им не хватало третьего большого писателя этого края – Александра Исаевича Солженицына.

У нас все-таки была (есть?) действительно самая читающая, самая литературная страна в мире. Рядом с «Антоном Павловичем Чеховым» пришвартовались «Тарас Григорьевич Шевченко» и «Иван Алексеевич Бунин» – тоже пароходы. При виде такого литературного парада в голову лез... Маяковский:

«– Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой

дымной жизнью труб,

канатов

и крюков».

И было интересно, что думает о специальной военной операции на Украине пароход и человек Шевченко? Шолохов, кстати, тоже с малороссийскими корнями. Его мать родом из семьи переселенцев с Черниговщины. Казаки поддразнивали таких: «Хохол мазница, давай дражниться: этот – турок, тот – поляк, ты – хохол, а я казак!» В детстве Мишка любил «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбу», а в юности, в Гражданскую войну, попал в плен к самому батьке Махно. И тот приказал его расстрелять, но после просьбы какой-то сердобольной казачки смилостивился. Таким оказался вклад Нестора Ивановича в русскую литературу – оставил в живых будущего классика.

Продолжали литературный парад на набережной бронзовые герои шолоховских произведений – Григорий Мелехов, Аксинья и дед Щукарь, а командовал им... генерал советской литературы Алексей Максимович Горький. Тоже, конечно, весь из бронзы. Они были хорошо знакомы, Горький и Шолохов. Михаил Александрович в молодости часто обращался к Алексею Максимовичу за помощью – протолкнуть через выставленные бдительными чиновниками и редакторами цензурные и бюрократические рогатки то очередную часть «Тихого Дона», то «Поднятую целину».

Тихий Дон и Дон...Кихот

В гостинице «Тихий Дон» свободных мест не оказалось, и я поселился в другом литературном отеле. Правда, испанизированном. Называется не «Тихий Дон», а «Дон...Кихот». Шолохов тоже много и бескорыстно сражался за своих земляков – правда, не с ветряными мельницами, а с куда более опасными противниками. Сначала – с белогвардейцами, а потом – с советскими чиновниками и даже с самим товарищем Сталиным. К слову, именно Иосиф Виссарионович стоял до разоблачения культа его личности на ростовской набережной на том пьедестале, где возвышается сейчас Алексей Максимович.

«Я, житель станицы Вёшенской на Верхнем Дону, в годы гражданской войны боролся за победу Советской власти. Меня родила и воспитала Советская власть и партия большевиков. Я – сын советского народа. И заботу советской власти обо мне я не могу назвать иначе, как ласковой материнской заботой о сыне» – Шолохов писал это искренне. Он боролся не против советской власти, а против ее «перегибов», и не боялся сообщать о них на самый верх.

Иначе поступал его земляк и ненавистник Солженицын. Он обвинял не только Советскую власть в создании ГУЛАГа, но и Шолохова в плагиате, утверждая, что тот украл рукопись «Тихого Дона» у полузабытого казачьего писателя Федора Крюкова. Александр Исаевич окончил в Ростове-на-Дону сначала среднюю школу № 15, а потом физико-математический факультет местного университета, однако культа личности Солженицына в городе нет, ну разве что удалось мне обнаружить фрагмент экспозиции о нем в краеведческом музее.

Вообще, я Солженицыну должное отдаю, но думаю, что в отношении Шолохова им двигала зависть. Была у Александра Исаевича такая черта характера, чего уж там. Тем не менее оба они, и Шолохов, и Солженицын, по праву вошли в историю литературы.

Шолохов и Сталин

Анекдот.

«Шолохов пришел к Сталину хлопотать за сына Платонова. Вождь, насупившись, выслушал и говорит:

— Вот вы, товарищ Шолохов, пишете, ходите, за всех просите. То за голодающих, то за казаков, то за вёшенских руководителей. Берия мне говорил,

что вы приходили к нему и убеждали в невинности Клейменова (советский ученый – организатор разработок ракетной техники. Расстрелян в 1938 году – автор). Вы верите, что он не был вредителем?

— Верю, товарищ Сталин, – спокойно ответил Шолохов.

— Вот всем вы верите. За всех просите. А кто при случае за вас попросит? Кто вам поверит?

— Вы, товарищ Сталин.

— Вы так думаете? Мой совет – не ошибитесь, товарищ Шолохов».

У них были сложные отношения, но, тем не менее, Шолохов уважал Сталина и как руководителя государства, и как... знатока литературы. Можно сказать, Сталин был личным критиком и цензором Шолохова. Как Николай Первый – Пушкина. Это старая русская литературно-политическая традиция взаимоотношений между первым лицом в государстве и первым лицом в литературе.

«Знаменитый писатель нашего времени товарищ Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» – никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» – писал Сталин. И «Тихий Дон» издавали и «продавали» – «с грубейшими ошибками».

Собственно, во многом именно Сталин – недаром в юности стихи сочинял – сделал СССР самым литературоцентричным государством в мире. При нем писатели и поэты стали одними из главных героев страны. В их честь называли улицы и города, открывали музеи и памятники.

В «Тихом Доне» выведены в качестве героев или упоминаются больше сотни реальных исторических лиц – Керенский, Ленин, Брусиллов, Буденный, Каледин, Краснов, Деникин... И ни слова о Сталине! Не нашлось у Шолохова добрых слов для вождя и в «Поднятой целине», и в военном романе «Они сражались за Родину». Зато после погромного доклада Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году, где он развенчивал «культ личности» Сталина, Шолохов горько и метко заметил: «Культ, конечно, был, но была и личность».

О Хрущеве писатель оставил другой отзыв: «Оценки придут со временем, но то, что он болен, – это так... Серьезная болезнь – понос слов».

В уездном городе Т.

Донской край дал России и миру сразу двух лауреатов Нобелевской премии – Шолохова и Солженицына, а мог дать и третьего – да еще какого! В соседнем Таганроге родился и вырос Антон Павлович Чехов. Впервые Нобелевская премия была вручена в 1901 году, а Чехов умер в 1904-м. Три шанса у него было. Или, точнее, три шанса было у членов Нобелевского комитета, потому что, в отличие от них, Чехов велик вне всяких премиальных контекстов. А потом в дело вмешалась чехотка.

В Таганрог на Азове и лежал мой путь из Ростова-на-Дону. Дорога такая, что не вспомнить чеховскую «Степь» нельзя: «Перед глазами ехавших рассти-

лалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...»

В уездном городе Т. было так много улиц, площадей, музеев и памятников Чехову и его героям, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы посмотреть на фокусы «Каштанки», пофлиртовать с «Тремя сестрами», вырастить «Вишневый сад» и сразу же умереть. Ну а если без шуток, то Антон Павлович – не только самый известный в мире таганрожец, но и крупнейший городской «работодатель». Его наследие кормит музейных работников, экскурсоводов, театральных режиссеров, актеров, администраторов, отельеров и даже хозяев некоторых продуктовых магазинов, которые не стесняются использовать в названиях фамилию классика.

В музее, располагающемся в здании бывшей классической мужской гимназии, которую окончил когда-то Чехов, лежит в витрине журнал «Русская мысль» с говорящим подзаголовком: «Ежемесячное литературно-политическое издание». Литература у нас неотделима от политики. Так было, есть и будет. От Ломоносова, Пушкина, Лермонтова через Достоевского, Толстого, Чехова, Солженицына, Бродского к нашим современникам – Лимонову, Проханову, Прилепину да и их антиподам вроде какого-нибудь Акунина тоже.

В актовом зале выставлен аттестат Чехова об окончании гимназии. «Пятерки» по... закону Божьему, географии и немецкому, «четверки» по русскому языку и словесности (!), истории, логике и греческому, «тройки» по математике, физике и латыни. Здесь же на стенах вывешены раззолоченные доски с фамилиями тех, кто окончил гимназию с золотыми и серебряными медалями – никого не знаю.

Школьники, которых привели прикоснуться к святому, оживленно обсуждали успеваемость классика и его однокашников. Найдется ли когда-нибудь в Таганроге еще один великий троечник? – подумал я и отправился на родину Шолохова, который в школе тоже в общем-то не блистал.

Веха в истории

Станица Вешенская была когда-то вехой на большом водном пути из Воронежа в Азов, а стала вехой в русской и мировой литературе. Если Чехов – кормилец Таганрога, то уж Шолохов – Вешек тем более. Заботился о земляках при жизни, продолжает делать это и с того света. У него «на содержании» – десятки сотрудников музея-заповедника, туристических фирм, хозяева гостиниц и кафе.

Писатель мог легко обосноваться в Москве, в одной из знаменитых сталинских высоток, например, но даже не мыслил себе этого никогда. Всегда спешил из родной столицы в родную станицу, предпочитая ее не только Москве, но и

всему остальному миру. Даже за границу на писательские съезды не любил ездить.

На станичной набережной памятник Григорию и Аксинье, в характере которой отразились черты матери писателя Анастасии Даниловны, которая с одним узелком ушла от первого мужа к Александру Михайловичу Шолохову. Будущий классик был незаконнорожденным, нахаленком, как говорили на Дону.

Среди экспонатов в музее Шолохова – удостоверение специального корреспондента «Красной Звезды». На второй день войны он телеграфировал в Москву: «Наркому обороны Тимошенко. Дорогой товарищ Тимошенко. Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию... (Ленинскую раньше отдал на строительство школы в станице Каргинской – автор.) По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина – Сталина». Подпись: «Полковой комиссар запаса РККА, писатель Михаил Шолохов».

Выполняя задания редакции, Шолохов служил на Западном, Южном, Юго-Западном, Сталинградском, Третьем Белорусском фронтах. Получил тяжелую контузию. Награжден боевыми медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Его рассказ «Судьба человека» и главы из романа «Они сражались за родину» – лучшее из того, что написано о войне. Жаль, роман не успел закончить. Или, точнее, не захотел сохранить в том виде, в котором закончил. Камин в шолоховском доме – немой тому свидетель. В его чреве, по рассказу младшего сына писателя, Михаила, сгорела рукопись романа. И это тоже русская традиция – вспоминаем Гоголя и его «Мертвых душ».

Коллекция оружия на стене, и охотничьего – именной карабин с оптическим прицелом от Брежнева, и боевого – маузер и ПППШ, с которыми Шолохов прошел всю войну. Рыболовные снасти. Рыбачьи лодки. Пустые бутылки. Гараж с машинами – черная «Волга» для форсу, катал на ней Гагарина, и два советских «джипа» – ГАЗ и УАЗ для охоты и рыбалки. Вырисовывается стиль жизни. Недаром своим любимым зарубежным писателем Шолохов называл Хемингуэя.

Фрак, в котором писатель в 1965 году получал Нобелевскую премию. Через одиннадцать лет после Хэма. Один раз в жизни его надел. Плевался: «Ну, официант!» «У тех черная бабочка, а у вас белая...» – успокаивали его.

Незадолго до кончины Шолохов попросил дочь Светлану напомнить ему слова из песни военных лет «В лесу прифронтовом». И когда услышал: «И что положено кому, пусть каждый совершит!» – проговорил: «Да, правильно, вот так...» На могиле писателя над одной из главных рек Русского мира стоит памятник – простая глыба камня с одной строкой по стесу: «Шолохов». Он глыбой и был.

«Парламентская газета».

25 мая 2022 г.

Крымский Дон: параллели и меридианы Русского мира

апрель-май 2022

Ранним-ранним утром я выдвинулся на Азов. Настоящий. Не путать с неонацистской бандой, разгромленной недавно армией России. Многого не прощу бандеровцам – в том числе, и того, что теперь при слове «Азов» возникает ассоциация с этими ублюдками.

У небольшого городка в устье Дона с населением около восьмидесяти тысяч человек – большая история, о которой рассказывает один из лучших виденных мною в России краеведческих музеев. Связи Азова с Тавридой насчитывают две с лишним тысячи лет. В третьем веке до Рождества Христова боспорские греки основали неподалеку город Танаис, о котором упоминал в своей «Географии» сам Страбон.

Окно на юг

Стратегическое географическое положение у впадения Дона в Азовское море предопределило и интерес к этому месту древних греков, и развернувшуюся в XVII столетии борьбу за Азов между Турцией и Россией.

Русские прорубали себе «окно на юг». В 1637 году донские и запорожские казаки взяли Азов и удерживали его до 1642 года – в историю вошло знаменитое Азовское сидение, однако в конце концов вынуждены были оставить крепость. Московский Земский собор, к которому обратились казаки за помощью в борьбе с превосходящими силами турок, не решился тогда ввязаться в войну с Османской империей.

В конце века в дело вмешался Петр Великий, памятник которому по заслугам стоит в самом центре города. Первый Азовский поход в 1695 году закончился неудачей, но царь был не из тех, кто пасует перед трудностями, крепость пала перед русским оружием в следующем, 1696 году. Азов стал плацдармом новой России на пути к южным морям.

Впереди была борьба за Тавриду, которая развернулась уже в царствование Екатерины Великой.

Пройдет без малого девяносто лет, и в 1783 году Крым станет нашим, а на берегу Ахтиарской бухты будет основан легендарный Севастополь. История не торопится, если измерять ее масштабом человеческой жизни.

Азов – это не только город, сыгравший важнейшую роль в истории России, но и... название единственного в своем роде корабля русского флота. О нем напоминает памятник адмиралу Михаилу Лазареву. 8 октября 1827 года, в знаменитом Наваринском сражении, флагман русского флота «Азов»

под командованием Лазарева уничтожил пять турецких кораблей. За эту викторию корабль был награжден Георгиевским флагом, а Лазарев произведен в контр-адмиралы и получил сразу три ордена – греческий «Командорский крест ордена Спасителя», английский Бани и французский святого Людовика. Однако единственным в своем роде «Азов» делает даже не это, а то, что на нем под началом Михаила Лазарева сражались еще три будущих выдающихся флотоводца, три будущих героя Крымской войны – Владимир Корнилов, Павел Нахимов и Владимир Истомин. Все четверо, включая Лазарева, нашли вечный покой в Севастополе, во Владимирском соборе – усыпальнице великих русских адмиралов.

Уходящий берег Крыма

Другая драматическая глава русской истории, которая сближает Крым с Донской землей, – Гражданская война. Именно в столице казачьего Дона, Новочеркасске, начала формироваться в ноябре 1917 года Добровольческая армия. А в марте 1920-го ее остатки эвакуировались в Крым, где вошли в состав Русской армии барона Врангеля. Из Крыма, из Феодосии, в апреле того же 1920 года ушел в эмиграцию бывший командующий Добровольческой армией Антон Деникин. Из Крыма, как из раны кровь, вытекла в ноябре 1920 года старая Россия – эвакуировались части Русской армии Врангеля, в которой было много донских казаков. Один из них, уроженец станицы Старочеркасской Николай Туроверов запечатлел этот трагический исход в стихах:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою!
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Сегодня в России есть два памятника примирения в Гражданской войне. Первый открыт в Новочеркасске в 2005 году, а второй в Севастополе – в 2021-м.

Таганрогские сюжеты

Литературные параллели между Донщиной и Крымом не исчерпываются творчеством Туроверова.

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов родился и вырос в Таганроге, на берегу Азовского моря, а последние годы своей жизни провел в Ялте, на берегу моря Черного. В Таганроге классику посвящены сразу три музея – литературный в здании бывшей мужской классической гимназии, которую с горем пополам окончил троечник Чехов; музей в домике, где писатель появился на свет; и музей «Лавка Чеховых», где располагался магазин отца писателя.

Связывает Таганрог с Крымом и имя еще одного классика – Пушкина. Поэт вместе с генералом Николаем Раевским побывал в городке в мае 1820 года, во время поездки на Кавказ. Обедали и ночевали путники у градоначальника на Греческой улице. Дом сохранился и по сей день, его фасад украшает памятная доска: «В этом доме в июне 1820 года останавливались по дороге на Кавказ великий поэт А. С. Пушкин и герой Бородинского сражения 1812 г. генерал Н. Н. Раевский». В Крым Пушкин и Раевские прибыли в августе того же 1820 года, уже по пути с Кавказа.

В этом же доме в Таганроге, на Греческой улице, 40, умер 19 ноября (1 декабря) 1825 года российский император Александр Первый. Умер по пути... из Крыма. Александр простудился по дороге из Балаклавы в Георгиевский монастырь – ехал верхом в одном мундире при сыром пронизывающем ветре, и слег в Таганроге. Пушкин написал на смерть императора эпиграмму: «Всю жизнь свою провёл в дороге, простыл и умер в Таганроге».

А еще в домовая церковь особняка, обустроенной в память об императоре, много лет выступал любительский хор, дирижером которого в 60-70-х годах XIX века был... Павел Чехов (отец будущего классика), а хористами – его сыновья, включая Антона. У великого писателя в аттестате, который хранится в литературном музее-гимназии, по закону Божьему, между прочим, пятерка, а по русскому языку и словесности – только четверка.

Чем обязан Крыму Шолохов

В известном смысле обязан Крыму своей литературной славой и Михаил Шолохов. В детстве ему дали прочитать «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича Толстого. И они так поразили воображение мальчишки, что он немедленно сам взялся за перо. Школьная учительница Ольга Павловна Стрехова прочитала первые литературные опыты Шолохова и, похвалив, подвигла его на дальнейшее сочинительство.

В итоге Шолохов стал новым Толстым. Лев Николаевич написал великий эпос об Отечественной войне 1812 года, Михаил Александрович – о Гражданской. Подступился Шолохов и к эпосу о Великой Отечественной, но, увы, не завершил. Или точнее, завершил, но сжег итоговую рукопись в камине своего

вешенского дома. Тем не менее, дошедшие до нас главы романа «Они сражались за Родину» – одна из вершин русской военной прозы.

Еще одну показательную параллель между Толстым и Шолоховым «начертил» Константин Симонов. «Мне довелось перечитать «Тихий Дон» в обстоятельствах, врезавшихся в мою память. Шел август 1941 года. В тот страшный год две книги больше всего дали моей душе. Первой из них была «Война и мир», второй такой книгой оказался для меня «Тихий Дон». Соединение трагизма его ситуаций с силой выведенных в нем характеров, по преимуществу народных, делало эту трагическую книгу книгой о силе народа, его двухжильной выносливости, бестрепетности перед лицом бед и смертей. Книга, которая оказывается нужной в такие минуты жизни, как тогда, в 1941 году, остается потом нужной на всю жизнь как часть тебя самого, сегодняшнего и еще более тогдашнего», – признавался военкор, поэт и писатель.

Шолохов и сам служил в годы Великой Отечественной специальным военным корреспондентом газет «Красная Звезда» и «Правда», много времени провел на фронте, получил тяжелую контузию, которая сказывалась всю оставшуюся жизнь, был награжден боевыми орденами и медалями.

Какие военкоры были тогда у нас: кроме уже упомянутых Шолохова и Симонова, Алексей Толстой, Андрей Платонов, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Евгений Петров, Константин Паустовский...

Маршал Победы Иван Степанович Конев вспоминал приезд на фронт Шолохова с Петровым: «Это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова разделить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать страшный натиск немцев...»

Все знают такие военные произведения Шолохова, как «Они сражались за родину», «Судьба человека», многие – «Науку ненависти», а я напомним очерк «Гнусность», который появился в «Красной звезде» 29 августа 1941 года: «Близ села Ельня разгорелся упорный бой... А когда наша часть перешла в наступление, фашисты выгнали из села женщин и детей и расположили их перед своими окопами...» Не напоминает вам тактику украинских неонацистов в ходе нынешней специальной военной операции?

После войны Шолохов часто бывал у нас в Крыму – в Никитском ботаническом саду работал после окончания Тимирязевской академии его сын Александр. И еще один крымский след в биографии Шолохова. В первый раз его номинировал на Нобелевскую премию старейший русский советский писатель Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, много лет живший и работавший в Алуште.

На круги своя

Нельзя не отметить крымский след в биографии и еще одного нобелевского лауреата, выросшего и получившего образование на Дону – Александра Солженицына. Он Шолохова ненавидел, считал плагиатором – уверен, что

незаслуженно, но в историю русской и мировой литературы вошел все-таки по праву.

Солженицын еще до войны окончил среднюю школу № 15 в Ростове-на-Дону и физико-математический факультет местного университета. А в пятидесятых-шестидесятых годах прятал в Крыму, в посёлке Черноморское, у своих друзей Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых, копии «Архипелага ГУЛАГ» и «В круге первом». Бывал классик русской литературы и в других местах полуострова – в Ялте, Керчи, Феодосии, Гурзуфе.

Дон и Крым. Часть единого культурного, интеллектуального и духовного пространства, часть единого Русского мира, который попытались разорвать в 1991-м и который сейчас собирается вновь. В точности по пророчеству Солженицына: «В самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка её – именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса) и Крым. (Принятие хрущёвского подарка – по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, – государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка – непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 процента населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице «Нахвтанное – ребром выпрет».

Сначала «выпер» Крым, за ним – Донбасс, за ним – Новороссия и Слобожанщина, и кто знает, что ждет нас впереди?

«Крымское эхо».

25 мая 2022 г.

Соловецкие острова. Россия

Кижы. Россия

Парфенон. Афины, Греция

Святые метеоры. Греция

Восхождение на Олимп. Греция

На вершине Олимпа. Греция

Троянский конь. Троя, Турция

Троянский конь Бреда Питга. Чанаккале, Турция

Площадь святого Петра. Рим, Италия

Колизей. Рим, Италия

Руины стадиона на Палатине. Рим, Италия

Площадь святого Марка. Венеция, Италия

Музей Битлз в Гамбурге. Германия

Любек. Германия

Саграда Фамилия. Барселона, Испания

Парк Гуэля.
Барселона, Испания

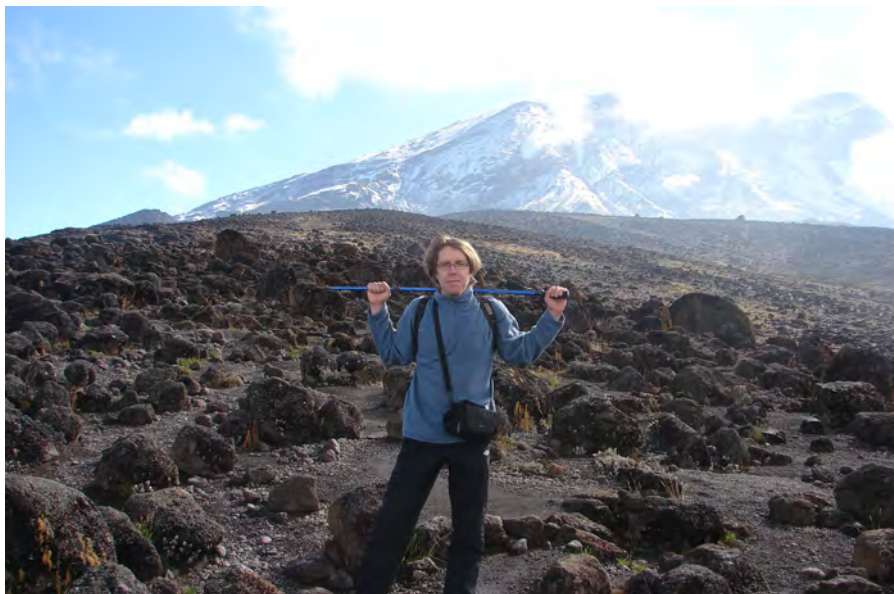

Коррида. Мадрид, Испания

Священные коровы на пляже в Гоа сливаются с камнями. Индия

Восхождение на Килиманджаро. Танзания

На крыше Африки. Килиманджаро, Танзания

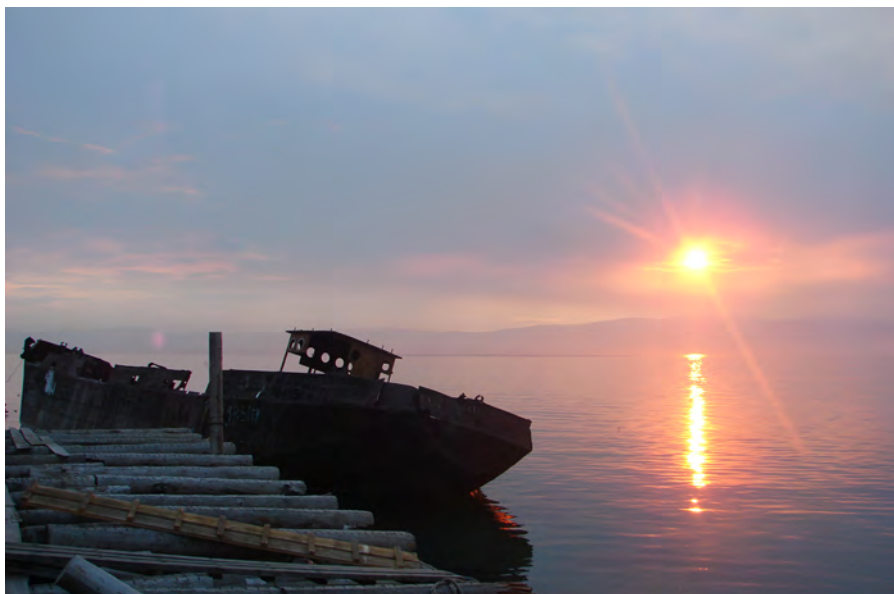
Нгоронгоро. Танзания

Сафари в Танзании

Скала Шаманка на острове Ольхон. Озеро Байкал, Россия

Закат на Ольхоне. Озеро Байкал, Россия

Статуя Христа. Рио-де-Жанейро, Бразилия

Рио-де-Жанейро. Бразилия

Водопад Игуасу. Бразилия

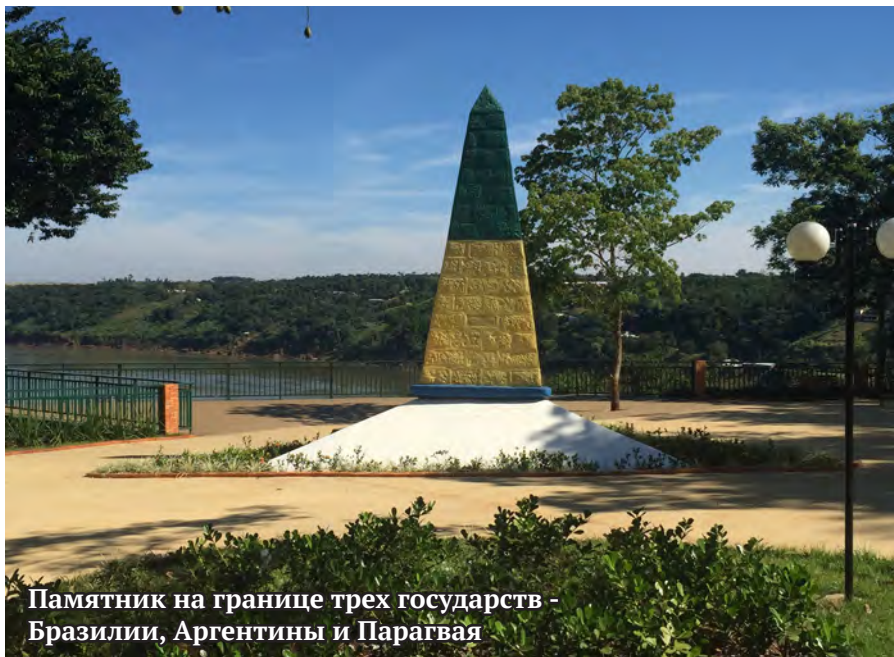
«Парламентскую газету» читают на водопадах Игуасу. Бразилия

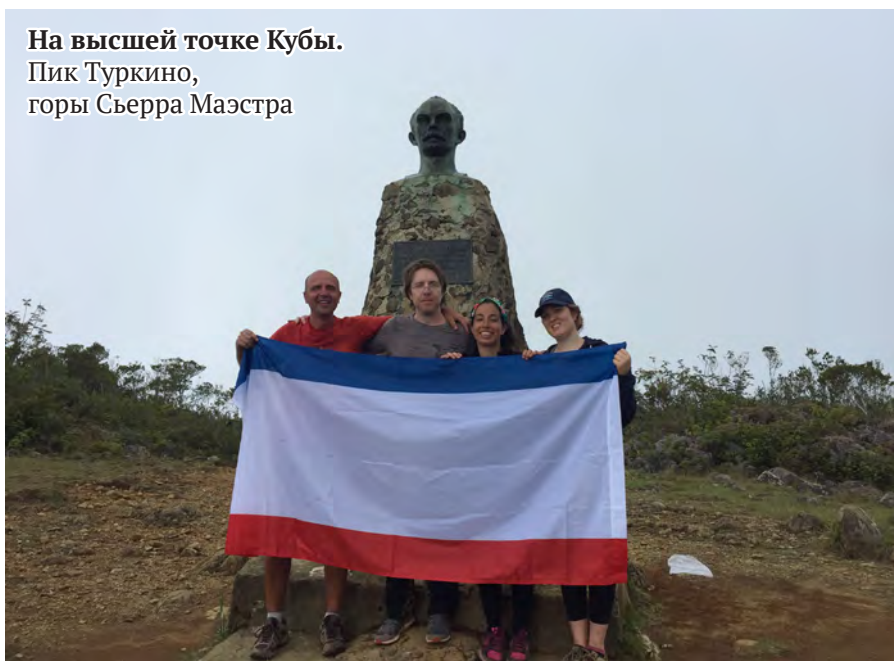
Музей Пеле в Сантусе. Бразилия

Петра. Иордания

**Памятник на границе трех государств -
Бразилии, Аргентины и Парагвая**

**На высшей точке Кубы.
Пик Туркино,
горы Сьерра Маэстра**

Памятник Че Геваре. Санта Клара, Куба

Хемингуэй читает «Парламентскую газету».
Бар «Флоридита», Гавана, Куба

Тринидад. Куба

Могилa Фиделя Кастро. Сантьяго-де-Куба

Бородино. Россия

Памятник национальному герою Филиппин Ляпу-Ляпу, убившему знаменитого европейского мореплавателя Магеллана

Памятник солдатам Второй мировой войны в Маниле. Филиппины

Великая Китайская стена

Флаг Крыма на Великой китайской стене

Авачинская сопка.
Камчатка, Россия

В Долину гейзеров на Камчатке можно добраться только на вертолете

Дикие медведи Камчатки

Савкина горка, Пушкинские горы

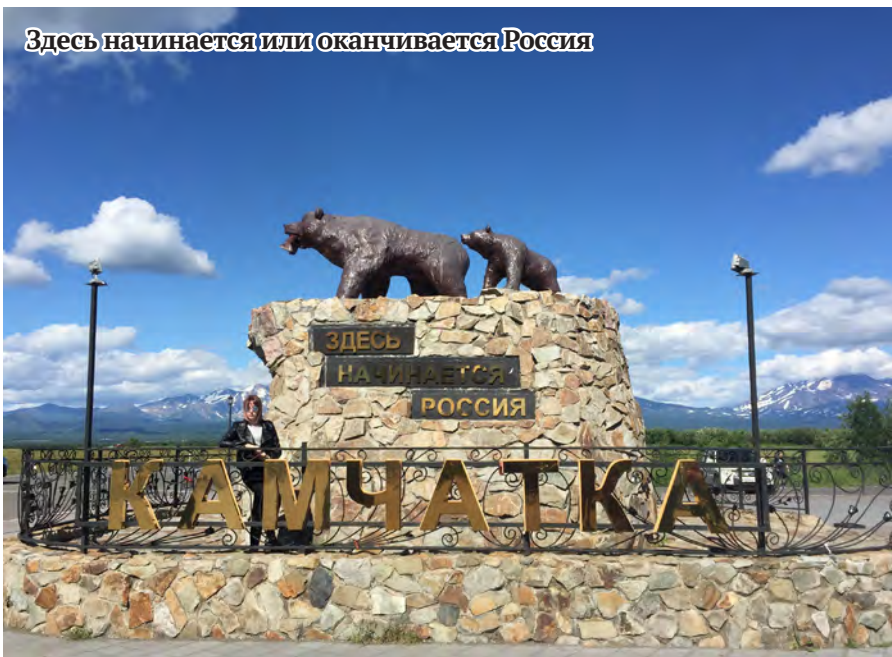

Неприступные стены Изборска

Музей Довлатова в Пушкинских горах

Здесь начинается или оканчивается Россия

Тихий Дон в Вешенской

**Памятник примирения
в Новочеркасске**

Научное издание

МАЩЕНКО Александр Петрович

Из Крыма вокруг света

В книге использованы фотографии автора.

Печатается в авторской редакции.

На обложке:
Крымский флаг у Капитолия в Гаване, Куба.
У жерла вулкана, Камчатка, Россия.

Дизайн, верстка Малая Т.Е.

Подписано в печать 17.01.2023. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,81. Гарнитура Times.

Заказ № НИ/116. Тираж: печать по требованию.

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».

295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,

тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

Издательского дома ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».

295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,

тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru